ДБ
30 Татарст
М-34
Мат-лы по
изуч. Татарст.
Сб. ст. В 2

ЕДЕНИЯ
ЦЕНТРЕ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАТАРСТАНА

Сборник статей

ВЫПУСК II.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г. Г. ИБРАГИМОВА
И
Н. И. ВОРОБЬЕВА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПЯТИЛЕТИЮ
ТАТАРСКОЙ С. С. РЕСПУБЛИКИ.

КАЗАНЬ
1925.

Пб
30 Татарстан
М34

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

91.5/3
Б99/М34

БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ ПРИ АКАДЕМИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ Т. Н. К. П.

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИЗУЧЕНИЮ
ТАТАРСТАНА.

(СБОРНИК СТАТЕЙ).

ВЫПУСК II.

Под редакцией:
Г. Г. Ибрагимова и
Н. И. Воробьева.

ПОГАШЕНО
К.У.Т.
ПОГАШЕНО
Ф.Б-ки
им. Сталина
76(3)
37

Посвящается пятилетию Татарской С. С. Республики.

Проверено 1937 г.

КАЗАНЬ.
1925.

4
7ЖЗ

Главлит № 1475. Тираж 2000 экз. Заказ № 1371.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
542618

2-я Гостипография „ВОСТОК" Комб. Изд. и Печати, Казанская 4.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Изучение своего края в настоящее время является насущным вопросом, над которым во всех концах Советского Союза работает дружная семья краеведов, задавшаяся целью изучить страну, чтоб вооруженным знанием поднять ее экономическое и культурное благосостояние. Краеведение стихийно растет, все более и более проникая в широкие народные массы, которые с огромной энергией ведут трудную работу изучения. Школа и организованным порядком, путем проведения ГУС'овской программы, и неорганизованно вводит в преподавание краеведческие моменты, с одной стороны ведением преподавания вообще на основах краеведения, с другой создавая даже специальные курсы.

Однако во всей этой огромной работе чувствуется крупный недостаток в ориентировочной сводной литературе, в которой было бы можно увидеть то, что уже сделано и найти отправные точки для дальнейшей работы. На этот недостаток жалуются и отдельные краеведы и учительство. Материалов по изучению местного края в специальной литературе имеется достаточно большое число, но нельзя требовать от иногда начинающего краеведа знания этих, часто недоступных и редких, источников. Необходимо издание такой литературы.

По изучению природы местного края в 1922 г. вышла I часть сборника „Географическое описание ТССР" под редакцией Б. Н. Вишневского, которая в настоящее время является настольной книгой краеведа-натуралиста. Настоящий сборник является как бы второй частью этого сбор-

ника, посвященной изучению культуры и хозяйства ТССР. Написанные специалистами статьи по различным вопросам, являются сводкой того, что сделано по вопросу и отчасти намечают рабочие пути для дальнейшей работы.

Настоящий сборник является первым изданием только что возникшего. Бюро краеведения Татарстана и его изданием научные работники Казани подводят итог научной работы в затрагиваемых сборником областях и тем самым кладут новые камни здания краеведения, окончательно получившего правильные организационные формы к пятилетнему юбилею ТССР.

Настоящий сборник далеко не охватывает всех вопросов, поставленных его задачей, но этот пробел будет восполнен изданием следующих сборников. Серия этих сборников охватит все основные вопросы изучения местного края и даст отправныя точки для дальнейшей работы.

Проф. В. Ф. Смолин.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ТАТРЕСПУБЛИКИ

I. Каменный век в пределах ТАТРЕСПУБЛИКИ.

Область изучения археологических памятников Татреспублики и соседних районов начинается с культур новокаменного периода (неолита).

Громадное количество остатков каменных орудий, обнаруженных в раздувах надлуговой Волжской терассы, по берегам р.р. Камы, Казанки, Свияги, Меши, Бездны и т. д., требовало внимательного изучения степени древности культуры этой эпохи в крае.

IV археологический с'езд в Казани (в 1877 г.) дал сильный толчок в исследовании этого вопроса и с этого времени открывается ряд новых и новых стоянок каменного века.

К настоящему времении наиболее полно изучены следующие пункты: близ озер «Вороний куст» (около Казани), около деревни Дальн. Поповка, близ Малых Отар, на пашнях дер. Победиловки, у дер. Бол. Отары, близ гор. Свияжска, у дер. Медведковой, у села Карташихи, Лаишевского кантона, окр. дер. Табаевой, бл. дер. Нов.-Мордовой (Спаского кантона), около села Кулаева (Лаишевского кантона).

Не изученные пункты остатков каменного века имеются также в громадном количестве (дер. Займище, бл. Казани, дер. Савиново, бл. Казани и т. д. и т. д.).

Степень древности культур каменного века в Татреспублике, на основании геологических показаний, определяется проф. А. А. Штукенбергом следующим образом:[1])

«Исследования, произведенные в окрестностях села Карташихи, Мордова и некоторых других местностях, вполне убеждают, что камен-

---

[1]) Штукенберг и Высоцкий. Материалы для изуч. каменного века в Труд. Общ. Естеств. при Казанском Университете, т. XIV в. 5, стр. 12.

ные орудия рассеяны собственно в культурном слое, который залегает почти прямо под почвой, покрывающей надлуговую террассу и часть с ней соприкасается...

«Нахождение следов стоянок каменного века на заливной равнине около Казани может только подтвердить этот вывод.

Очевидно, периоду употребления каменных орудий в долине Волги предшествовало не только отложение надлуговой террассы, но и ее заливной равнины. Не подлежит, следовательно, сомнению, что в пределах Казанской губ. известные теперь памятники каменного века принадлежат неолитическому веку».

Изучение самих остатков каменного века в местном крае не противоречит наблюдениям геологического порядка и, напротив, всемерно подверждает наличие в Татреспублике именно позднего периода неолитической культуры, к описанию памятников которого нам и необходимо приступить.

I. Расположение стоянок. Исследованиями установлено, что в пределах Татреспублики стоянки первобытного человека распределяются на две группы: временные (сезонные) стоянки и стоянки постоянные. Стоянки первого вида представляют собой род бивуаков, которые устраивал первобытный человек, отправляясь, например, на рыбную ловлю к соседним озерам или на охоту. Стоянки постоянные являются уже поселками, правда, еще незначительных размеров, но уже со следами земляных жилищ и т. д. При этом «человек каменного века выбирал для поселений в пределах Казанской губернии преимущественно долины рек и отдавал, очевидно, предпочтение для этой цели надлуговой террассе. Выбирая эту террассу местом поселений, человек того времени имел, конечно, в виду удобства, которые она представляла своим положением для добывания пищи». Леса, покрывавшие тогда страну, не исключая и верхней террассы, изобиловали птицей и зверем, а озера заливной равнины—рыбой» (Штукенберг., указ. соч. стр. 13—14).

Отсюда первобытный человек направлялся на охоту и рыбную ловлю, где в иных случаях образовывал именно те временные стоянки, о которых говорилось выше.

В настоящее время места, как временных, так и постоянных стоянок, обнаруживаются по находкам кремневых осколков, предметов из кремня и черепков глиняной посуды, особенно в период весеннего разлива вод и размыва песчанных дюн.

Такие находки собраны исследованиями Н. Ф. Высоцкого, П. И Кротова, П. А. Пономарева, а также многими коллекционерами и составляют обильный, хотя и далеко не полный и еще не достаточно

систематизированный, материал в Музеях: Центральном ТССР и Общества Археолог. Истории и Этногр. при Казанском Университете.

II. Состав находок. Находки на упомянутых стоянках составляют две группы предметов: А) предметы из камня и В) изделия из глины.

Обратимся к изучению каждой из этих групп в отдельности, на основании богатейшего музейного материала и описаниях проф. Н. Ф. Высоцкого.

А. Предметы из камня. Каменные изделия, находимые на стоянках в пределах Татреспублики и соседних автономных областей, составляют весьма интересную группу археологических памятников, дающих возможность с достаточной ясностью составить представление об экономическом быте древнейших насельников края.

а) Материалы каменных изделий. Материал для производства каменных орудий в достаточном количестве находился в пределах нынешней Татреспублики. Огромное большинство каменных орудий, назначавшихся для ежедневного употребления, выделывалось из кремня, гораздо реже употреблялся эоценовый песчаник (указ. соч. стр. 24). Но все разнообразие материала, использованного для каменных орудий еще не изучено в достаточной степени. Эта работа производится в настоящее время и—надо думать—даст интересные материалы.

б) Техника каменных изделий. В обработке описанного материала, древнейшие насельники Татреспублики, обладали уже довольно высокими приемами техники.

На ряду с техникой *простою удара* камня о камень или обтесывания, применялась *техника отжима*, давшая прекрасные экземпляры наконечников стрел и копий.

Но виды указанной техники еще не являются типично неолитическими.

Зато *техника шлифования и сверления* являются типичным признаком неолитических культур и применение этой техники на стоянках каменного века в пределах Татреспублики и соседних автономных областей оказывается весьма развитым, причем техника сверления и для настоящего времени является поразительной по своей высоте.

При наличии довольно обширной литературы, появившейся за последнее время по вопросам техники производства каменных орудий, нет надобности останавливаться на подробностях технического характера в деле выработки каменных орудий в пределах Татреспублики, тем более, что на изучаемом нами материале, новых наблюдений в отношении техники эпохи неолита не произведено.

Во всяком случае, большое количество находимых на описанных стоянках ядрищ (nucleus), пластинок (lames), осколков, наверно заготовленных и незаконченных обработкой орудий, а также *отбойников* (проф. *Высоцкий* их называет «рабочими камнями»), округленные края которых «покрыты множеством мелких сколов и бороздок, происшедших от ударов камнем по камню во время работы, между тем, как сплюснутые поверхности орудия представляются гладкими» и, наконец, *шлифовальных камней* (преимущественно из красного кварцевого песчанника), края и ребра которых обыкновенно закруглены и представляются гладкими, а поверхности имеют широкие и глубокие впадины, явившиеся результатом обработки на них орудий,—все это—с полной отчетливостью свидетельствует о весьма развитом производстве и высокой технике каменных орудий.

в) Опыт классификаций каменных изделий. Проф. Н. Ф. Высоцкий устанавливает следующие основные группы каменных изделий в пределах Татреспублики:

1) Орудия производства или орудия для выделки каменных изделий. Сюда относятся вышеотмеченные отбойники и шлифовальные камни, являвшиеся неот'емлемой частью мастерской неолитического ремесленника, в распоряжении которого, кроме того, были, конечно, соответствующие инструменты из дерева и кости.

2) Кухонные орудия. Сюда проф. Н. Ф. Высоцкий относит различного рода ножи, каменные пластинки и т. д.

3) Орудия для обработки шкур животных:—различного рода скребки, шилья и т. д.

4) Орудия для обработки дерева: различные долота и тесла, клинья, пилы, колотушки.

5) Земледельческие орудия:—различные кирки.

6) Военные и охотничьи орудия: стрелы, дротики, копья, боевые молоты и т. п.

Как всякая классификация, приведенная классификация проф. Н. Ф. Высоцкого является, конечно, условной. Неолитик Камско-Волжского края в случае надобности пользовался одним и тем же изделием для многих целей. Тем не менее опыт классификации орудий является необходимым, поскольку в этих орудиях мы констатируем отражение определенного состояния экономического быта древнейших насельников края. С этой точки зрения классификация проф. Н. Ф. Высоцкого является необходимой и в общем не вызывает крупных возражений.

г) Обзор главнейших видов каменных орудий. Но для того, чтобы не остаться в рамках сухой схемы или классификации, необходимо

сделать обзор главнейших видов каменных орудий, находимых на стоянках в пределах Татреспублики.

1. *Стрелы, дротики и копья,* как орудия охоты и военного обихода, встречаются в довольно значительном количестве на стоянках каменного века в пределах Татреспублики. Необходимость такого рода орудий и значительное развитие их производства находится в тесной связи с состоянием хозяйства древнейших насельников края, которое зиждется еще в большей степени на хищническом истреблении даров природы (охота, звероловство), хотя уже резко намечается переход к новым формам хозяйства, а именно: переход к продуктивному хозяйству (земледелие, скотоводство). Наконечники каменных стрел, находимых в пределах Татреспублики, отличаются большим разнообразием в отношении формы и размеров. Наибольшие достигают 8,5-7,5 снт. длины и 3 снт. ширины; наименьшие—2,5—3 снт. в длину и 1—1,5 снт. в ширину.

Среди стрел можно наметить следующие преобладающие типы:

Листовидный тип стрел, который представлен в двух главных группах, а именно: группа наконечников стрел ввиде узкого (ивового) листа с языком или с черенком для укрепления в дерево (см. Штукенберг и Высоцкий, указ соч. табл. XIII, 4; срвн. Уваров. Археология России, т. II, табл. 8 № 3424 (и без язычка) Штукенберг и Высоцкий. указ. соч. II, 5) и группа наконечников стрел ввиде широкого (лаврового или миртового) листа (см. Штукенберг и Высоцкий указ. соч. табл. I, 4). Между этими группами намечаются, конечно, переходные стадии (см. Штукенберг и Высоцкий табл. XIII, 1,3 и т. д.).

Миндалевидный тип наконечников стрел составляют мелкие, толстые стрелки с округленным и уширенным основанием несколько выпуклыми поверхностями, причем по форме эти стрелы напоминают миндалину (Штукенберг и Высоцкий табл. IV, 9; XII, 15).

Ромбовидный тип наконечников стрел охватывает те стрелы, очертания которых напоминает фигуру ромба. Эти стрелы представляют собою два, противоположных друг другу, вытянутых узких конца—острие и основание—и два тупых угла, выдающиеся около середины орудия (см. Штукенберг и Высоцкий, указ. соч. табл. XVI, 9).

Треугольный тип наконечников стрел, как показывает название, охватывает те стрелы, которые имеют форму более или менее правильных треугольников. Стрелы этого типа довольно редки и распадаются на две группы: стрелы с язычком и жалами (Штукенберг и Высоцкий табл. XIII, 6) и стрелы без язычка (там же, табл. VIII, 5).

Миниатюрный тип стрел, распадающийся в свою очередь на разнообразные группы по своей форме (листовидные, ромбовидные

и т. д.), наблюдается в находках близ озера Вороний Куст, близ дер. Мал. Отары и у Займищ. Эти стрелы поражают своей миниатюрностью (напр., длина—2,4 снт. ширина—1,3 снт.).

Таковы основные типы и формы наконечников стрел.

Те-же типы и формы можно наметить и в отношении наконечников, дротиков и копий, отличающихся от стрел большей величиною и тяжестью.

Констатируя описанное разнообразие типов упомянутых орудий, совершенно естественно предположить, что разные формы, напр., стреле придавались умышленно, в зависимости от тех целей, которые ставились перед стрелой, как перед орудием. Замечено, что наконечники военных стрел у американских индейцев коротки, широки и устроены так, что могут легко проникать в межреберные пространства человека, тогда как наконечники охотничьих стрел—длинны, узки и приспособлены таким образом, чтобы могли проникать в межреберные пространства быка (Высоцкий, указ. соч. стр. 30).

Таким образом мы легко и безошибочно можем допустить, что одни из стрел на описываемых стоянках могли предназначаться для военных целей, а другие для охоты, причем охотничьи стрелы являются по своим формам разнообразными в зависимости от того, для какой дичи они предназначены. К сожалению, определить назначение каждого вида стрелы к настоящему времени, не представляется возможным. Однако, в отношении миниатюрного типа стрел, повидимому, не приходится сомневаться, что они предназначались для мелкой дичи (для птицы), которая в большом, конечно, количестве населяла озера вблизи стоянок каменного века.

Правда, в связи с этим, проф. Н. Ф. Высоцкий приходит к мысли о том, «что люди каменного века в наших местностях отравляли наконечники своих стрел, как это делают и поныне некоторые первобытные народы. Допустив такое предположение, будет понятен смысл приготовления и миниатюрных наконечников» (указ. соч. стр. 31).

Не отрицая возможности случаев отравления миниатюрных наконечников стрел ядом или разлагающимися веществами (гнилое мясо и кровь), все же необходимо подчеркнуть, что это—стрелы охотничьи, а не военные, и достаточность их силы для мелкой дичи, в окружении которой жил неолитический человек, напр. близ озера Вороний Куст, не вызывает никаких серьезных сомнений.

2. Скребки, ножи, шилья представляют собой необходимые предметы хозяйственного обихода и обнаруживаются на стоянках в значительном количестве. Скребки, начало употребления которых, как известно, скрывается в далеких эпохах палеолита, в пределах Татреспублики встречаются в изобилии и по форме и размерам весьма

разнообразны. Среди них можно наметить два типа: тип узких скребков (racloires см. Штукенберг и Высоцкий табл. XII, 5) и тип широких скребков (grattoires см. там же табл. VIII, 4; XI, 5; XIV, 5) между этими основными типами намечается целый ряд переходных форм (срвн. там же табл. III, 5; IV, 2; VIII, 3).

Как известно, это орудие служило для соскребывания жирных и разложившихся частиц с нижней поверхности кож и в случае надобности—шерсти с верхней поверхности. Одновременно этим орудием пользовались для сдирания с дерева коры и для стругания, а также для оскабливания мяса с костей, для разрезывания мяса и кожи, для ремней и одежды и т. д.... «Польза и важность этого орудия видна уже по той тщательности, с которой оно изготовлялось и по обилию находимых экземпляров», — отметил Г. де-Мортилье) «Доисторич. жизнь» русс. пер. СПБ 1903 стр. 140).

Ножи представляют собой слегка обработанные дополнительными обтесами пластинки (lames) откалывающиеся от ядрища и использованные также для разрезания мяса, дерева, кож, тканей и т. д. (смотр. Штукенберг и Высоцкий табл. XII, 8).

Шилья представлены в коллекциях неолита в пределах Татреспублики слабо, хотя необходимость употребления их при приготовлении одежды и проч. является, казалось бы, неоспоримой. Хорошо сохранившееся кремневое шило описано проф. Высоцким (указ. соч. стр. 37, табл. IV рис. 4).

3. Инструментарий древообделочника представлен находками каменных долот или тесл, клиньев, пил и колотушек. Особенно большое количество обнаружено долот или тесл.

Долота или тесла приготовлялись обыкновенно сначала. обтесыванием, а потом подвергались отшлифованию, причем наиболее тщательно отшлифовывался режущий конец орудия, а остальная длина его и обух обрабатывались менее старательно, иногда совершенно не подвергаясь отшлифовке. Намечается три основных типа этого рода орудий:

Первый тип составляют двояко-выпуклые долота или тесла, куда относятся такие орудия, у которых обе поверхности (верхняя и нижняя) представляются выпуклыми (см., напр., тесанное долото в описании Высоцкого, указ. соч. табл. XI, 1) и обломок шлифованного, табл. V, 3).

Ко второму типу относятся плоско-выпуклые долота или тесла, у которых одна поверхность является или совершенно плоской, или почти плоской, тогда как другая поверхность представляется выпуклой, причем выпуклость эта в одних случаях является гладкой и закругленной, а в других—ввиде трех плоскостей, из которых сред-

няя, начинаясь у концов лезвия, идет, сужаясь, к тылью долота, а боковые плоскости, наоборот, расширяясь к тылью, спускаются к нижней плоской поверхности долота.

Наконец к третьему типу нужно отнести *желобоватые долота или тесла*, имеющие нижнюю поверхность плоскую, а верхнюю выпуклую (см. Высоцкий, указ. соч. табл. I, 1, 3; XIV, 2 и 7 и т. д.). На плоской поверхности находится желоб, в некоторых случаях вышлифованный с большим совершенством. Желоб или сходит в самое лезвие долота или тесла или оканчивается несколько не доходя до него, в последнем случае между краем желоба и лезвием находится узкий, плоский закраек.

Каменные желобоватые тесла встречаются и в эпоху металла, причем особенно выделяется тип сорочье-горских тесл (по главному месту находок), отличающихся длиной (до 20,6 снт. при наименьшей ширине в 2 снт.) и гороховидной выпуклой поверхностью (срвн. Уваров, указ. соч. табл. 23 № 4215 и 30 № 4522).

Очертание лезвия имеет в большинстве случаев дугообразную форму, иногда даже полукруглую, но в некоторых случаях лезвие бывает почти совершенно прямым, со слабым закруглением у концов. Тылье долот обычно с'уживается и сглаживается, иногда, впрочем, тылье имеет ту же ширину, что и основание лезвия.

Относительно их употребления, проф. Высоцкий высказывает следующее мнение:

«Долота, вероятно, вставлялись в деревянные или роговые рукоятки, как в Швейцарских свайных поселениях. Смотря по форме, величине и способу закрепления орудий, ими могли исполняться различные работы. Большие, гладкие долота, с маловыпуклым лезвием, вставленные под прямым углом в длинные и тяжелые рукоятки, могли служить в качестве топоров. Долота меньшей величины, вставленные в короткие и прямые рукоятки, употреблялись, вероятно, для долбления лодок, корыт, чашек и т. п. Особенно удобны были для последней цели желобоватые долота» (указ. соч. стр. 35).

Клинья. Один клин изображен у Высоцкого (указ. соч. табл. IV, 1) Длина его—8 снт., ширина—6 снт., толщина—4 снт. Обе широкие поверхности слегка выпуклы и без резких границ переходят в узкие бока орудия. Обух клина имеет следы ударов по нему камнем или деревом.

Пилы изображены в табл. I, 28 и 29 в статье Высоцкого. Следы каменного века в Казанск. губ. («Извест. Северо-Восточн. Археол. и Этногр. Института в гор. Казани», т. 1). Одну из них, найденную близ дер. Мал. Отары, проф. Высоцкий описывает следующ. образом: «Эта почти полукруглая пластинка светло сераго кремня в 6 снт. дли-

ною. Наибольшая толщина пластинки (1 снт.) замечается около середины ее высоты, равной 4 снт. Отсюда к режущему краю и спинке орудия толщина пластинки уменьшается. Прямой режущий край, или лезвие пилы, обработан мелкими стесами, ввиде неправильных зубчиков. Из двух широких поверхностей орудия — одна гладкая (отколотая от нуклеуса)—оставлена без обработки, другая, противоположная ей слегка выпуклая поверхность—притесана так, что спускается от середины орудия, ввиде неправильной наклонной плоскости к лезвию. Полукруглый тупой край пилы тоже не обработан» (Штукенберг и Высокций, указ. соч. стр. 38). Опыты показывают, что работа описанными теслами или долотами или пилами и в настоящее время дает прекрасные результаты. На табл. 1 под рис. 28 в упомянутой статье проф. Высоцкого («Изв. Сев. Восточного Археол. и Этногр. Института» т. 1) помещена еловая пластинка, опиленная пилкой, изображенной под № 28 той же таблицы, с обоих концов и надпиленная в трех местах посредине.

Колотушки обыкновенно приготовлялись из сглаженных водой голышей и имеют самые разнообразные формы: сплюснутых шаров, кубов с округленными углами и гранями и т. д. Обычно камни для колотушек приготовлялись так, что на камне вышлифовывалось несколько плоских или слегка округленных площадок, затем вытирались бороздки, по которым прочнее и удобнее можно было бы привязать орудие к деревянной рукоятке (изображ. см. у Штукенберга и Высоцкого указ. соч. табл. XIV, 8).

Таким молотом или колотушкой производились, конечно, различные работы в хозяйстве неолитического насельника, но несомненно этот вид орудия играл большую роль и среди инвентаря деревообделочника.

4) *Земледельческие орудия.* Проф. Высоцкий уже отметил, что среди долотообразных орудий встречаются такие, которые приготовлены из окремненного песчаника и являются очень мягкими и непригодными для обработки дерева. Принимая это во внимание, проф. Высоцкий полагает, что эти долота, вставленные подобно топорам, но в еще более длинные и массивные рукоятки, служили мотыгами, т. е. употреблялись для вскапывания земли. Таким образом здесь мы, повидимому, имеем дело с неолитической ручной сохой.

5) *Военное вооружение* представлено помимо стрел, дротиков и копий, о чем речь была выше, боевыми молотами, прекрасно отшлифованными и имеющими просверленное отверстие укрепления молота к рукоятке.

Можно наметить следующие типы боевых топоров—молотов:

К первому типу относятся удлиненные молоты с несколько изогнутой продольной осью (Штукенберг и Высоцкий, указ. соч.табл. IV, 1).

Ко второму типу относятся молоты клинообразной формы с уширенным туловищем, но короткие, здесь верхние и нижние поверхности бывают плоскими или закругляющимися при переходе к боковым поверхностям.

Тылье этих двух типов представляет собой или короткий или несколько удлиненный и круглый обух.

Можно выделить *третий тип* молотов—топоров с отверстием в середине, причем оба конца орудия имеют лезвие. Имеется экземпляр с выступающим ободком около нижней части отверстия.

6) *Секиры.* В Музее Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете имеется каменное орудие из дер. Макаровки, Лаишевского кантона, которое напоминает позднейшие секиры. В середине этого орудия—отверстие. По бокам, по линии отверстия, круглые шишки. Верхний край обрамлен зигзагообразным линейным орнаментом.

Этим мы исчерпываем обзор основных видов и типов каменных орудий со стоянок каменного века в пределах Татреспублики, причем сделанный обзор свидетельствует о достаточном разнообразии орудий, приготовлявшихся из камня первобытным насельником.

В. Глиняные изделия, обнаруженные на стоянках каменного века Татреспублики дополняют хозяйственный инвентарь первобытного насельника. Как известно, наличие глиняной посуды является одним из отличительных признаков неолита и свидетельствует о достаточной оседлости населения, вырабатывавшего эту посуду и пользовавшегося ею.

Конечно, гончарное производство имеет длинный путь своего развития, начиная от высушенной на солнце посуды, кончая посудой, имеющей хорошо промешанную глину и хороший обжиг.

Глиняные изделия стоянок в пределах Татреспублики во всяком случае не являются остатками древнейших стадий развития гончарного ремесла. Напротив, большинство черепков глиняной посуды, мощно усеивающих территории древних стоянок, имеет уже достаточно высокую технику гончарного дела.

1) *Техника гончарного дела.* Правда, глина некоторых черепков еще плохо промешана и имеет примести (ракушки, небольшие камешки и т. д.), но наряду с этим встречаются черепки с достаточно хорошо промешанной глиной. Обжиг во всех случаях несовершенен, но все же далеко не примитивен. Тоже нужно сказать и об отделке глиняных изделий. Повидимому, выработка глиняных изделий производилась без гончарного круга, но с применением гончарной дощечки (сравн. Ува-

ров, указ. соч. т. 1 стр. 258—259). Во всяком случае зачистка стенок, как внешних, так и внутренних, поражает аккуратностью. При зачистке стенок, кроме деревянных инструментов, применялся способ зачистки при помощи куска ткани, следы которой заметны на многих черепках. Правда, те полосы на внутренних стенках, которые мы принимаем за следы тканей, проф. Высоцкий считает следами тех плетушек, при помощи намазывания которых и путем сожжения их производилась глиняная посуда. Но такая точка зрения, повидимому, не верна, в чем нас убеждает тщательный анализ характера упомянутых полос (сравн. их изображения у Штукенберга и Высоцкого, указ. соч. табл. X, 2 и 6). Обращает также на себя внимание умелое отгибание края сосуда. Дно сосудов довольно толстое, но всегда горизонтальное, прямое.

2) *Виды глиняных изделий* в основном сводятся к следующим:

а) кухонная посуда, б) культовая (жертвенная) посуда, и в) напряслица, т. е. приспособления для тканья.

Цельной посуды кухонного характера обнаружено не было.

Судя по черепкам, обычную форму этой посуды составляли горшки, редко встречается посуда типа корчаг и чашек. В погребениях у дер. Мал. Отары найдены небольшие сосуды (см. Штукенберг и Высоцкий указ. сочинение, табл. XV, 1 и 2), которые названы проф. Высоцким могильными урнами и имеют форму чашки с расширяющимися стенками.

Что касается глиняных напряслиц, то они являются весьма обычными, но из плохо обожженной глины (см. Штукенберг и Высоцкий, там-же табл. VIII, 6).

3) *Орнамент глиняных изделий* является довольно разнообразным. Орнамент, обычно, рысположен близ верхнего края. Основными видами орнамента надо считать: а) ямочный, б) линейный, в) веревочный и г) «рябой узор», под которым проф. Высоцкий понимает узор из разных комбинаций ямок, овальных углублений, черточек и т. д., в общем напоминающий послеоспенную рябину. Реже встречаются орнаменты, напоминающие листья травы или ветви (сравн. Штукенберг и Высоцкий, указ. соч. табл. IX, 1 и X, 5). Три первых из упомянутых орнаментов встречаются как в чистом виде, так и в смешанном (сравн. там же, табл. IX, 4; XI, 1; XIII, 9 и 10).

Таковы краткие сведения из области гончарного дела эпохи неолита в пределах Татреспублики по данным исследованных стоянок. Конечно, данные эти пока не полны и приведенные сведения являются далеко не исчерпывающими.

В настоящее время производится специальное исследование этого вопроса с применением анализа техники и эта работа,—надо

думать,—даст обширный материал для характеристики описываемой керамики.

4) *Землянки—жилища.* При раскопке стоянки на Малом Бугре при дер. Мал. Отары представилась следующая картина: «По снятии пахотного, обнажился культурный слой, состоявший из мелкого песку, окрашенного черновато-серым цветом, что зависело от примеси к нему золы, угля и органических остатков. Культурный слой покрывал весь бугор, но, на различных его местах, был далеко не одинаковой толщины. В одних он не превышал 1—1½ четверти, в других—задавался в грунт, ввиде котлообразных ям, от 1 до 2 арш. глубиною и от 2 арш. до 1 саж. в диаметре. В черном песке, наполнявшем ямы и по своему цвету резко отделявшемся от белого грунтового, находились те же предметы, что и в культурном слое вообще, но преобладающими между ними являлись зола и угли. Очевидно, что ямы эти были выкопаны людьми, населявшими бугор в каменный период и, по всей вероятности, представляли следы землянок, служивших им жилищами. На дне землянок мало-по-малу скоплялись зола и угли от очагов, между тем как различные кухонные отбросы и ненужные осколки кремней выбрасывались вон». (Штукенберг и Высоцкий, указ. соч. стр. 52—53).

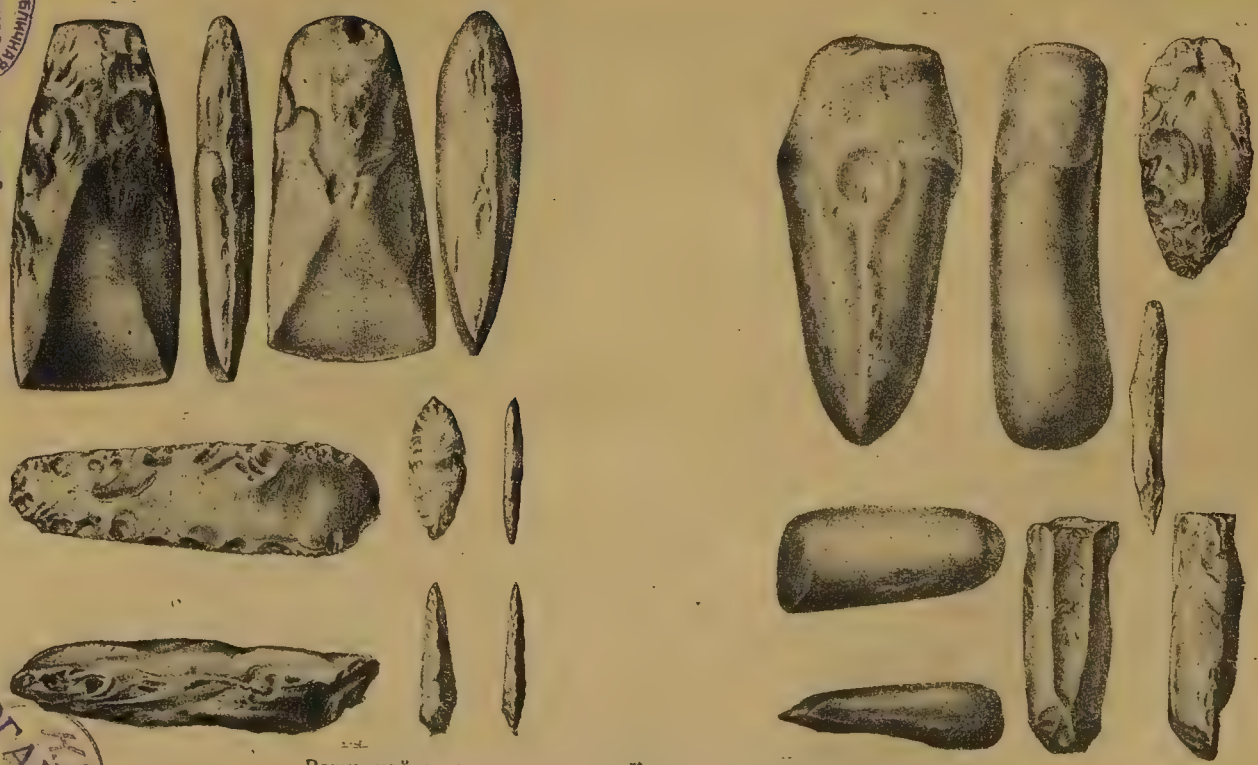
К сожалению, приведенное наблюдение не зафиксировано в отчетах полностью и мы лишены возможности дать сведения о числе землянок—жилищ на стоянках неолита в пределах Татреспублики.

Возможно, что в некоторых случаях пещеры также были использованы для жилищ, но материалов в этом направлении не имеется.

Интересно отметить, что стоянки каменного века не имеют валообразных и рвообразных укреплений, которые появляются в позднейшее время.

5) *Могилы.* Могилы неолитического периода открыты проф. Высоцким у дер. Малые-Отары на Большом Бугре, тогда как соседний Малый Бугор был местом жилья. Открыты следы трех могил, причем кладбище, находившееся у берегового обрыва, повидимому, сильно отмыто вешними водами. Трупы были зарыты не глубже 1½ саж. от поверхности. Они лежали на спине, с ногами, обращенными на восток и головой на запад. В могилы поставлены глиняные урны (см. Штукенберг и Высоцкий, указ. соч. табл. XVI, 1 и 2) с какими-то зернами; к сожалению, исследования в направлении того, чтобы установить, — какие это именно были зерна (быть может хлебные),—не произведены. Костяки оказались настолько разрушенными, что проф. Высоцкому удалось выбрать лишь из двух обломки скелетов, причем по этим остаткам невозможно было сделать никаких антропологи-

Государственная Историческая библиотека
Инв. № 34618
ПОГАШЕНО



Вещи, найденные в поселении Каменного века близ с. Карташихи.

Из ст. „Высоцкий и Штукенберг"—материалы для изучения каменного века в Каз. губ. табл. I и VI.

ческих заключений. Могилы после погребения засыпались, повидимому, в уровень с землей; по крайней мере никаких насыпей над ними замечено не было.

К периоду того же каменного века проф. Высоцкий относит скелет, обнаруженный им в обрыве близ дер. Ново-Мордовой, Спасского кантона, около стоянки. Обнаруженный случайно, и затем открытый, скелет был едва прикрыт дерном и лежал обращенный головою на север, а ногами на юг. Около правой ручной кисти скелета находился верхний щиток черепахи (Testudo caspica), развалившийся на мелкие кусочки. На внутренней поверхности щитка, по местам, замечались следы красной краски. Антропологическое изучение скелета произведено было Чугуновым (см. «Приложение к протоколам Заседан. Общ. Естествоиспытат. при Казан. Университете» № 222), который пришел к выводу, что скелет имеет ряд признаков, характеризующих его, как скелет первобытного типа. «Что касается до антропологического типа скелета, то его нужно, на основании измерений, скорее признать за европейский, чем за монгольский или иной» (там-же стр. 4).

ПОГАШЕНО

Из представленного, таким образом, обзора совершенно очевидно что в отношении исследования могил эпохи неолита до сего времени имеется чрезвычайно скудный материал и делать какие-либо обобщения или выводы здесь преждевременно.

6) *Краткая характеристика культуры.* На основании вышеизложенного материала представляется возможным сделать хотя бы краткую характеристику культуры насельников территории Татреспублики в эпоху каменного века.

Мы видим, что культура в общем настолько высока, что ее необходимо отнести уже к концу неолитического периода, тогда как начало его неолитическим человеком начато где-то в иных пределах (быть может в Сибири). В пределы нынешней Татреспублики неолитик пришел уже с знанием высокой техники шлифовки и сверленья камня и с хорошим искусством в области гончарного дела. Он заселил приречные выступы (мысы) надлуговой терассы и довольно близко друг к другу строил свои поселения. Занимаясь охотой и рыбной ловлей, неолитик в пределах Татреспублики, однако, уже не был представителем чисто охотничьего хозяйства. Он стал оседлым и, повидимому, занимался уже скотоводством и обработкой земли. Среди костей животных, находимых вместе с черепками древней посуды, обнаруживают кости лошади, коровы, овцы и свиньи, приручением и одомашением которых, быть может, уже занимался описываемый неолитик. К изучаемому времени неолитик строил на своих поселениях землянки, покрываемые, повидимому, стволами деревьев, прутьями и

шкурами; здесь он со своей семьей скрывался от непогоды и холода, разводя небольшой очаг. Отсутствие укреплений поселков и слабое развитие орудий военного, боевого типа, служит указателем на мирный характер носителей описываемой культуры. Необходимость получения кремневых материалов для орудий заставляла, повидимому, сноситься с теми жителями, в районе поселения которых были месторождения кремня и это быть может было началом примитивных торговых сношений, происходивших, вероятно, по речным артериям.

7) *Хронология.* Установление хронологических рамок для неолита в пределах Татреспублики, за неизученностью материала, представляется крайне затруднительным. И если еще, хотя бы приблизительно, возможно наметить грань для конца неолитического периода в пределах Татреспублики, то для определения начальной грани требуется провести большую исследовательную работу, которая лишь робко начата.

Что касается конца эпохи неолита, то он намечается, в связи с установлением хронологии бронзового периода средней и восточной России, посредством хронологических определений Эгейской культуры.

Для раннего периода бронзового века местного края устанавливается эпоха от 2500 до 1500 до нашей эры.

Таким образом, около 2500 г. до нашей эры, просачивается в пределы местного края культура бронзы, которая, конечно, оказывает весьма сильное влияние на переход первобытных насельников к новым формам жизни, культуры и техники.

8) *Заключение.* Изложив основные сведения из области собранного материала по изучению каменного века в пределах Татреспублики, мы должны еще раз подчеркнуть, что этот материал чрезвычайно скуден, как по своему составу, так и по документации его собирания и обнаруживания. Такое положение обязывает, в сущности, к сугубой осторожности в определении характерных особенностей культуры. В связи с этим настоящий очерк необходимо признать лишь предварительным. Несомненно, в связи с новыми исследованиями, этот очерк может потребовать серьезных изменений и больших дополнений и чем это будет скорее, тем будет лучше для изучения вопроса.

II. Бронзовый век.

Долгое время изучение культур бронзового века в районах территории нынешней Татреспублики и соседних областей проходило по линии археологического материала. В процессе этой работы делались попытки разобраться в этом обширном материале и выработать ту или иную классификацию.

В настоящем очерке нет надобности останавливаться на истории исследования в этом направлении, тем более, что статья М. Г. Худякова—«Ананьинская культура», помещенная в «Юбилейном Сборнике» Казанского губернского музея (Казань 1923 г.), достаточно полно и удачно ориентирует читателя на этот счет.

Во всяком случае, к настоящему времени, на основе изучения довольно обширного материала, представляется уже в полной мере возможным установить определенные стадии развития бронзовой культуры в пределах описываемого здесь края, имеющие свои отличительные, характерные признаки. Проф. А. М. Тальгрен—финляндский ученый, весьма много положивший энергии на изучение древностей Волжско-Камского края, делит культуру бронзового века на три периода: 1) ранний, 2) средний, и 3) поздний, к рассмотрению и изучению которых мы и переходим.

1. Ранний период бронзового века. Через изучение Фатьяновской культуры и больших степных курганов Кубанской области, начало бронзового века в Волжско-Камском крае удалось хронологически связать по типологическому методу с древностями Эгейской культуры, наиболее удобно поддающейся хронологическим определениям. Это обстоятельство позволило в достаточной степени обоснованно определить границы раннего периода бронзового века, приблизительно между 2500 и 1500 г.г. до нашей эры и поставить эту культуру в связь с теми влияниями, которые шли через Черное море с далекого юга.

Характерными признаками раннего периода бронзового века являются: топоры с отверстием для рукоятки, плоские топоры, медные долота и плоские клинки кинжалов (см. таб. 11). Наряду с этим живут еще каменные орудия и составляют довольно значительную часть хозяйственного обихода насельников.

M. Tallgren в своей интересной работе «Collection Zaoussailov» вып. 1, (Гельсингфорс, 1916) довольно подробно останавливается на описании отдельных групп предметов, описываемого периода, иллюстрируя все изложение прекрасными таблицами, к которым и должен будет обратиться тот, который желает ближе и более специально подойти к вопросу.

В настоящем очерке нам придется остановиться лишь на основных моментах и сделать описание лишь наиболее характерных орудий изучаемой эпохи.

Топоры с отверстием для рукоятки. Начало этих топоров конечно, кроется в приготовлении каменных топоров или молотов с применением к ним сверления (о чем сказано выше). Анализ формы этих топоров вызвал, однако, разногласия по вопросу о том, от-

куда шло распространение топоров с отверстием для рукоятки или, по меткому названию проф. В. А. Городцова, проушных топоров в районе Камско-Волжского края. Повидимому, распространение шло с Кавказа, причем местная культура выдвинула свой тип проушных топоров.

Но прежде чем указать этот тип, необходимо сделать классификацию проушных топоров. В этом направлении последний опыт принадлежит проф. Тальгрену.

Проф. Тальгрен в «Coll. Zaoussailov», вып. I, стр. 19 устанавливает шесть видов проушных топоров, а именно:

Тип A—топоры с прогнутой продольной осью и со скошенным отверстием для рукоятки.

Тип B—топоры с прямой продольной осью и почти прямым отверстием, опущенным в виде трубки.

Тип C—топоры с такой же продольной осью, как и тип A, но с отверстием по середине, причем затылье оканчивается обухом ввиде молотка, а вокруг отверстия идет ободок с нижней стороны.

Тип D—топоры клиновидные, прямые, причем иногда нижний край несколько вогнут.

Тип E—топоры удлиненные, прямые, четырехгранные, родственные по форме типу D, несколько изогнутые.

Тип F—топоры с несколько изогнутым туловищем, элегантные по форме и с расширенным острием.

Совершенно правильно замечает М. Г. Худяков, что классификация А. М. Тальгрена не в достаточной степени удовлетворительна, так как «в то время, как одни типы топоров—A, B, C, D—имеют, несомненно, основное значение, другие являются, по всей вероятности, производными: тип E от D, тип F от A» (указ. соч. стр. 80). Тем не менее в основном эта классификация может быть приемлема.

И вот, изучая отдельные типы описываемых топоров, приходится констатировать, что преобладающее значение для изучаемых нами территориальных пределов имеет тип A. Это—наиболее распространенный тип проушных топоров и наиболее характерный для описываемого периода и описываемой территории.

Плоские топоры представляют собой плоскую бронзовую пластинку около 130 снт. длиной. Та часть пластины, которая предназначена для лезвия, — расширена. Лезвие несколько закруглено у концов. Такой тип топоров встречается в районах близ Черного моря, между прочим, в больших курганах на Кубани. Такие же топоры находят в Вятской, быв. Оренбургской, Уфимской, Самарской и Саратовской губерниях. Открыты и формы для отливки таких то-

топоров (см. Tallgren, указ. соч., стр. 21, рис. 18). Интересно отметить, что этот тип топоров не известен культуре Минусинских степей.

Долота из меди, с горбом на верхней поверхности и с несколько вогнутой нижней поверхностью, происходят от каменных долот, причем особенно разительное сходство представляет, напр., медное долото из Тетюшского кантона (см. «Coll. Zaoussailov» вып. I, табл. 3, 6) с вышеописанным типом сорочьегорских каменных долот. Район распространения этого вида орудий тот же, что установлен и в отношении плоских топоров. Кроме находок, которые, впрочем, еще очень скудны в пределах нынешней Татреспублики и Мариобласти, долота встречаются в Нижегородской и Вятской губерниях.

Плоские кинжальные или ножевые обоюдо-острые клинки типа остроконечного овала по классификации Тальгрена (указ. соч., стр. 24 и табл. IV, 1—6; 8—12) представлены в коллекциях довольно хорошо, причем распространение их отмечается в тех же южно-русских степях, а затем в губерниях: Костромской, Нижегородской, Рязанской, Тульской, Пермской, Вятской, Казанской, Уфимской, Оренбургской, Самарской и Симбирской.

Таковые основные группы предметов, являющихся характерными для раннего периода бронзового века.

Общее заключение, по поводу изложенного материала, можно свести к следующему:

С юга идет поток бронзовой культуры и мощно начинает разливаться по территории нынешней Татреспублики и соседних областей и губерний. В нашем крае этот поток отмечается по Волге и Каме с впадающими в нее реками (Меша, М. Черемшан, Утка, Казанка, Свияга). Правда, не все еще пункты достаточно учтены, в чем и состоит задача ближайшего будущего.

Новые культурные достижения и влияния не сразу вытеснили навыки, обычаи и технику предыдущей культуры и мы видим долгое сожительство орудий каменных и металлических.

Совершенно естественно, что металлическая культура принесла с собой ряд изменений в хозяйственной жизни местного населения. Не остается места сомнениям в развитии к этому времени обработки земли, что намечалось уже к концу каменного века.

Но для того, чтобы полнее осветить все значение описанного периода, необходимо выждать, до получения путем систематических археологических раскопок, такого материала, который бы мог обеспечить документированное изложение характерных признаков изучаемой культуры.

В настоящее время такого материала нет. И подведением некоторой хронологической и типологической базы (которая в даль-

нейшем, быть может, потребует очень серьезных изменений) под изучение бронзовой культуры лишь указывается тот путь, который должно будет взять в ближайшее же время археологическое исследование.

2) *Средний период бронзового века.* (см. табл. 3). Продолжительность этого периода падает на 1500—1000 г.г. до нашей эры по схеме проф. Тальгрена, которую мы принимаем за основу хронологической классификации.

В отдельных случаях этот период продолжает развитие культуры предыдущего времени; в других случаях он вносит новые элементы.

В первом случае можно констатировать, что плоские топоры и плоские кинжальные клинки раннего периода бронзы получают в среднем периоде боковые выступы (см. Тальгрен, указ. соч. стр. 12-13).

Во втором случае, как совершенно с новым элементом культуры, мы встречаемся с втульчатыми орудиями, которые получают дальнейшее развитие и в последующий период.

Остановимся на *„втульчатых топорах"*, называемых также *кельтами.* Исследователи различают несколько типов этих орудий. Тальгрен, напр. (указ. соч. 31 след.) различает пять типов орудий, из которых три типа несомненно относятся к описываемому нами периоду, а именно:

Тип. А составляют длинные и узкие кельты с круглой в разрезе втулкой. Втулка покрыта иногда орнаментом из выпуклых горизонтальных или вертикальных линий; иногда орнаментация отсутствует. Ушко помещается или ближе к краю или вообще отсутствует. Этот тип кельтов Тальгрен сближает со шведскими и называет типом de la région du Maelar (мэларского района).

Тип В составляют массивные, значительных размеров, кельты с четырехугольным туловищем и украшенные рельефными линиями по полю передних и боковых поверхностей и лентой орнамента из подобных же линий по краю. В общем наличие ушка здесь не является обязательным. Но всетаки встречаются экземпляры и с ушком. Этот тип кельтов распространен в Минусинском крае, откуда, повидимому, он и пришел в Камско-Волжский край и далее.

Тип С представляет собой некоторую разновидность предыдущим типам. Кельты этого типа также имеют основательное, тяжелое туловище, иногда удлиненное, иногда укороченное, с теми же выпуклыми линиями, но с двумя ушками у края. Подобный тип встречается на юге (Украина, Крым и т. д.), где, между прочем, открыты и формы для отливки таких кельтов.

Уже краткое обозрение главных типов кельтов, описываемого периода бронзы, указывает на те пути, по которым шли культурные влияния на наш край.

Продолжим обзор характерных орудий данной эпохи:

Наконечники дротиков с черенком или кинжалы, имеющие листовидную форму, имевшие распространение на Урале, затем находимые во Владимирской и быв. Казанской губ.

Втульчатые наконечники копий, которые получив большое развитие в поздний период бронзы, начинают свое существование еще в среднем периоде. Можно отметить три их разновидности: без ушка, с широкими листовидными лопастями; с ушком, с узкими лопастями и без ушка (ср. Худяков, указ. соч. стр. 88).

Серпы представляют собой весьма интересный предмет описываемого периода. Намечаются две разновидности этого орудия: 1) серпы изогнутые и с крючком и без крючка и 2) серпы с прямым лезвием, также с крючком и без крючка. Подобные серпы распространены на юге (Украина, Крым и т. д.) и имеют весьма существенное отличие от сибирских.

Настоящим основные признаки культуры среднего периода бронзы нашего края исчерпываются при отсутствии сколько-нибудь полного материала, собранного в этом направлении и в достаточной степени изученного.

Но уже и приведенные данные свидетельствуют о наступательном развитии материальной культуры нашего края, все шире и шире открывающей возможности к экономическому и культурному развитию древних насельников.

3) *Поздний период оронзового века.* (См. табл. IV). Этот период связан с памятником, получившем всемирную известность, а именно: Ананьинским могильником, который стоит в центре внимания изучаемой бронзовой культуры третьего периода и дает название этой культуре. К настоящему времени имеется прекрасная книга проф. Тальгрена L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale (Гельсингфорс, 1919), которая как раз посвящена изучению упомянутой культуры.

Эпоха, определяемая для позднего периода, простирается до 300 г. до нашей эры.

Нам нет надобности излагать в настоящем очерке подробной и длинной истории изучения Ананьинского могильника, так как обзор этого дан в упомянутой книге проф. Тальгрена и в указ. статье М. Г. Худякова (стр. 91 сл.).

Среди других помятников того же периода необходимо отметить могильники: Котловский, Пьяноборская релка, Волосовский, Зуевский и т. д.

Тесно к Ананьинской культуре примыкает культура так называемых костеносных городищ, расположенных на берегех р.р. Белой,

Камы, Волги, Ветлуги и Оки и поражающих большим количеством костяных предметов на ряду с типичными бронзовыми орудиями данной эпохи.

В отношении бронзовых орудий описываемого периода необходимо сказать, что мы имеем дело с развитием тех же форм орудий, которые были уже отмечены в предыдущих периодах. Но эти формы в третьем периоде получили характерные признаки, на которых следует кратко остановиться.

Кельты. В третьем периоде можно, как уже сказано выше, различить 2 типа кельтов: 1) кельты—долота небольших размеров с ушком на широкой поверхности и 2) кельты специфически Ананьинского типа, отличающиеся хорошей выделкой и изяществом и значительно укороченные в сравнении с описанными выше (ср. Тальгрен. Coll. Zaouss. Вып. I, табл. XIV). Имеются и формы для отливки таких кельтов.

Секиры. К этому периоду относятся, развившиеся из проушных топоров, секиры Ананьинского типа и топоры, украшенные головами животных.

Наконечники копий. Развиваясь из типа предыдущего периода, наконечники копий получают некоторые особенности, а именно: появляются прорезные отверстия в лезвие, причем втулка остается несомкнутой.

Долота. Бронзовые долота характеризуются несомкнутой втулкой. В общем идет последовательный процесс развития форм и техники на протяжении всех тех периодов бронзового века, в связи с теми влияниями, которые шли, отчасти, с юга, отчасти, и Сибири.

Но нами упомянуты лишь главнейшие виды предметов описываемой эпохи. Полное перечисление инвентаря заняло бы весьма много места: здесь мы видим стрелы, ножи, шилья, рыболовные крючки и др. мелкие предметы домашнего и хозяйственного обихода, далее—большое количество украшений с наличием серебр. и золотых поделок, гончарное производсто и т. д.

Элементы орнаментации глубоко проникают в описываемую культуру, причем преобладающим является геометрический стиль, роднящий культуру эту с Сибирью, но и звериный стиль в орнаментации является весьма интересным и характерным, дающим исходный пункт для установления культурных связей со Скифией и т. д. Во всяком случае по инвентарю Ананьинская культура является чрезвычайно богатой, что несомненно свидетельствует о значительном развитии хозяйства насельников этой эпохи, о развитии их потребностей и культурных запросов.

Погребения. К сожалению, до сих пор не изучены селения изучаемого периода. Зато весьма подробно изучены погребения (в Ананьинском могильнике их открыто 66, в Котловском—35 и т. д.). Эти погребения дают богатейший материал, характеризующий тот быт, который устраивали живые, своим родным, мертвым. Этот быт мертвых, однако, проливает свет и на быт живых носителей Ананьинской культуры. Здесь мы наблюдаем три способа погребения: трупоположение, частичное погребение и трупосожжение, с преобладанием, однако, первого способа [1]).

М. Г. Худяков (в указ. ст., стр., 112) схематически характерные особенности погребений и погребального инвентаря сводит в след. таблице, которую мы изменяем лишь частично:

	Трупоположение	Частичное погребение	Трупосожжение
В головах или ногах	Каменн. плитка, часть жертв. живот., сосуды.	Тоже	Тоже
Умерший	Труп	Голова и рука	Пепел
Справа	Кельт	Кельт и секира	Кельт, секира, кинжал и бляха
Слева	Кинжал и стрелы	Копье	Копье и стрелы
Женские погребен.	Полный наряд	Ожерелье, бляха, серьги, браслеты	Полный наряд погр. на костре

Интересно отметить, что предметы, полагаемые в могилы, обычно заключались в берестянные футляры, с целью, повидимому, лучшего сохранения.

Несмотря на различные способы погребения, нет оснований делать выводы о принадлежности их разным культурам и разным эпохам. Преобладание трупоположения дает повод думать о самобытности этого способа погребения. Повидимому, разница в способах обусловливается разницей социального положения погребенных. Во всяком случае совершенно очевидно, что частичное погребение и трупоположение применялось к знати, поскольку инвентарь этих погребений является наиболее богатым. В одном из коллективных по-

---

[1]) Наличие на одном черепе правильно вырезанного овального отверстия дало повод Б. Н. Вишневскому, на заседании Антропологич. Общества в Казани, высказать мысль о трепанации.

гребений, по мнению Тальгрена, похоронен раб, могила которого поражает бедностью своего инвентаря. Погребение путем трупоположения рисует нам положение костяка головы на северо-восток, ногами на северо-запад, с вытянутыми вдоль тела руками, причем Тальгрен такую ориентацию связывает с направлением реки. Частичное погребение (женское) П. А. Пономарев описывает так: «На глубине $2^1/_2$ арш., на материковом песке, стоял сильно разрушившийся череп. К левому виску его прилегал наклонно большой глиняный горшок, в котором помещался еще горшок поменьше», в большой горшок кроме того входила одним концом обломанная кость быка. Кругом черепа и горшка—711 мелких бусинок. У затылочной кости—два браслета из тонких бронзовых пластинок и несколько бронзовых бляшек. Подле черепа—плечевая кость, на ней большая бронзовая бляха, а левее—железный нож. Следов остальных частей скелета, а равно и следов сожжения нет. Направление и дно могилы определяется залеганием в том же горизонте нескольких бронзовых пластинок, встреченных на протяжении 5 футов от северо-востока к юго-западу» («Материалы для характер. бронз. эпохи Волж.-Камск. Края» Каз. 1892, стр. 17).

Последнее замечание свидетельствует о том, что частичные погребения более позднего происхождения, при его применении, все еще сохраняли устройство могилы, приноровленной для трупоположения.

Труппосожжение совершалось вне могилы и потом пепел и остатки сожжения, вместе с соответствующим инвентарем, полагались в обычную могилу. Женское трупоположение, однако, совершалось непосредственно на костре, на котором потом насыпалась насыпь.

Вообще все могилы были прикрыты насыпью, причем эти насыпи над некоторыми могилами были окружены «с севера и юга двумя несходящимися дугами из больших плит, плотно примкнутых друг к другу и стоящих наклонно под углом в 40°. Эти дуги, судя по кризизне, имели общий диаметр в две сажени, и быть может сливались в начале в круг, части которого были разобраны во время прежних раскопок» (Пономарев, указ. соч. стр. 18—19). Отмечены случаи постановки на насыпи могилы каменной плиты с изображением воина (таковую открыл, напр., проф. Невоструев).

Достаточно обширный инвентарь погребений дает в настоящее время возможность приступить к описанию отдельных этнографических особенностей погребений (напр., костных и т. д.) Опыт в этом направлении и сделан М. Г. Худяковым в упомянутой статье.

Принадлежность и происхождение Ананьинской культуры. На основании всего состава предметов материальной культуры Ананьинского типа, приходится придти к мысли, что население было в достаточной мере оседлым и, повидимому, занималось земледелием на ряду

с охотничьим промыслом, который долгое время составлял предмет занятий местных насельников. Оседлый и земледельческий быт приводил, несомненно, к необходимости устройства поселков. К сожалению, до сих пор не установлено связи между городищами и описанными могильниками. Экономический быт создает и некоторое расслоение в населении, о чем свидетельствует вышеотмеченная разница в инвентаре погребений. Та же разница рисует и подчиненное положение женщины, что заполняет обзор бытовых особенностей племени.

Таким образом культура Ананьинского могильника и родственных ему памятников относится к племени достаточно развитому, со значительными экономическими и художественными запросами.

До сих пор установить связь между Ананьинскими племенами и современными нам народностями в полной мере не удается. Но всетаки путь для решения этого вопроса уже намечается. Тальгрен в упомянутой книге считает культуру мадьяр, как продолжение целого ряда культур: Пьяноборской — Ананьинской и века бронзы Восточной России (стр. 184) М. Г. Худяков также высказывает мысль, что «на звание потомков того племени, которое являлось носителем Ананьинской культуры, с наибольшим правом могли бы претендовать приуральские финны-вогулы, остяки и мадьяры» (указ. соч. стр. 124.)

Костеносные городища. Так называются места древних поселений, расположенных, обычно, у реки на мысу и окруженных валом, причем культурный слой этих городищ поражает большим количеством находок костей домашних и диких животных, как в обработанном (в виде предметов), так и не в обработанном виде. Такие городища в большом количестве известны на Каме, Вятке и Белой. Инвентарь этих городищ по своему составу и типу не вызывает никаких расхождений с культурой Ананьинского могильника и является только более бедным по своему содержанию.

Не перечисляя поэтому состава предметов, находимых в этих городищах, мы хотели бы в данном месте высказать соображения об отношениях этих городищ к Ананьинскому могильнику. Тальгрен уже высказал мысль о том, что быть может погребенные в Ананьинском некрополе занимали при жизни более высокий социальный ранг, чем население городищ (стр. 77). Повидимому, это замечание совершенно основательно. Население городов живет бедной обывательской жизнью, находясь в полной подчиненности своим вождям и своей буржуазии, за то последние живут в почете и достатке, и этот достаток несут они с собой в могилу. Таким образом Ананьинский некрополь является как бы царским некрополем, подобно, напр., тому—как царские могилы были у скифов в земле отдаленного народа герров (срвн. Геродот IV, 71).

Таким образом вопрос о культурных связях и об эпохе костеносных городищ [1]) как будто решается сам собою. Поэтому нам остается дополнить материал лишь некоторыми штрихами.

Среди них представляет особый интерес соображения о количестве населения каждого городища. «Не трудно»—говорит П. А. Пономарев—«относительно этой отрасли (финского племени) выяснить даже некоторые приблизительные статистические данные. Считая по размерам городищ, что на каждом из них могло помещатся в среднем до 10 семейств, и определяя по числу погребений мужских, женских и детских, размер семьи в среднем до 5 человек, получим в результате, что на всех городищах этого племени (их насчитывается до 20) могло существовать одновремено не менее 200 семейств и 1000 человек обоего пола и всех возрастов («По следам первобытных звероловов» стр. 11).

Заключение. Итак, кратко описанным выше материалом заканчивается обзор бронзового века в пределах нашего края.

Автор настоящего очерка в полной мере дает себе отчет в том, что этот очерк далеко не исчерпывает характеристики всей культуры описываемого периода. Но краткость, сжатость и неполнота, а иногда и неравномерность изложения, об'ясняются теми узкими размерами, которые представлены для настоящего очерка. Желающих пополнить настоящий материал, мы отсылаем к той литературе, которая приводится выше в ссылках.

III. Начало железного века.

После расцвета культуры, представленной Ананьинским могильником, замечается ее упадок, находящийся быть может в связи с событиями на юге. Этот упадок длится почти в течении трех веков. Затем культура начинает возрождаться и дает новый интересный тип, представленный памятниками пьяноборских древностей, где мы уже имеем железо.

Последующий за Ананьинской культурой процесс развития, Тальгрен («Coll. Zaoussailov» вып. II, 1918, стр. 16 след.) подразделяет на следующие этапы: 1. Чудская культура, в которой автор отмечает три периода; 2. Болгарская культура. Нам предстоит наметить главные признаки этих культур и мы прежде всего обратимся к началу железного века, к чудской культуре, который и рассмотрим по этапам намеченным Тальгреном.

---

[1]) В указ. статье Худякова ошибочно племя костеносных городищ указано в количестве 2000 человек с ссылкой на приведенное нами место П. А. Пономарева.

а) Первый период представляет собой переход от Ананьинской культуры к Пьяноборской. Переход этот характеризуется бедностью культуры и ее упадком. Связи с югом прерываются, культура хиреет. Она переживает лишь старые мотивы и элементы Ананьинской культуры и заключает собою последние века по нашей эры.

в) Пьяноборская культура охватывает более длительный период и вносит новую струю в увядающий мир Ананьинской культуры. Главным памятником этой культуры, являющейся опять таки непосредственным продолжением Ананьинской культуры, считается Пьяноборский могильник, расположенный на верхней береговой террасе над селом Пьяный Бор [1]) Елабужского у., по имени которого и названа описываемая культура.

В древностях этой культуры намечают две разновидности. К первой из них относятся два могильника в с. Пьяном Бору, отчасти обследованные Ф. Д. Нефедовым в 1894 году («городище» и «кладбище»). Центром этой культуры являлся правый берег Камы от Сарапула до Елабуги, где в каждом селении встречаются древности Пьяноборской культуры. Ко второй разновидности принадлежат могильники Аттамановский (близ с. Черемисский Малмыж, Малмыжск. у.), Казанский (в г. Казани, на старом Стекольном заводе) и Айшинский (близ д. Айши быв. Казанск. у.), а также Безводновский клад, найденный в 1868 году близ пос. Безводного (Вахренки), Починской вол. Яранск. у. (Худяков, указ. соч., стр. 124;) (сравн. Тальгрен в «Извест. Общ. Арх., Ист., и Этногр. при Каз. У-те, том XXX, вып. 3, стр. 265). Список отдельных памятников довольно значителен.

Характерными предметами Пьяноборской культуры являются огромные эполетообразные застежки, которые А. А. Спицын описывает след. образом: «Они состоят из больших круглых блях с костыльком на обратной стороне, крючка и тонких соединительных пластинок, орнаментированных насечкою. Бляхи, повидимому, выбиты, а все украшения, ввиде каймы, полосок и кружков, припаяны и затем насечены. Соединительные пластинки имитируют шнуры. Крючек соединен с широкою плоскою пластинкою, имеющею по сторонам пластинчатые выступы; в более древних экземплярах весь крюк застежки имеет вид головы хищной птицы с клювом и ушами. Шнуры выделаны из железных лент, облитых медью; концы их припаяны к обратной стороне блях, обыкновенно оставляются непокрытыми медью. Всего естественнее предполагать, что застежки данного типа употреблялись при верхней, по всей вероятности, меховой или кожанной одежде, причем бляха зацеплялась при помощи костылька на груди, а крючок

---

[1]) Ныне Красный Бор (прим. ред.).

захлестывался в петлю другой полы «А. А. Спицин, Древности бассейнов р. Оки и Камы,—в «Матер. по Археол. Росс.» № 25 стр. 5—6.

Тальгрен предполагает что эти застежки имеют своим прототипом круглые пуговицы Ананьинского могильника, и их происхождение необходимо приурочить к восточной полосе Волжско-Камского Края («Coll. Zaouss:.» 2 стр. 13). Из других предметов этой культуры и этих могильников открыты: серьги, подвески ввиде пластинчатых, иногда ажурных, кружков, шейные гривны из круглой проволоки с характерным крючком и петлей на концах, нагрудные пряжки трех типов, большой выбор разнообразных блях и бляшек, подвески ввиде гусиных лапок и ввиде гладких пластинок, формы удлиненых трапеций с пробитым в верхней части отверстием, спиральки из гранчатой проволоки и из ленты, пряжки ввиде кольца с крючком на одной и выступом ввиде пуговки на другой стороне, поясные пряжки с выдвижным язычком, небольшие железные ножи с полыми медными рукоятками, железные *жалии,* оправа и подвески с пояса, стекловидные бусины, бусины из ядеита, глины и т. д.

Распространение этой культуры наблюдается вдоль нижнего течения Оки, вниз по Волге до Камы, далее—вдоль нижнего и среднего течения Камы и далее по Сибири до Тобольска включительно.

Культура в значительной своей части покоится на элементах Ананьинской и имеет на себе следы южных влияний. Нет оснований считать ее за приносную культуру в Волжско-Камском крае.

Эпоха, на протяжении которой эта культура строилась и развивалась, занимала 1—6 века нашей эры. Впрочем, Тальгрен, в указ. соч., второй по его классификации период чудской культуры доводит до 800 г. нашей эры.

В общем Пьяноборская культура является весьма богатой по разнообразию состава и формы своего инвентаря и следы ее еще долго хранятся в последующих культурах нашего края.

г) Собственно Чудская Культура охватывает период 800—1400 г.г. нашей эры, по определению проф. Тальгрена. К началу этого периода описываемая культура передвинулась несколько на север по причине прихода в район Камы и Волги новой народности—Болгар, в ранней культуре которых мы видим еще значительное количество элементов чудской культуры.

Наиболее полная чудская культура этого периода отражается в древностях Пермской г. Характерные шумящие подвески и звериный стиль проходит через всю культуру чуди. Из характерных предметов этой эпохи надо отметить чудские образки ввиде птицы, с изображением человеческого лица, ввиде других животных, иногда фантастических, полые изображения животных и т. д. Основная

масса предметов материальной культуры выходит непосредственно из предыдущих культур. Описание чудских древностей по коллекции Теплоуховых дано А. А. Спицыным в „Материалах по Археологии России“ № 26, где можно почерпнуть отчетливое представление о богатстве и разнообразии этой культуры финского типа.

Нет никаких сомнений, что носители чудской культуры имели довольно большие связи с востоком. Восточные купцы весьма горячо интересовались теми пушными и проч. богатствами, которые мог доставить и доставлял северо-восток нынешней России и Камско-Волжский край в частности.

Находки диргемов и восточных блюд и чаш служат этому полным подтверждением (сравн. Смирнов, Восточное серебро. СПБ, 1909).

Тальгрен в указ. соч. стр. 17 совершенно справедливо указывает на некоторые влияния болгарской культуры на чудскую, но эти влияния, повидимому, необходимо отнести на более поздние эпохи; напротив, ранний период болгарской культуры имеет несомненные следы влияния именно чудской культуры, как уже замечено выше.

IV. Камско-Волжская Болгария

Изучение Болгарской культуры вызывает необходимость краткого изложения сведений о той народности, которая является носительницей этой культуры. У византийских писателей появление болгарской народности констатируется в пределах черноморских степей уже в конце V в., причем эта народность считалась родственной гуннам Атиллы. Болгары, распадаясь на несколько племен или родов, безпрерывно нападают на Византию, которая в VI веке платила даже Болгарии значительную ежегодную дань. Однако, Юстиниану удалось расчленить племена болгар, посеяв, даже между ними, рознь. В результате такой политики одна часть болгар присоединилась к аварам и позднее переселилась на Дунай. А другая часть под натиском последовавших в черноморские степи турецких племен из под Золотой Горы [1]) (Алтая), отчасти покорилась новым победителям, отчасти скрылась на северном Кавказе и позднее перешла в район нынешнего Нальчинского округа, где и теперь живут болгары; наконец, одна ветвь болгар отступила на север и осела на Каме и Волге.

[1]) О происхождении народности Камско-Волжских болгар существует ряд теорий, обзор которых сделан в моей книжке „К вопросу о происхождении народности Камско-Волжских болгар“. Казань, 1921.

Это случилось в конце VI или, вернее, в начале VII века нашей эры.

Таким путем болгары пришли на Каму и Волгу и начали свою жизнь здесь в условиях вышеописанных чудских культур.

На основании имеющегося материала можно наметить три периода в развитии культуры Камско-Волжских болгар, к изучению которых мы и подойдем, а именно:

А. Первый или начальный период болгарской культуры обнимает VII—IX в. и является периодом оформления болгарского государства в пределах Камско-Волжского края.

В. Второй период культуры охватывает X—нач. XIII в.; здесь развитие культуры проходит под влиянием торгового капитала и культуры арабов под знаком оживленных с ним торговых сношений.

С. Третий период культуры характеризуется развитием этой культуры в условиях подчинения болгарского царства татарам и обнимает XIII—XV в.

Остановимся на каждом периоде отдельно.

А. Первый период культуры Камско-Волжской Болгарии.

По переселении на Каму и Волгу болгары встретили здесь как новые необычные для них географические условия, так и народности, имевшие свою, в достаточной степени установившуюся и развитую, культуру. Степные пространства заменились лесными массивами. Население живет оседло в небольших поселениях. При столкновении двух народностей, двух культур (степной, кочевой и лесной финской) происходит процесс перерождения болгарских культурных привычек. Детали этого процесса ускользают от исследования за неизученностью материала и недостаточностью его. Во всяком случае болгары в течение этого времени близко подходят к финским народностям, отчасти смешиваются с ними, отчасти и главным образом подчиняют их своему политическому и экономическому влиянию и воспринимают от них ряд культурных свойств.

Отмеченные выше торговые сношения с арабами охватывают все сильнее и сильнее район Волги и Камы и вносят также весьма значительный элемент в болгарскую культуру. Путь этих торговых сношений намечается находками монетных кладов (куфических диргемов VII—X в.), о чем см. А. К. Марков, Топография кладов восточных монет, СПБ, 1910 (книга требует в настоящее время добавлений)

К статье проф. В. Ф. Смолина.
Археологический очерк Татреспублики.

Бронзовые предметы, характерные для могильника Ананьино.
Таблица из статьи
A. M. Tallgren Collection Zaoussailov.

Сильное племя болгар, захватив власть над слабыми политически финскими племенами, довольно быстро приспособилось к географическим условиям местного края и, не без влияния восточных купцов, начало довольно интенсивную эксплоатацию местных богатств, в которых нуждался юг и восток.

К концу описываемого периода мы застаем болгарское государство уже в достаточной степени определившимся, как в отношении культурном, так политическом и экономическом.

Картина схематически представляется в следующем виде.

Вожди болгар, приведшие их на Каму и Волгу, превращаются в ханов, из которых один становится как бы «стольным» а остальные подвластными.

Ханы и окружающая знать (первоначально родственники этих ханов) меняют свои степные палатки—юрты на деревянные дома, свои прежде в значительной мере случайные становища на города, укрепленные валами и рвами.

Здесь, в этих городах, ханы принимают купцов, открывают перед ними склады своих сокровищ (кожи, меха и т. д.),—принесенных окружным населением в дань, и ведут торг. Восточные купцы, извлекая, конечно, громадные выгоды от такой торговли, охотно имеют связь с болгарами. Для систематического поддержания этих связей, они надолго задерживаются в городах или оставляют там своих агентов. Так с течением времени в городах Камско-Волжской Болгарии образуется как-бы небольшая арабская колония, которая живет культурной жизнью Востока.

Болгарская знать, благодаря все более и более тесной связи с восточными купцами, к концу периода уже в достаточной степени втягивается в торговлю и становится торговой знатью, торговой буржуазией.

Общие интересы восточных купцов и болгарской торговой буржуазии довольно скоро были опознаны, что привело оба указанных элемента к ближайшему культурному родству. Болгарская знать стала воспринимать культурные привычки, экономически более сильной группы, начиная с внешнего культурного обихода и кончая религиозными верованиями.

В соответствии с этим, вид и жизнь народа меняются. Болгарская речь в философско-религиозных разговорах меняется на арабскую. За купцами с Востока тянутся ремесленники (портные, каменьщики и т. д.), которые внешние формы болгарской жизни перестраивают на новый лад и главным образом по образцу Багдада. В этом оказалось, что экономически более сильные группы влияют и в культурном отношении.

К концу описываемого периода начинают выделяться город Булгар (в пределах нынешнего пригорода Билярска, Чистопольского кантона), ставший столицей Камско-Волжской Болгарии, и город Сувар (близ села Кузнечихи, Спасского кантона), где еще в X веке арабских писателей поражало наличие там войлочных юрт, пережитка кочевых обычаев насельников этого города. Расцвет этих городов падает на следующую эпоху, при описании которой мы и остановимся на них несколько подробнее.

Итак болгарская знать к концу периода довольно резко обособилась и перешла к новому образцу жизни, не без влияний с Востока, создав формы городского быта и отмежевавшись от остального населения земляными валами и рвами.

За валами немногих городов, на территории нынешних Чистопольского и Спасского кантонов, расположилась народная масса болгар, которая на полях разбросала свои войлочные юрты и, ознакомившаяся еще в пределах Византии с земледелием, начала обрабатывать довольно тучные земли своей новой родины.

Во всяком случае, для рубежа IX в., языковые данные (термины, переданные болгарами венгерскому яз. по исследованию Gomboez'a) в полной мере свидетельствуют существование у болгар земледельческой культуры.

Здесь мы встречаем следующие термины: соха (eke), сеять (szorni), жать (aratni), жнитво (tarbo), серп (sarlo), сноп (keve), скирда (boqlyo), ток, гумно (szérü), молоть (örölni), крупа (dara), ячмень (arpa), пшеница (búza), конопля (kender), трепалка, мялка (tübo), пакля (csöpü), веретено (orio), и т. д.

Наличие этих слов у болгар в IX в. говорит о достаточном развитии земледельческого хозяйства крестьянского населения. На помощь этим языковым данным выступают археологические: о земледелии свидетельствуют находки лемехов и резаков, частей плуга, описанных уже А. М. Штукенбергом в статье «Земледельческие орудия древних болгар» (см. в «Учен. записки Казанского Университета»—июнь—июль 1896 г. стр. 211—220).

Итак, болгарское крестьянство занималось земледелием. Наряду с хлебами сеялась конопля, из которой приготовлялись и крестьянские ткани (многочисленные находки напрясл свидетельствуют о развитии ткачества). Но крестьянское хозяйство этим не ограничивалось. Разведение болгарами скота не подлежит сомнению. Во всяком случае дань ханам уплачивалась еще шкурами или скотом.

Жили крестьяне, повидимому, поселками, остатками которых являются городища, еще мало изученные, но в большом количестве разбросанные в районе Камы и Волги.

Конечно, крестьянство еще не знало арабской культуры, придерживалось своих языческих верований, полных разного рода суевериями. К сожалению, языческая обрядность (при жатвах и т. д.), по недостатку источников, не поддается изучению и лишь по аналогии с бытом дунайских болгар той же эпохи, т. е. эпохи, близкой к расчленению болгар на дунайских и волжских, мы можем себе дополнить картину обрядов пением песен, устройством игр, пляски, заговорами и заклинаниями с участием колдунов и колдуний.

Таким образом к концу периода намечается два быта: быт городской, быт болгарской знати и торговой буржуазии и быт крестьянский, деревенский.

Но этим не исчерпывается состав населения, оформившегося к концу описываемого периода и территориально и политически, болгарского государства.

Мы должны указать на финские пле́мена, которых болгары себе подчинили и эксплоатация промысла которого создала Камско-Волжской Болгарии далекую славу на Востоке и юге, как богатого, торгового пункта пушным товаром.

Взаимоотношения между финскими племенами и болгарами были, повидимому, чисто даннические. Финские племена платили болгарам дань продуктами своей охоты. Первоначально эта дань собиралась, вероятно, не регулярно и может быть путем отдельных набегов и грабежей, что наблюдается даже в X веке по Ибн-Росте.

Кроме того болгарские купцы, повидимому, первоначально при участии восточных купцов, совершали экспедицию по рекам на речных судах вглубь финских племен и путем мены за бесценок скупали там пушной товар, который на юге расценивался высоко и давал большую выгоду купцам. Так, наприм., по Эл-Массуди, в X в. шкурка черной лисицы, вывезенная из земли буртасов (Мордва) и купленная там, конечно, за бесценок, продавалась в Магрибе (Сев. Африка) за 100 золотых монет, динаров.

Совершенно невоинственные финские племена, повидимому, довольно безропотно подвергались такой эксплоатации со стороны новых хозяев страны. А эти новые хозяева страны строго блюли секреты торговой механики. Обычно немой торг совершался (по Казвини) след. образом: болгары приходили к финским племенам (в данном случае имеется ввиду племя Весь), клали товары на известное место, обозначали их знаками, которыми они указывали на цены и отходили; потом возвращались и находили разные предметы, оставляемые финнами ввиде меновой цены за товары; если болгары оставались довольны этой ценой, то брали принесенное; в противном случае торг продолжался. Позднее, из упомянутого племени Весь, не-

которые приходили сами к городу болгар для торговли. Но их в город не пускали под предлогом, что они приносят в страну холод, и хлеб на полях начинает портиться. Совершенно правдоподобное об'яснение этому факту дает Хвольсон („Известия Ибн-Даст" etc., стр. 187), который говорит: „Истинная же причина, вероятно, заключалась в том, что болгары не хотели, чтоб иностранные купцы, приходящие в их город, узнали за какую ничтожную цену они покупали от Веси меховые товары, продаваемые потом за высокую цену".

Таковы основные категории населения Камско-Волжской Болгарии.

Однако, очерк наш был не полон, если бы мы не указали, что между городской торговой знатью и крестьянством вырастает слой рабов, слуг и ремесленников. Все они работают на капитал торговой буржуазии и обслуживают потребности последних. Рабы, повидимому, вербовались из пленных, слуги и ремесленники выходили из крестьянства. Среди ремесленников, по данным языка, к эпохе IX в. уже имелись скорняки и плотники. Надо думать, что горшечники также поселялись в окрестностях городов и готовили посуду для городских обывателей. Позднее класс ремесленников расширяется и обновленный иностранцами (из Багдада и др. восточных городов) составляет довольно мощный слой городского населения, обслуживая также и болгарскую деревню, где, конечно, создаются, с течением времени, также свои кустари—ремесленники.

До сих пор говорилось об экономическом расслоении населения, наблюдавшемся уже в изучаемую нами эпоху. Следовало бы остановиться несколько подробнее на этническом составе населения Камско-Волжской Болгарии и в частности, на племенном составе болгар. Но этот вопрос, к сожалению, настолько мало разработан, что представляется совершенно необходимым соображения и выводы на этот счет оставить до момента полного изучения соответствующего материала. В настоящее время можно только отметить, что в X в. среди болгар намечают три группы: собственно болгары, затем эсегель и берсула (Ибн-Роста). Ашмарин, затрагивая этот вопрос (в книге «Болгары и чуваши» в «Изв. Общ. Археолог. Истории и Этнограф.» т. XVIII, вып. 1—3, стр. 10) замечает: «Однако, так как все эти названия, повидимому, служили для отличения различных частей одного и того же народа лишь по местам, ими занимаемым, по именам некоторых рек и урочищ, т. е. в чисто—географическом отношении, то позволительно думать, что племенные отличия этих групп могли быть весьма незначительны».

В отношении изучения археологического материала изучаемого периода нужно сказать, что он также весьма мало раз-

работан. Правильного и систематического обследования Билярской и Суварской территории до сих пор не было, что лишает возможности сделать более или менее точное распределение археологических памятников по отдельным стадиям развития культуры.

По сосредоточенным в музеях материалам, однако, видно, что билярская почва изобилует еще древностями чудской культуры, о которой говорилось выше. И нет никаких сомнений в том, что болгары, в первый период своего существования на Каме и Волге, формировали свою культуру из разных элементов, причем туземные элементы (пережитки ананьинской и последующих степеней ее развития) сыграли в этом оформлении довольно существенную роль.

Из новых элементов для описываемой территории необходимо указать, повидимому, на части лошадиной упряжи (железные стремена, путы и т. д.), на разнообразие железных стрел, на появление железных лемехов, серпов и т. д.

К сожалению, недостаточность исследований не дает возможности высказать что-либо определенное о зодчестве болгар первого периода.

Что касается устройства городов и поселков, то оно было, повидимому, однотипным последующим сооружениям этого рода. Обычно для поселения выбирался берег реки, причем с незащищенных сторон поселение окаймлялось двумя валами и рвами. Для выезда и выхода из города были ворота, примерно, в двух и больше местах.

Есть данные предполагать, что на валах еще устанавливался тын, первоначально, вероятно, плетеный, а потом смененный бревенчатым.

Конечно, упомянутые укрепления были характерными только для городов. Поселки таких укреплений, конечно, не имели.

Как видно из изложенного, материал для первого периода Камско-Волжской Болгарии еще весьма скуден и мало разработан. Несколько полнее представляется материал для последующего второго периода, к которому нам и предстоит теперь перейти.

В. Второй период культуры Камско-Волжской Болгарии.

В отношении второго периода Камско-Волжской Болгарии дело с источниками обстоит много благополучнее. Здесь мы прежде всего имеем ряд письменных источников, благодаря которым экономическое, политическое и бытовое положение Камско-Волжской Болгарии этого периода поддается лучшему изучению, причем на основе этого изучения и археологические памятники представляют собой чрезвычайно обильный, хотя и мало до сего времени изученный, материал для заключений.

В самом начале этого периода мы имеем известный отчет Ибн-Фадлана об его путешествии вместе с багдадским посольством из гор. Багдада в Болгары [1]). К тому же приблизительно времени или несколько ранее Ибн-Росте в ряде очерков дал интересные сведения о местном крае. Далее восточные авторы позднейшего времени (Аль—Масуди, Ибн-Элукаль и т. д.) делают краткие, но ценные замечания о состоянии Камско-Волжской Болгарии. Наконец, русские летописи отмечают целый ряд моментов, характеризующих как Камско-Волжскую Болгарию, так и те взаимоотношения, которые складывались в этот период между русскими и болгарами.

На основе упомянутого материала, с привлечением археологических данных, попытаемся сделать обзор культуры и состояния Камско-Волжской Болгарии в целом, не претендуя, конечно, на полноту изложения.

Пределы Камско-Волжской Болгарии. К началу изучаемого периода уже в достаточной степени определились границы Камско-Волжской Болгарии. Обосновавшись сначала в пределах нынешнего Чистопольского кантона по р. Черемшану и в пределах Спасского кантона, болгары в течение последующего времени распространили свою власть и пределы своего влияния довольно далеко.

Западная граница, повидимому, доходила до Суры и Оки; «восточная граница упиралась в реку Яик (Урал), теряясь в «Камне» (горах Уральских), а северная убегала в правые притоки Камы, доходя до среднего течения этой реки»; южная граница могла доходить приблизительно до так называемой Самарской Луки и по южной границе нынешней Ульяновской (бывш. Симбирской) губ., теряясь далее в степях, разделявших царство Болгарское от царства Хазарского (срвн. Корсаков «Труд IV Археолог. С'езда», т. I отд. I стр. 5—7).

Конечно совершенно твердых границ не было; в разное время они подвергались тем или иным изменениям, однако эти изменения происходили в тех общих пределах, которые намечены выше.

Очевидно, что центральным районом Камско-Волжской Болгарии были пределы нынешней Татреспублики и отчасти примыкающие к ней пределы соседних автономных областей.

Здесь именно и развивается вся политическая жизнь государства, а периферия остается довольно инертной к переживаемым здесь событиям.

Население. Как уже указывалось в предыдущем очерке, этнический состав населения остается изученным не в достаточной степени.

---

1) См. мою статью в № 1—2 «Вестник Общества Татароведения» по поводу открытия списка сочинения Ибн-Фадлана, известного до сего времени лишь в отрывках, переданных компилятором XIII века Якутом.

Во всяком случае определяются две основных группы: болгары и финские племена. Эти группы различны не только по этническому признаку (болгары—народ тюркского происхождения), но и по своему политическому и экономическому положению: болгары—хозяева страны, а финские племена—племена покоренные и эксплоатируемые

Но и само болгарское население, в период уже предшествующий расслоилось на деревенское и городское. Это расслоение продолжается, конечно, и дальше в течение изучаемого периода.

У нас нет данных сделать статистический подсчет, как городского, так деревенского населения.

Однако, можно наметить некоторые цифры. От X в. сохранилось сообщение о том, что число жителей города Булгара и Сувара простирается до 10 тыс. человек, т. е. в среднем в каждом городе насчитывается 5.000 жителей. Позднейшие авторы (Эль - Бекри XI в. и т. д.) сообщают о 500 семействах и о 500 домах в г. Булгаре; таким образом, казалось бы на каждое семейство на каждый дом приходится до 10 человек. Трудно, конечно, сказать в какой мере приведенные цифры для городского населения являются исчерпывающими и отвечающими действительному положению дела.

Неизвестно,—какие именно жители городов учтены в этих цифрах. Болгарская знать (политическая и торговая), восточные купцы и гости, ремесленники, слуги и рабы,—входили ли все эти категории городского населения в подсчет.

Наконец, в приведенное количество 500 домов входят, вероятно, только деревянные дома. Эти дома принадлежали экономически более сильным элементам горожан и возможно, что именно по количеству деревянных домов восточные авторы и вели подсчет населения, включив в него более мощные экономические группы населения. А ведь на ряду с деревянными и даже кирпичными домами, постройка которых обнаруживается в описываемый период, в болгарских городах были раскинуты юрты, войлочные палатки, в которых обитает более нуждающийся контингент городских жителей, дешево услуживающий своим ремеслом, своим трудом обитателям богатых деревянных и кирпичных домов.

Если цифровому учету не поддаются даже города с их населением, то еще меньше данных в отношении деревенской, крестьянской массы, которая питала город, которая выставляла требуемое количество воинов и слуг, но которая была устранена от политической жизни и от сложной культуры, развивающейся в городах. Деревня пахала свои пашни, разводила скот, несла дань хану и его слугам, меняла излишки своих продуктов у торгашей, вышедших из городов, на разные городские товары и по временам испытывала

тяжкую долю из-за междуусобия своих ханов или в случаях вторжения внешнего врага.

Нечего и говорить, что еще в меньшей степени представляется возможным учесть количественно покоренные финские племена, не имевшие никакой организации и разрозненно обитающие в лесах, посвящая себя охоте и рыболовству главным образом.

Экономические условия. Камско-Волжская Болгария занимала территорию, которая в отношении экономических условий была в достаточной мере благоприятна. Тучная земля способствовала развитию земледелия, о котором уже речь была в предыдущем очерке. Прекрасные заливные луга доставляли хорошую пищу для скота. Богатые лесные массивы доставляли не только обильный и разнообразный материал для древообделочной промышленности, но они вместе с тем таили неисчерпаемое количество зверя, давали большое количество пушнины, и этими богатствами Камско-Волжская Болгария славилась. Помимо этого лес благоприятствовал пчеловодству.

Большие и глубокие реки доставляли не только в изобилии рыбу, но и служили хорошими путями сообщения, как внутри страны, так и далеко за ее пределами.

Наличие медной руды, а также богатства строительного камня, завершали круг тех условий, которые,—не подлежит сомнению,—являлись благоприятными для экономического развития Камско-Волжской Болгарии.

Сельское хозяйство. Ибн-Росте совершенно определенно заявляет для X в., что болгары — народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и другие растения (Хвольсон, указ. соч. стр. 23). У Ибн-Фадлана также есть указания на то, что в стране болгар много пшеницы и ячменя (Гаркави, указ. соч. стр. 91). Поражает отсутствие указаний на рожь. В связи с этим Вестберг пишет (в «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1908, 11, стр. 408): «Весьма сомнительно, хотел ли обозначить Ибн-Фадлан, действительно пшеницу, а не нашу рожь, являющуюся и поныне главнейшим хлебным злаком в губерниях по средней Волге. В первую половину средних веков, даже в Германии и в соседних землях на Востоке, пшеницу возделывали в несравненно меньшем количестве, чем рожь».

И тем не менее мы должны припомнить, что языковые данные для предыдущего периода в качестве хлебных злаков нам свидетельствуют именно пшеницу и ячмень (о чем см. выше).

Системы обработки земли у болгар остаются неизвестными.

Но археологический материал дает некоторое представление о распашке земли. Наличие в находках железных частей плугов, как

плугов ручной, так и упряжной тяги, дают повод констатировать, что болгары распахивали свои поля орудиями упряжной тяги, хотя рядом с этим обработка земли должна была производиться и ручными орудиями. Упряжными плугами работали, вероятно, владельцы больших участков—более богатые жители. Рядом с этим владельцы небольших площадей должны были по необходимости довольствоваться более примитивными способами.

Впрочем в лесистых уголках по необходимости должен был применяться ручной плуг. (Штукенберг, «Земледельческие орудия древн. болгар», стр. 212).

Из анализа упомянутых частей плуга видно, что лемех и резак так поразительно сходны с железными частями, напр., мордовского сабана, что, по мнению А. А. Штукенберга, есть основание признать аналогию их деревянных частей, и таким образом, повидимому, в болгарском плуге нужно искать прототип инородческого сабана, бывшего в употреблении еще в конце XVIII в. в пределах бывш. Казанской и смежных губ.

Кроме плуга, в качестве орудия для разрыхления почвы, надо указать мотыку с уширенной к лезвию лопастью с четырехугольным обухом и с отверстием для рукоятки.

Такие мотыки могли употребляться для огородных и садовых работ, а плодовые сады (яблони) свидетельствуются, повидимому, Ибн-Фадланом.

В качестве орудий для уборки хлеба и трав употреблялись косы и серпы. Большая часть кос напоминает горбушу—косу, употребляемую, напр., в прошлом столетии в Пермской губернии. Но еще большее сходство болгарские косы имеют с косами пермской чуди. Серпы—обычного типа, который мы можем наблюдать и в позднейшее время.

Ограниченность материала в области изучения земледелия мешает обрисовать последнее полностью.

Но русские летописи свидетельствуют, что уже в XI в. Камско-Волжская Болгария вывозила хлеб в Суздальскую Русь.

И совершенно справедливо замечание А. А. Штукенберга (указ. соч. стр. 211), что «значительное производство хлеба могло быть также только результатом долговременной культуры земли. Большое количество хлеба можно было бы получить только с большой площади пашни, а распахивать большие пространства можно было только сравнительно совершенными земледельческими орудиями, приспособленными к упряжной тяге. Такие орудия нужно было выработать. Значительное производство хлеба привело неминуемо к замене ручной обработки земли и обработки ее орудиями ручной тяги, обра-

боткой орудиями упряжной тяги, к которой были приспособлены домашние животные—лошадь и вол. Такая эволюция в способах обработки земли требовала много времени, а при обычной косности земледельческого населения, на это нужно было затратить не одно столетие».

К сожалению, данных об урожае и сборе хлебов у нас не имеется.

Второй отраслью сельского хозяйства, конечно, было животноводство. Рогатый скот и лошади и их продукция (кожи) служили даже предметом уплаты дани хану. Далее разводились овцы и козы.

Это—были основные отрасли сельского хозяйства.

В ряду подсобных отраслей были: охота, рыболовство, пчеловодство. Надо думать, что имели место кустарные промыслы (древообделочные—изготовление деревянных частей плугов и пр.; кузнечные—приготовление лемехов, оковка плугов и т. д.; гончарные—приготовление глиняной грубой посуды и т. д.). Возможно, что в эту эпоху появились уже и отхожие промысла (служба на торговых судах, плотничество и т. д.), так как развитие и усложнение хозяйственных форм страны требовало в города рабочую силу.

Промышленность. Нет сомнений, что к этому периоду относится развитие кожевенной промышленности и скорняжной. Выделка кож и сафьяна, а также обуви свидетельствуется отдельными показаниями восточных писателей. Приготовление мехов связано с оживленным вывозом этого товара на иностранные рынки. Далее можно отметить мелкие виды промышленности, как, например, гончарное и кирпичное производство и т. д.

К сожалению, более полного освещения вопросов промышленности изучаемого периода дать в настоящее время не представляется возможным за отсутствием достаточного материала и за недостаточностью изучения существующего.

Торговля. В изучаемый нами период, богатства Камско-Волжской Болгарии настолько стали общеизвестны и настолько удобны для использования (благодаря пути по Волге), что эта страна сделалась почти мировым (в масштабе того времени) рынком. Не только Восток, но юг и запад протягивали свои коммерческие щупальцы в Камско-Волжскую Болгарию и захватывали часть богатств этой страны.

а) Внутренняя торговля. Но остановимся сначала на внутренней торговле. Как уже указывалось выше, внутренняя торговля заключалась главным образом в заготовке продуктов для вывоза на иностранные рынки. Сюда относятся главным образом пушнина, отчасти кожи. Часть этих продуктов получалась городами ввиде дани

хану. Но большая, повидимому, часть закупалась купцами, сначала восточными, а потом и болгарскими. Торг обычно производился меновой, а с финскими племенами даже—немой. Нечего говорить о том, что для эксплоатации и спекуляции было всегда широкое поле развития и это поле довольно интенсивно было использовано купцами.

Внутренний сбыт был не велик. Правда, городское зажиточное население, в условиях развития культурных вкусов Востока, предъявляло высокий спрос на иноземные тавары: шелковые материи, парчу, металлические и специально золотые и ювелирные изделия, янтарь, бусы, хорошую посуду и т. д., а также—плоды и пряности. Зато внегородское население, крестьянские болгарские массы и финские народности,—покупали, повидимому, лишь немногое, необходимое для их скудного хозяйства (быть может металлические изделия хозяйственного значения, посуду, да дешевые мишурные украшения ввиде привесок, бус и т. д.).

б) Внешняя торговля. Торговые пути (Волга) вели из Камско-Волжской Болгарии с одной стороны в Среднюю Азию и Аравию, а с другой стороны через русские земли к Балтийскому морю. По сообщению автора X в. ал-Масуди «постоянно ходят караваны из Болгарии в Хорезм и именно через Харасан и наоборот, причем они должны защищаться от тюркских племен, кочующих в этих местах» (Хвольсон, указ соч. стр. 81) Ибн-Хордадбек говорит, что иногда караваны (верблюдов) шли от Каспийского моря в Багдад, а иногда—к Валху и Мавараннагру и до Китая (Гаркави, Сказания мусульман. писателей etc., СПБ. 1870, стр. 49).

Быть может этим же путем, от Каспийского моря, а быть может через переволок к Дону, и по этой артерии через Черное море шли торговые сношения с Византией и вообще с югом (напр. Африкой).

Другой путь, путь к Балтийскому морю, указывается кладами монет Булгара и Сувара X в., находимыми среди восточных монет той же эпохи в след. пунктах: Рязанская, Владимирская, Тверская, Петроградская, Псковская губ.; далее о.о. Эзель (Латвия), Аланд, Готланд и побережье Швеции; наконец Дания и сев. Германия: Познань, Померания и Бранденбург (см. Марков, Топография кладов восточных монет, СПБ. 1910).

Наличие гостей—купцов норманских, восточных—мусульманских, русских и т. д. свидетельствуется как писателями и географами, так и археологическими данными (напр., погребения в курганах в сел. Балымерах и т. п.).

Однако отношение болгарской знати к разным купцам было, повидимому, различное. Мусульманским купцам удалось, так сказать, одолеть болгар, расположить их к себе и даже взять над ними культурное влияние и руководство.

Аль-Мукаддем в конце X в. прямо даже говорит, что «мусульмане уже давно завоевали его» (Хвольсон, указ. соч. стр. 84). Повидимому, это совершенно соответствует действительности, поскольку нам теперь, из открытого списка Ибн-Фадлана, известно, что посольство из Багдада в Болгары имело караван до 3.000 лошадей и 5000 человек. Ведь сопоставляя эти данные, относящиеся к 922 г., с вышеприведенными данными о количестве жителей городов, мы видим, пришел как бы контингент гостей для нового города. Трудно считать такую экспедицию за посольство в обычном значении этого слова. Это именно мирное нашествие арабско-торгового капитала Багдада, установившее над Камско-Волжской Болгарией свое экономическое и культурное победное влияние.

Напротив, другие гости—купцы были в меньшем почете. Ворота города для них, повидимому, открывались лишь в период торга, так сказать, в рыночное время, тогда или вообще становища этих купцов были за пределами этого города.

Так представляется это в отношении норманских купцов (по Ибн-Фадлану—руссов), так это, повидимому, было и в отношении некоторых других иноземных гостей.

Но связывая своими коммерческими интересами купцов разных стран, Камско-Волжская Болгария, естественно, вела торговлю не только за счет своих собственных товаров, но и за счет товаров привозных. Только имея это обстоятельство ввиду, можно будет понять тот состав товаров, который перечисляет ал-Мукаддем в качестве вывоза на Восток.

«Из Ховарезма вывозят соболей, белок, горностаев, «фенек» (неопределенный зверь), куниц, лисиц, бобровые шкуры, пестрых зайцев, коз, воск, стрелы, березовую кору (?), шапки, рыбий клей, рыбьи зубы, бобровый аромат, янтарь, выделанную кожу, мед, орехи, ястребов (б. м. барсов или собак), мечи, панцыри, хелендж (береза или клен), славянских невольников, овец и быков; все это из Болгара»,—так свидетельствует аль-Мукаддем.

Другие восточные писатели подтверждают эти показания.

Русские летописи свидетельствуют вывоз хлеба русским во время недородов в русской земле.

Совершенно очевидно, что приведенный список товаров охватывает как продукцию самой Кам. Вол. Болгарии, так и продукцию получаемую из соседних стран, (напр., янтарь, славянские невольн-

ники и т. д.). В свою очередь продукция самой Камско-Волжской Болгарии представляла собой преимущественно сырье, так как местная промышленность была слаба и могла обслуживать лишь местные нужды.

Для сбыта внутри страны привозилось, как уже сказано, немного.

Торговый расчет. Торговля с иностранными купцами производилась на деньги, свидетельством чему служат находки монет на территории Камско-Волжской Болгарии. Ибн-Росте по этому поводу о болгарах говорит следующее: «Чеканенной монеты своей нет у них; звонкую монету заменяют им куньи меха. Каждый куний мех равняется двум диргемам с половиною. Белые круглые диргемы приходят к ним из стран мусульманских, путем мены за их товары». (Хвольсон, указ. соч., 24—25). Такое сообщение относится к началу X века.

И мы, действительно, видим, что монеты (преимущественно серебряные диргемы) Саманидов, Вулдов, Зияридов, Халифов и Ташридов достаточно хорошо представлены в находках на территории Камско-Волжской Болгарии.

Однако, в тридцатых годах X века, под влиянием Востока и в отражение своей экономической мощи, Камско-Волжская Болгария приступает к чеканке своих диргемов, рабски подражая саманидским образцам. Монеты чеканились от г. Булгара и г. Сувара. Обзор этих монет сделан был мной в 1921 году, в докладе, читанном в «Обществе Археол. Истории и Этнограф. при Казанском Университете». В ближайшее время появится в печати как на русском, так и на немецком яз. работа о монетах Камско-Волжской Болгарии нумизмата Р. Р. Фасмера, полагающего, что болгарские монеты начал чеканить хан, принявший в свою страну посольство из Багдада в 922 г.

Однако, если X в. богат привозом в Камско-Волжскую Болгарию куфических монет, то в течении последующего времени (XI—XII в.) приток их прекращается. Об'яснения этому проф. П. Г. Любомиров, правда, в отношении к древней Руси, формулирует след. образом: «Но к концу его (X в.) уже заметен упадок торговли и кризис на Востоке. Удар, нанесенный Святославом Хазарии, сильно ослабив ее, должен был отразиться на торговых оборотах Итиля. Погромы от печенегов, потом от половцев свели, очевидно, к нулю значение этого мирового торгового центра. Во второй половине века стало слабеть и могущество властителей Мовераннагра: в 80-х годах саманиды вели уже борьбу со своим бывшим рабом—создателем Газневидского царства, в которой и погибли. Постоянные войны терзают в X в. Персию, все более разоряя ее. И мы по находкам монет

можем следить сокращение притока саманидских диргемов с средины 980-х и XI в., когда создаются уже не только тюркские династии (Илекханы в Бухаре), а прямо тюркские государства (сельджуков), видит агонию старых культурных и торговых центров Востока и нижней Волги... Монетный материал XI в. не велик численно и довольно разнообразен по династиям: представлены и бувейхиды и Илек-ханы, и Окаймеды (в Ираке, монеты от 990 г.), и мерваниды (тоже с 990-х годов), но для них находка в одном месте 15 монет одной династии уже много, тогда как в X в. саманидские диргемы открываются тысячами штук (в знаменитом Муромском кладе их свыше 10.000») (Любомиров, «Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI в.в.» в «Учен. Зап. Госуд. Саратов. Университета», т. I вып. 3, стр. 14—15).

В конце X века прекращается также чеканка и болгарских диргемов.

Возникает вопрос: как же производился торг?

А. Ф. Лихачев высказывается по этому поводу таким образом: «Дело, кажется, улаживается таким образом, что чеканная монета заменяется разного вида и величины слитками серебра. На это указывает нахождение целых кладов с такими слитками. Подобная замена чеканной монеты кусочками серебра была очень возможна при том способе платежа за товары, который практиковался в то время. В кладах нередко находят, вместе с цельными монетами, множество разломанных и разрезанных на половины и четверти монет, а в почве, в числе памятников древнего быта, попадаются также нередко складные весочки с разновесом. Это свидетельствует о том, что деньги принимались не счетом монетных единиц, а весом металла [1]).

В этом случае было безразлично: принимать металл в чеканной ли монете или в кусочках серебра (см. «Зап. Восточн. Отдел. Из. Русск. Археолог. Общ.», т. III вып. 3, стр. 167).

Отчасти это, конечно, и так. Но вероятнее всего ценностью служили многообразные товары, вращающиеся на рынке того времени.

Цены. К сожалению, не имеется достаточных сведений к установлению цен на отдельные товары болгарского рынка, известна только цена куньего меха—$2^1/_2$ диргема. Шкурки черной лисицы из

---

[1]) Повидимому, диргемы, по крайней мере финскими племенами, рассматривались уже как украшения, так как экономическое свойство чеканной монеты им едва ли были известны. Во всяком случае диргемы пробиваются и заменяют характерные шумящие чудские привески. Пристрастие к монетным украшениям у финских народностей развивается в последующее время и этот вид упражнений вытесняет тяжеловесные чудские украшения.

Болгарии продавались в сев. Африке по 100 динаров, красные— дешевле.

Организация торговли. Организационные формы торговли уловить, как для описываемого, так и для последующих периодов не удается за отсутствием материала. Из Ибн—Фадлана и аль-Мукаддем известно, что в Булгаре был рынок, где очевидно располагались со своими товарами купцы. Рынок занимал, повидимому, одну из главных частей города и там была поставлена на средства, вероятно, тех же купцов—главная мечеть. Повидимому, на рынке стояли склады товаров и магазины и лавки. Надо полагать, что торговля города была по преимуществу оптовой. Розничная торговля, особенно в сельских местностях, производилась, повидимому, мелкими торгашами в разноску, принимая во внимание незначительность, в качественном и количественном отношении, спроса на товары сельского населения.

Социальные группировки. Вышеупомянутое хозяйство страны, как и в предыдущем периоде, продолжало стимулировать процесс расслоения населения на отдельные группы.

Городское население делилось на торговый класс, во главе которого стояла болгарская аристократия (родовая и служилая). Этот класс был экономически чрезвычайно мощным и, конечно, оказывал большое влияние на жизнь страны. Повидимому, в руках этого класса находились и более или менее крупные производства, как, напр., кожевенное и скорнячное. Поскольку в рядах этого класса стоит аристократия—родовая и служилая знать—не представляется трудным допустить, что в руках этого класса сосредоточивались и большие участки земли, потребовавшие улучшенных способов обработки.

Наряду с этим классом влачили скудное существование мелкие купцы и ремесленники (скорняки, кожевенники, гончары, портные, сапожники и т. д.), которым все труднее и труднее становилось конкурировать с укрупняющимся производством, сосредотачивающимся в руках богатого класса.

Наконец, надо думать, что с развитием и усложнением хозяйства, с укрупнением землевладения и производства на основе роста класса капиталистов, уже в описываемую эпоху появляются и развиваются наемные рабочие, за бесценок продающий свой труд крупному землевладельцу, промышленнику и купцу.

Деревня тоже испытывает расслоение. Появлются богатые и бедняцкие хозяйства. Первые расширяют свои участки (?) за счет сокращения вторых. Бедняцкие хозяйства выделяют слой деревенских батраков и городских рабочих на разных производствах.

Правда, у нас нет источников, на основе которых можно было бы полнее осветить поставленный вопрос. Поэтому приходится делать

лишь весьма схематические выводы из анализа тех экономических условий, в которых происходил процесс социального расслоения.

Государственное устройство. К X в. Камско-Волжская Болгария представляет собой ряд мелких удельных ханств, подчиненных главному хану болгарскому. Об этом мы встречаем красноречивые свидетельства у Ибн - Фадлана для X в. и в русской летописи для начала XII в. и более позднего времени.

Взаимоотношения между главным ханом и мелкими ханами (б. м. тарханами) было весьма различно. В одних случаях мелкие ханы оказывали главному хану всяческое почтение и уважение и он в свою очередь, в случае важных для страны событий, созывал их на совет, не решаясь без них принять то или иное решение. Но нередко эти взаимоотношения резко обострялись и приводили к междоусобной брани.

В таких случаях ханы, каждый для себя, старались предохранить свои владения от нападений хана—соседа. Ибн-Фадлан сообщает, что болгарский хан письмом в Багдад просит прислать мастеров для сооружения крепости, в которой он бы защищался от ханов противников.

Ознакомившийся с многими древне-болгарскими укреплениями по их остаткам, Н. А. Толмачев еще на IV Археологическом с'езде высказал также соображения: «Помещение укреплений на таких возвышенных местах, откуда открывался вид на далекое пространство, давал их гарнизонам возможность зорко следить за окрестностью, делать внезапные набеги, защищаться за окопами в случае надобности и властвовать над окружающею местностью. Весьма неправильный способ распределения их по местности и незначительность размеров не говорят в пользу предположения о том, что они могли быть возведены в видах защиты государства от нападения многочисленной армии. Напротив, вышеприведенные особенности говорят скорее в пользу того мнения, что укрепления, которых городища остались следом, могли быть возведены для обитания мелких владетелей страны, подобных средневековым баронам в Германии и для помещения их гарнизонов и представлять таким образом аналогию замкам этих последних, с тою разницею, что болгарские укрепления были построены не из камня, как германские и оставили к настоящему времени по себе одни только земляные валы и рвы» (см. «Труды IV Археол. С'езда, т. I, стр. 88).

Возможно, что в дальнейшем изучение валов поможет исследователям изучить границы и пределы отдельных феодальных владений, но теперь этого сделать не представляется возможным. Количество мелких ханов или вассалов не поддается выявлению.

Отпечаток феодальной обрядности и вассальных отношений представляется в описании у Ибн-Фадлана угощения посольства. В это время при главном хане мелкие ханы находились по правой стороне, посольство приглашено было сесть по левую сторону, дети хана сидели перед ним, а он один на престоле, покрытом византийской парчей. Завтрак начался тем, что сначала вкушать пищу начал сам главный хан, потом он предложил пищу посланнику. «Таков у них обычай»—пишет Ибн-Фадлан,—«никто не дотрагивается до кушанья, пока царь не подаст ему и когда царь подаст, то приносят ему стол». Затем хан предложил пищу хану, сидевшему направо, далее второму хану и т. д., повидимому, строго выдерживая старшинство.

Трудно в настоящее время определить об'ем самостоятельности мелких ханов в отношении внешней и внутренней политики. Но есть основание утверждать, что эта самостоятельность достигла больших пределов. Так, напр., болгарские диргемы от 976 г. т. е. 366 г. гиджры) сохранились в двух видах: с местом чеканки в г. Болгаре и в г. Суваре. Из этих монет мы видим, что в этом году этими двумя городами владели разные ханы: в Суваре—Мумин, сын Ахмеда, а в Болгаре—Мумин, сын Эль—Хрезана. Это обстоятельство заставляет предполагать довольно большую самостоятельность г. Сувара, являвшегося все-таки городом второстепенного значения.

В отношении внешней политики, повидимому, руководство было на стороне главного хана, который однако созывал совет всех ханов и вельмож.

Казна государства и хана. Размежевания казны государства и казны хана, конечно, не было.

Доходные источники государства и хана слагались из следующих элементов: а) подать с населения, б) торговые налоги, в) дань с подчиненных соседей и г) военная добыча.

а) Подать с населения берется в двух видах: общая регулярная и свадебная. В первом случае хан берет по воловьей шкуре с каждого дома, т. е. с каждого хозяйства. Так говорит Ибн-Фадлан и подчеркивает, что «кто сеет что-нибудь, тот берет это себе, царь-же ничего не получает из этого». Повидимому, в начале X в. воловьи шкуры представляли для хана большую ценность, чем продукты земледелия. Впрочем Ибн-Росте говорит, что подать с населения хан брал лошадьми и другим. Наконец, если мы для более позднего времени имеем свидетельство русской летописи о том, что болгарский хан прислал в дар вел. кн. Юрию 3 назадов с житами, то для нас станет ясным, что и продукты земледелия поступали в качестве подати в склады или в казну хана. Отсюда ясно, что, повидимому, в

зависимости от потребностей, состав, а может быть и размер подати менялся.

Наряду с этой обычной данью, по сообщению Ибн-Росте, хан берет по верховой лошади от каждого, кто женится, подобно тому, как на Руси устанавливался на жениха налог в размере одного куньего меха. Конечно, не поддается определению размер ежегодно собираемой подати, но нет сомнения в том, что подать наполняла ханские склады значительной массой товара, в реализации которой на иноземных рынках он был сам крайне заинтересован и поэтому являлся, вероятно, первым крупным коммерсантом в стране, причем, вероятно, именно с этими коммерческими целями болгарский хан эпохи Ибн-Фадлана посетил народ Весь, о чем кратко сообщает Ибн-Фадлан.

б) *Торговые налоги.* Нам неизвестно, какой налог был установлен на местную торговлю и в каком он именно виде взимался. Трудно допустить, чтобы хан не требовал от купцов своей страны известной доли их барышей. Торговая буржуазия была, вероятно, центром внутренней и внешней политики. Ее интересы были интересами всего государства. Но при этих условиях известную долю участия в укреплении казны хана они, конечно, принимали.

Что касается налога на иностранных купцов, то по сообщению Ибн-Росте, «когда приходят к ним (болгарам) мусульманские купеческие суда, то берет с них пошлину десятую часть (товаров)», (Хвольсон, указ. соч. стр. 24). Повидимому, такая же пошлина, а может быть еще большая, взималась и с других иноземных, но не мусульманских, купцов.

в) *Дань с подчиненных болгарам соседей,* напр., финских племен, надо думать, собиралась пушниной. Правда, прямых указаний на это нет, но едвали подчиненное положение этих племен могло оставлять болгарского хана равнодушным к возможностям легкой добычи.

г) *Военная добыча.* По сообщению Ибн-Фадлана, когда болгарский хан «приказывает отряду отправиться в набег на какую-нибудь страну, то и он получает часть добычи». Конечно, этот источник доходов нерегулярный. Тем не менее его можно было создавать в случае надобности искусственно, направляя отряды на слабосильные финские народности.

Расходы государства и хана. Здесь также не было разницы, т. к. хан был полным хозяином своего ханства. Расходы направлялись поэтому прежде всего на содержание хана и его свиты. Принимая во внимание рост потребностей, в связи с развитием вкуса, установлением известного придворного этикета и т. д., — совершенно

естественно предполагать, что эта часть расходов была довольно значительной.

Содержание войска, его снаряжение и вооружение также требовало расходов, хотя отдельным отрядам при набегах на какую-нибудь страну по приказу хана и представлялось право участия в доле военной добычи.

Построение укреплений и вообще городское строительство было в интересах хана и требовало с его стороны немало расходов.

Сложное хозяйство хана, также административная деятельность, требовали содержания известного аппарата, расходы на который шли также из казны хана.

Наконец просвещение, тесно, конечно, связанное с религией, также поддерживалось средствами государства и хана. Мы видим, что уже в X в. в городах строятся мечети (и не по одной) и начальные училища с муэззинами и имамами. Главная цель этих учреждений—насадить ислам в стране.

Этим, очевидно, исчерпывается основной состав государственных расходов К.-В. Болгарии.

Отношения к соседям. Соседями болгар были: 1) Финские племена, 2) Русь и 3) хазары.

Финские племена совершенно невоинственны и малосильны и не доставляли больших забот. Из них только буртасы совершали набеги. Отношения с хазарами также не вызывало забот, тем более, что хазарское ханство, в течение описываемого периода, значительно слабеет. Зато чрезвычайно много забот доставляла Русь. Русские летописи изобилуют свидетельствами о вторжении русских князей с войсками в пределы болгарского ханства. Проф. Н. Н. Фирсов, давший общую сводку этих летописных сведений о вторжении русских князей в Кам.-Волж. Болгарию (в кн. «Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья», вып. I; Каз. 1919 г., стр. 38—47), дает следующую характеристику этим вторжениям: «Так же, как и в XI стол., и в XII стол. и даже отчасти в XIII, предприятия русских князей относительно Камско-Волжской Болгарии имели характер наездничества. Попрежнему мы не замечаем стремления укрепиться в крае, не замечаем завоевательных попыток. Это именно набеги за добычей, а не твердо организованная война для увеличения территории, на расширение которой русский князь XII ст. не имел претензий. Он нуждался в населении, очень редком в эту пору на северо-востоке русских поселений; почему неудивительно, что этот недостаток князь старался пополнить на счет Болгарии, на счет которой он вообще старался обогатиться. Что же касается ушкуйников, то они не были только добычниками. В XII в. они явились уже колонизаторами.

Они прибыли на Волгу и Каму издалека не только для того, чтобы разорить страну, награбить и уйти «во свояси», но и для того, чтобы основать где-нибудь в этом привольном краю свободную общину—государство. Этим первым колонизаторам удается достигнуть своей цели».

Указанные предприятия русских князей иногда приносили болгарам весьма значительный урон. Так в 1164 г., при участии Андрея Боголюбского, русские князья сожгли четыре болгарских города. Крупный поход 1220 г. закончился сожжением г. Ошеля и т. д. В отдельных случаях болгарские ханы откупались от таких нападений, посылая на Русь «с мольбою и челобитием о мире». Но противопоставить Руси сильное войско болгары так и не смогли.

Конечно, эти набеги русских князей сильно расшатывали хозяйство и торговое могущество К.-В. Болгарии, нарушая взаимоотношения между отдельными племенами и покоренными народностями. Те мирные торговые отношения, которые налаживались между русскими князьями и болгарами, были недолговременными. И в XIII в. мы видим, что К.-В. Болгария постепенно ослабевает и не может прервать того колонизационного потока, который выходит из Ростовско-Суздальской земли и результатом которого появляется в 1221 г. Нижний-Новгород.

Описание городов. Нам необходимо хотя бы кратко остановиться на описании болгарских городов изучаемого периода с тем, чтобы дополнить картину быта Камско-Волжской Болгарии. Остановимся главным образом на остатках двух городов: Булгара или Билярска и Сувар.

а) *Булгар.* Не приходится сомневаться в том, что центром Камско-Волжской Болгарии изучаемого периода был город Булгар, следы которого находятся в пределах нынешнего пригорода Билярска, Чистопольского кантона. До сих пор остатки этого периода не подвергались систематическому обследованию, вследствие чего приходится ограничиваться лишь краткими сведениями.

Билярское городище, прежде столица Камско-Волж. Болгарии—г. Булгар, расположено на склоне, имеющем сев.-зап. направление к реке Малому Черемшану, от которого городище в настоящее время отстоит версты на две; этот склон постепенно понижается к реке, где и оканчивается лугами (р. М. Черемшан проходит далее, частью по Спасскому кантону, а южнее, в пределах Самарской губ., она впадает в Б.-Черемшан, впадающий в пределах той же губернии в Волгу).

Городище состоит из тройной системы валов, из которых наружные—средний и внешний—почти на всем протяжении отстоят

один от другого на растоянии 40—60 саж. Внутренние валы отстоят от наружных на расстоянии 100—300 саж.

Внутренние валы образуют неправильную фигуру с более или менее прямой стороной на юге, с выпуклыми сторонами на востоке и западе и с выдающимся углом на севере.

Это внутреннее укрепление расположено не в середине площади, окруженной наружными валами, а несколько ближе к юг.-зап. стороне и занимает площадь, имеющую с востока на запад—около $1^1/_4$ версты, а с юга на север—около 1 версты.

Наружные валы представляют собою четыреугольник, обращенный углами к главным сторонам горизонта; юго-восточная сторона этого четыреугольника представляет собой дугу; также дугу, хотя и некрутую, представляет собой западный угол. Окружность внешнего укрепления определяется приблизительно в 10 верст, площадь с юг.-вост. на сев.-запад—$2^1/_2$ вер. и с юг.-зап. на сев.-вост.—2 вер.

Изучение валов дает возможность предполагать, что в отдельных местах они прерывались, причем в местах перерыва валов были, повидимому, деревянные укрепления, бойницы, башни, под которыми проходил проезд в город. В одной из наиболее хорошо сохранившихся частей внутреннего вала В. А. Казаринову, описавшему городище в 1881 г. (этим описанием мы и пользуемся; оно помещено в «Изв. Общ. Археолог. Истории и Этнограф.», т. III; план городища в т. V), удалось заметить, что на верхушке вала и вдоль него идет углубление «точно на вершине вала шла узкая продольная постройка в роде забора, но не в одну стену, а в две, если принимать в соображение нынешние заборы» (стр. 94). Надо думать, что это действительно—следы тына, который строился на валах древних болгарских городов.

Внутренняя площадь города и заключала в себе основную территорию города. В настоящее время сев.-зап. часть площади заселена пригородом и следов древнего населения здесь уже совершенно незаметно. Однако, еще в 1881 г. Казаринову по грудам камней, потом использованным на постройку, по канавам со следами древней стройки и по расспросам крестьян, разбиравших остатки стройки, удалось определить в некоторых частях план города.

В центре названной площади, называемой крестьянами «столбом» или «жилищем» была, повидимому, соборная мечеть с минаретом. Стены здания были построены из хорошо обтесанного камня, пол был устроен из алебастра; стены поддерживались по углам и по средине «столбами» (т. е. контрфорсами). Неподалеку от этого центрального здания крестьяне указывают еще следы невысокого

каменного здания, при разборке которого были обнаружены погребения. Очевидно, это была усыпальница.

Далее в отдельных местах Казариновым отмечены бугры, иногда значительных размеров и разнообразной формы. Эти бугры, оказывается, представляют собой остатки зданий и скрывают в себе строительные камни, кирпичи, штукатурку, известковые проливы, а также черепки и т. д. Среди этих многочисленных бугров, раскопанных крестьянами с целью добычи строительного материала, обнаруживаются также остатки, которые дают возможность установить назначение бывших здесь зданий. Так, напр., по наличию громадного количества кузнечных огарков в одном бугре представляется возможность полагать, что здесь была кузница. Констатируется наличие мастерских для обработки изделий из кости, причем крестьянам, занявшимся в неурожайном 1877 г. добычей костей и продажей их (в 1877 г. их продано крестьянами в город на 3 тыс. руб.), удалось обнаружить, что в разных ямах попадаются кости, точно сортированные: в иных ямах попадаются кости преимущественно ножные и от больших животных, а в других—ребра и т. п. (кости все вареные); в ямах попадаются кости и бывшие в обработке, а именно: много костей перепиленных, много подготовленных к последующей обработке, много попадается и законченных костяных изделий, (пуговок, подвесок, шпилек, иногда с типичным орнаментом из кружков с точкой в середине).

Среди других остатков строений, по которым удается, и то с великим трудом, востановить лишь направление стен, обращают на себя внимание следы кирпичных «печей». Уже Казаринову известно было много находок таких печей. От этих «печей» в разных направлениях шли гончарные трубы. В 1915 г. П. А. Пономарев в той же местности близ «столба» в бугре обнаружил такую же «печь» и сообщает о ней следующее («Изв. Общества Археол. Истории и Этнограф.», т. XXX, вып. I, стр. 51): «Вскоре заложенная траншея надкнулась на кладку больших квадратных кирпичей, положенных друг на друга горизонтально и скрепленных цементом. Стали осторожно обходить эту кладку траншей, не затрагивая кирпичей. В результате обнаружилась четыреугольная площадка в $7^1/_2$ арш. длиной, 4 арш. высотой и в 1 арш. шириною. Сверху оказался тонкий рыхлый почвенный слой в два вершка, под которым обнаружилась ровная площадка из кирпичей. В траншее, с северной стороны площадки на глубине 2 чет., залегало горизонтально несколько гончарнах труб, а на две четверти ниже их, в семи местах на расстоянии четверти друг от друга, обнаружились на красноватой глине черные полосы, напоминавшие слой сажи в дымовых ходах».

П. А. Пономареву не удалось полностью вскрыть кирпичное сооружение, верхняя часть которого, по его мнению, разрушилась. Если последнее соображение правильно, то возникает вопрос: не служили ли эти сооружения для подпольного отопления прежних зданий? Впрочем, решение этого вопроса—дело будущего, когда мы будем иметь, действительно, достаточный материал в этом направлении.

В западной стороне городища, на обоих берегах р. Билярки располагалось кладбище, а, по заявлению Ибн-Росте, «кладбища их (болгар), как у мусульман».

Остается сказать о колодцах. В районе того-же «столба» были обнаружены колодцы, в которых были найдены медные сосуды, глиняные сосуды и др. предметы.

Места древних колодцев характеризуются небольшими дудкообразными провалами почвы. При открытии колодцев в 1915 и 1916 г. установлено, что примерно на глубине 1 саж. от верхоземки находился дубовый сруб, который подпирал стенки колодца. При работах 1916 г. было замечено, что дудкообразные провалы расположены в известном расстоянии друг от друга по прямой линии, что быть может свидетельствует о направлении улицы гор. Болгара.

На дне колодцев, в илу обнаруживались глиняные кувшины и другая посуда, упавшая случайно при зачерпывании воды из колодца.

Таковы скудные данные о городище. Как видно из этих данных, топография городища совершенно не изучена. Для науки исчезло безвозвратно уже многое и ценное. Но если исследования попрежнему не будут организованы—мы совершенно потеряем для науки материал целого города, который гремел торговой славой в изучаемой нами период. Надо заметить, что незанятые современным пригородом пространства распахиваются.

Что касается находок на этом городище, то следует прежде всего отметить сравнительное малое количество монет золотоордынских, что подтвердит мысль о том, что с XIII в. центр Камско-Волжской Болгарии переносится в Спасский кантон, где быть может, в изучаемой нами период, неким Ибраимом был уже основан и управляем город Бряхимов (Иброхимов) около 1164 г., который в 1164 году был сожжен русскими князьми.

Из остальных находок на городище отметим: предметы украшения из золота и серебра (кольца, перстни, бляшки, амулеты, браслеты, серьги, отдельные слитки и т. д.); изделия из меди, свинца и олова самого разнообразного значения (стрелы, кистени, тигли, лампочки, украшения и т. д.); изделия из железа и чугуна (оружие,

различные инструменты, предметы хозяйства—гвозди, замки, шилья и т. д. и т. д.); изделия из кости ввиде разных поделок, о которых уже говорилось и которыми изобилует почва нынешн. пригорода Билярска; глиняные изделия (горшки, кувшинчики, чашки, плошки, крышки с ручками и без ручек, напрясла), из которых часть местного происхождения, а часть имеют, несомненно, иноземное происхождение (Центральная Азия); к последней группе относятся фрагменты из серой глины со звездчатым, узорным, растительным животным орнаментом; интересны сосуды сфероконической формы, назначение которых состояло, повидимому, в перевозе различных благовоний, а может быть и ртути.

Из упомянутых групп предметов обращают на себя небольшие железные декоративные инкрустированные серебром топорики, относимые к X-XII в.в. и имеющие норманское происхождение (см. А. А. Спицын в «Зап. Отдел. Русск. и Слав. Археол. Имп. Русск. Арх. Общ.» т. XI, стр. 222—224). Френом в свое время описан интересный медный сосуд с крышкой и зеркала (см. «Memoires de l'Acad. d. Sience Peterb. т. VII), причем стенки сосуда были украшены куфической надписью. В коллекциях Музея «Общества Археологии, Истории и Этнографии» и Центрального Музея Татреспублики билярские древности представлены довольно разнообразно и богато и ценность уменьшается лишь с той точки зрения, что эти древности собраны не в результате систематических археологических исследований, а случайно, путем покупок.

Из приведенных, правда, довольно скудных данных все же видно, что город Булгар изучаемого периода был значительным городом. На главной площади его стояли главные здания: ханский дворец, придворные строения, соборная мечеть и дома знати. Строительным материалом для этих центральных зданий был камень и кирпич. Были и еще мечети, а также были построены школы, где обучение, повидимому, носило духовный характер. К рынку примыкали складочные помещения. Планировка города не улавливается, но по линии колодцев можно заключить о прямых улицах города. В более отдаленных от центра кварталах располагались мастерские и заводы. Здесь же жил городской обыватель в деревянных домах, которые были все беднее и беднее к окраинам. На окраине города располагалось кладбище. Город был довольно хорошо укреплен. Рядом с городом находится ряд других городищ, указывающих на скопление населения около столицы страны.

б) Сувар. Долго не могли установить местонахождение г. Сувара. Наконец, в 90-х годах XIX стол. Г. Ахмарову удалось открыть его следы в двух верстах к югу от села Кузнечихи, Спасского кан-

тона на бер. р. Утки. Городище, по описанию Ахмарова, с трех сторон окружено рвами и валами (с южн.—один вал и ров, с северной и восточной—два параллельны рва и вала), а с западной стороны окружено р. Уткой, берега которой, еще на памяти стариков крестьян, представляли собой непроходимые болота. Глубина рвов от 2 до 3 саж., расстояние между двумя валами около 5 саж., с севера и востока на среднем (внутреннем) валу отмечены какие-то ямы, быть может следы укреплений. С восточной стороны имеются два узких хода в городище (ворота). Площадь городища занимает около 6 верст.

При осмотре городища Ахмаровым и из расспроса им крестьян выяснилось, что следов каменных зданий здесь не было. Аль-Мукадем, впрочем, в X в. сообщил, что город Сувар представлял собой войлочные юрты. Конечно, таковым Сувар быть может и был, но в изучаемую нами эпоху он по свидетельству арабских источников уже имел и соборную мечеть, вероятно, также школы, дворец, хана и т. д., причем главным материалом для строений служило дерево.

Находки с этого городища в сущности являются однотипными тем, которые обнаружены на территории пригорода Билярска. К сожалению, эти находки собраны в Музеях в весьма недостаточном количестве. Суварское городище до сих пор остается совершенно неисследованным. Такой значительный памятник, как г. Сувар, засвидетельствованный восточными авторами и нумизматическим материалом уже для X в. заслуживает того, чтобы на него было обращено должное внимание; иначе под распашкой и т. д. исчезнут всякие следы этого города.

в) На ряду с отмеченными двумя городами в Камско-Волжской Болгарии существовали другие города. Но они имели меньшее значение, а неизученность материала лишает нас возможности остановиться на них хотя бы сколько-нибудь подробнее.

г) *Норманская колония.* Но если не представляется возможным изучить другие Болгарские города рассматриваемой нами эпохи, то, повидимому, представляется совершенно возможным определить одну из колоний приезжих норманских гостей—купцов.

Ибн-Фадлан сообщает нам много интересных бытовых черт из жизии этих приезжих купцов, которые останавливались со своими судами у особого якорного места или пристани. Ибн-Фадлан между прочим подробно обрисовывает обряд сожжения покойника.

Уже в 70-х годах прошлого столетия около сел. Балымеры, Спасского кантона были обнаружены и раскопаны курганы, в которых были обнаружены зола, уголь и обгорелые кости. Но один курган, открытый П. А. Пономаревым и Н. П. Лихачевым, хранил в себе

следы сожигания трупа и вооружения воина. Доспехи воина представляли собой железный меч с медными принадлежностями пояса или перевязи, а также огниво и проч. Описанный в «Извест. Общ. Археол., Истории и Этнографии», (т. X-й, вып. 2, стр. 157—160) А. А. Штукенбергом меч носит резко выраженный скандинавский тип, что уже в достаточной степени характеризует происхождение кургана. Мой личный осмотр большого кургана в селе Балымерах, (курган известен под назв. «Шолам») убеждает в том, что курган также хранит в себе следы кострища (курган обрывается, вследствии расширения оврага, так что значительная часть его погибла).

Конечно, нужны исследования. Но некоторый путь в уяснении группы Балымерских курганов уже намечается. И, как видно, он ведет к признанию в окрестностьях села Балымеры якорного места, остановки или колонии Норманских гостей близ г. Сувара. Ибн-Фадланом отмечена стоянка судов норманских купцов около Болгара.

д) *Характерная географическая особенность древнейших болгарских городов.* Как уже упомянуто выше, древний Булгар и Сувар располагались не на берегу реки Волги или Камы, а в некотором отдалении от них, на небольших речках М. Черемшане и Утке. Это является весьма характерным для древнего болгарского города, возникшего, повидимому, из стана, стоянки пришельцев—болгар, раскидавших здесь свои юрты и не испытавших первоначально нужду в больших реках—торговых путях. Эта нужда, конечно, оказывалась и в следующий период—значительные городские центры выростают именно на этих богатых водных артериях, по которым проходила торговая жизнь.

Упадок Болгарского ханства. Как цветущий торговый пункт, Камско-Волжская Болгария могла только существовать при наличии благоприятных для торговли и для сбыта товаров условий. Между тем условия мало этому благоприятствовали. На востоке империя халифов прекращает свое существование. Халифов сменяют сельджуки. В эпоху сельджуков на Востоке, вследствие крестовых походов, создается напряженное положение. Далее фактический переход власти от сельджуков к атабегам,—все это вместе взятое мало благоприятствовало развитию и дальнейшему укреплению торговых связей. Конечно, связи были, но не было об'ективной возможности их стимулировать. В этот же период падает хозарское царство, экономически ослабевшее и сильно подтачиваемое набегами кочевников (половцев и печенегов).

С другой стороны часто весьма опустошительные набеги русских князей и грабежи, связанные с этими набегами, начинают

упорно вести Камско-Волжскую Болгарию к упадку. Торговая аристократия и буржуазия не умела создать себе защиту ввиде организации сильного войска. Она полагалась на свой толстый карман. Действительно, ей удавалось откупаться, но это еще больше раззадоривало русских князей, которые в конце концов свои случайные набеги сменили хорошо продуманной колонизаторской политикой.

Развернуть план этой колонизации им, однако, неудалось, так как в 1236 году на Каму и Волгу приливает новая волна народностей, волна монголо-татар, которая размывает клонившиеся к упадку формы жизни Камско-Волжской Болгарии и открывает третий период ее существования.

С. Третий период Камско-Волжской Болгарии.

(Период татарского владычества).

Общие замечания. На втором периоде жизни Камско-Волжской Болгарии пришлось остановится несколько полнее из тех соображений, что в литературе не имеется очерка или попытки обрисовать этот период, период ризвития и самостоятельности Камско-Волжской Болгарии. Настоящий опыт не претендует на совершенство. Характеристика сделана довольно схематично, что отчасти об'ясняется недостатком места, предоставленного для настоящего очерка, а отчасти недостаточной изученностью материала, неподвергавшегося еще систематическому научному обследованию.

Зато третий период существования Камско-Волжской Болгарии является уже более известным. Он освещен в татарских сочинениях Ахмарова, Г. С. Губайдуллина и в книге проф. Н. Н. Фирсова «чтения по истории среднего и Нижн. Поволжья, вып. I—II».

Это обстоятельство позволяет нам значительно сократить изложение историко-археологического материала, характеризующего указанный период.

Нашествие татар на Камско-Волжскую Болгарию было в 1236 году. «Придоша из восточные страны в Болгарскую землю безбожные татары и взяше славный великий город Болгарский и избиша оружием от старца до юного и до сущего младенца и взяша товара множества, а город их пожгоша огнем и всю землю полониша». Так свидетельствует русская летопись.

Народные предания среди чуваш из села Тюрлемы рисуют такую картину: «Татары опустошили страну; татарские богатыри хо-

дили по стране... и всякое добро отбирали на хана» (см .Общ. Археол., Ист. и Этногр.», том III стр. 287), т. е. собирали дань. «Поэтому»,—продолжает предание,—«чуваши, черемисы и мордва разбежались и стали жить в лесах, в глухих местах, по овражкам, куда трудно было приехать татарским богатырям, ездившим обыкновенно верхом на лошадях».

Катастрофа развивалась, но и приходила к концу. Стремительный разгром, последовавший в ближайший год и неудача на грани к западной Европе закончились тем, что татары осели в нижнем и частью в среднем Поволжьи и здесь основали большую и сильную державу—Золотую или Кипчакскую Орду и Камско-Волжская Болгария в целом вошла, в качестве крупного элемента, в состав этого государства.

После острых моментов катастрофы болгарские ханы снова оправились, сделались вассалами Золотой Орды, приходили к нему с дарами на поклон и получали право попрежнему править своими ханствами. Это обстоятельство весьма благоприятствовало восстановлению болгарских городов и вообще жизни Камско-Волжской Болгарии.

Культурные перерождения татар. Длительный путь, который прошло монголо-татарское племя и который вводил ее в сферу значительных культурных влияний, постепенно привел эту народность к иному экономическому быту и к культурному перерождению. Кочевая народность постепенно становится оседлой и переходит к городской жизни. Целый ряд городов вырастает на берегах Волги, часть которых частично подвергалась обследованию, причем материал, добытый исследованиями, свидетельствует о высоких культурных достижениях этих татарских городов (см. книги Баллода—«Старый и новый сарай» и «Приволжские Помпеи»).

Источником дальнейших культурных влияний на татар были, конечно, болгары, как наиближайшие соседи, воспитанные в культуре Востока и стоявшие гораздо выше новых пришельцев.

Это, повело с одной стороны, к восприятию татарами болгарской культуры и тех культурных влияний, которые вновь, по восстановлении торговых связей, шли с востока, с другой стороны это повело и к постепенному отатариванию болгарской знати и буржуазии, которая начала растворяться среди знати золотоордынской.

Взаимоотношения между татарами и Кам.-Волж. Болгарией. Из сказанного видно, что взаимоотношения между болгарами и новыми пришельцами довольно скоро уладились. Болгары сделались даже летней резиденцией или «золотым троном» золотоордынского

хана, причем с течением времени в болгарских городах татарский элемент проникал довольно сильно.

Экономическое состояние Камско-Волжской Болгарии. В изучаемый период, после того, как последствия катастрофы в достаточной мере сгладились, экономическое состояние К.-В. Болгарии снова вступает в полосу благополучия. Попрежнему на тучных и обильных жатвой полях крестьянское население, изменив несколько территорию своего хозяйства, занимается земледелием, к которому переходят и новые пришельцы. Животноводство играет попрежнему значительную роль и выбрасывает на рынки потребное количество продукции (кож и т. д.). Вновь восстанавливаются подсобные крестьянские промыслы.

Промышленность, зародившаяся в предыдущем периоде, после некоторого перерыва, возродилась по тем же отраслям, которые отмечены для предыдущего периода, и среди которых кожевенная и скорняжная являются главнейшими.

Гончарное, обувное, портняжное, ювелирное и т. д. производство сосредоточивается, повидимому, в руках кустарей ремесленников, класс которых несомненно разростается.

Торговля, по установлении связей с Персией и Средней Азией, начинает вновь развиваться и расцветать. Спрос восточных и вообще иноземных рынков на товары Камско-Волжской Болгарии всегда был велик, и опять Волга несет вверх и вниз торговые суда.

Состав вывоза и ввоза по существу неменяется, но весьма разнообразится. Из Камско-Вол. Болгарии попрежнему преимущественно вывозится пушнина, нефть, быть может, сафьян и обувь, скот и т. д. Из иноземных товаров в Камско-Волжскую Болгарию приходят: предметы роскоши, (золотые и серебрянные украшения, бусы, перстни, серьги и т. д., зеркала из далекого Китая), ткани и шелка, посуда (между прочим китайский фарфор), благовония, фрукты и пряности. Пределы восточных торговых отношений по археологическим данным до Индии и Китая.

Деятельное участие в экономической жизни Камско-Волжской Болгарии, конечно, приняла Золотая Орда. Она в лице своей буржуазии приняла участие и в развитии промышленности и в укреплении торговли под руководством болгарской буржуазии подобно тому, как последняя воспитывала в себе коммерческие и культурные навыки под опекой мусульманских купцов.

Социальный строй. Процесс социального расслоения не имел никаких об'ективных оснований прекратиться. Определенно наметившись в предыдущую эпоху, он продолжал развиваться, расслаиваясь— торговый класс от крестьянства и городского трудового люда, скапливающегося в городах.

Государственный строй. Система государственного управления не потерпела коренной перестройки в изучаемый период. В мелких ханствах остались те же мелкие владетели—ханы. Но над всеми этими ханами и над всей болгарской страной стояла власть и сила хана Золотой Орды. Только он санкционировал политику отдельных ханов и политику всей страны. В его руках находилась судьба каждого болгарского хана. Такое положение вещей, быть может, несколько изменило отношение мелких болгарских ханов к главному болгарскому хану. Последний уже не имел прежнего авторитета и значения в стране. Мы видим, что, напр., ханы из Джуке-Тау обращаются за помощью непосредственно к хану Золотой Орды, когда их сильно безпокоят ушкуйники.

Государственные средства. Источники государственных средств К.-В. Болгарии продолжали, конечно, оставаться теми же, равно как не изменилась, вероятно, и система взимания дани и подати. Но расходы, повидимому, сильно должны были увеличиться, поскольку Золотая Орда требовала от болгарских ханов поклонов и подарков. Зато Камско-Волжская Болгария долго, до средины XIV века, не испытывала, под защитой Золотой Орды, тех разбойных и грабительских набегов со стороны русских князей, которые отмечены в предыдущую эпоху и которые наносили стране весьма большой материальный урон.

Монеты. В изучаемый период Камско-Волжская Болгария буквально наводняется монетами, чеканенными в разных городах и разными ханами Золотой Орды. И в настоящее время в любой момент в нынеш. сел. Болгары—Успенское, Спасского кантона, на месте Болгарской столицы этого периода, можно у крестьян приобрести золотоордынские медные и серебрянные деньги [1]), иногда весьма хорошей сохранности. Появление орудия обмена, ввиде указанных монет, стимулировало развитие торговых сношений и обильное использование в этом направлении золотоордынских денег, не подлежит сомнению.

В редких случаях в Золотую Орду, а оттуда и в Камско-Волжскую Болгарию проникали золотые динары индейских мусульманских султанов (констатированы находки в Болгарах, близ с. Тенишево и на месте города Джуке-тау).

Находки последних свидетельствуют о далеких сношениях с Индией, причем А. Ф. Лихачев, основываясь на показании Ибн-Батуты, полагает, что кипчак интенсивно доставлял в Индию степных лошадей и купцы на этом наживали весьма большие барыши, по-

[1]) Фрагмент динара якобы золотоордынской эпохи, найденный в Болгарах, доказывается в правильности его определения (Лихачев, в «Зап. Вост. Отдел. имп. русск. геогр. общ.», т. I, вып. 2, стр. 57, примеч. 1).

лучая за лошадь в Индии почти в 25 раз более того, что они платили в степях Поволжья.

Болгарские города. а) г. Болгар. Изучаемый нами период связан с переходом центра Камско-Волжской Болгарии из пределов нынешнего Чистопольского кантона в пределы нынешнего Спасского кантона. В последнем, на территории нынешнего села Болгары—Успенское и в его окрестностях, вырастает в татарскую эпоху новая столица Камско-Волжской Болгарии—г. Болгар.

Надо думать (и для этого есть основания), что уже во второй половине XII в. этот город начинает зарождаться. В 1164 г. русские летописи указывают на разрушение русскими князьями, среди других болгарских городов, города Бряхимова. К указанному времени русская летопись уже называет этот город «славным»—Переяславль—Суздальская летопись называет этот город «Ибряхимов». С. М. Шпилевский в своей книге «Древние города и др. Булг.—татар. памятники», стр. 118 не без основания полагает, что город назван по имени его владельца Ибрагима. В генеалогиях владетелей болгарских, сохранившихся у татар, действительно, упоминается хан Ибрагим, по времени живший как раз в эпоху Андрея Боголюбского. Таким образом устанавливается и подтверждается происхождение города от имени его владельца—хана Ибрагима.

Но где же находился этот город? Совершенно определенно этот вопрос решается показанием неизвестного сочинителя о Казанском царстве, который замечает, что по основании Казани «болгарские грады со всеми людьми да царем Казанским обладаются..... И бысть Казань стольный град вместо Бряхова (т. е. Бряхимова) града болгарского». До Казани таким стольным градом был, конечно, город Болгар в пределах и окрестностях нын. села Болгары-Успенское.

Итак, г. Булгар (он же Бряхимов) уже в XII в. основывается на Волге. В условиях развития торговли его местоположение на берегу водной артерии и великого торгового пути (есть предположение, что Волга в то время протекала около города) сулило ему большие перспективы. Этих перспектив не удалось достигнуть только благодаря набегам русских князей, которые не безуспешно грабили «славный» город и, ограбив его, уже не имели нужды и охоты тащиться к столице того времени, отстоящей от берега Камы на довольно значительном расстоянии.

Следовательно, уже в XII в. чувствовалась определенная нужда в переходе главных городов в непосредственную близость к торговому пути. И в изучаемый период мы видим, что начинают расцветать и подниматься именно те города, которые стоят у торгового

пути, и из них г. Булгару, перенесенной на Волгу столице, принадлежит в развитии по праву первое место. Напротив г. Сувар и прежний город Булгар теряют всякое значение.

В настоящем очерке не представляется надобности затруднять читателя подробностями описания г. Булгара на основе археологического материала. Это сделано автором в книжке «По развалинам древнего города Булгара (спутник экскурсанта)», имеющей появиться с изображением болгарских развалин в ближайшее время. Поэтому предстоит сделать лишь весьма краткую характеристику археологического материала на этот счет. Здесь мы также прежде всего столкнемся с неизученностью всего материала в целом. До 1914 года археолог. раскопки велись бессистемно, случайно, без соответствующей документации (так разрыта Белая Палатка в 1887 г.), произведена очистка «Четыреугольника», раскопан «Бабий Бугор» и т. д.). С 1914 года Общество Археологии, Истор. и Этногр. при Каз. Ун-те приступает к систематическим исследованиям. Произведены исследования развалин близ Малого Минарета, оказавшиеся усыпальницей, приступлено было к изучению «Четыреугольника» и «Греческой Палатки»,—и тем дело закончилось за недостатком средств.

Состояние же развалин, остатков г. Булгара, таково. На площади села, около православного храма, над землей возвышаются развалины (крестьяне их называют «палатками») громадного здания, известн. под названием «Четыреугольника» (соборная мечеть), около которого, судя по следам других фундаментов и развалин (одна из них называется «Монастырский погреб», а другая обращена в XVIII в. в христианский храм), группировалась центральная часть города. Здесь был Большой Минарет, рухнувший в 40-х годах прошлого столетия. Здесь же, на месте теперешней русской церкви, был, повидимому, ханский дворец, а быть может и рынок.

От этого центрального пункта города шли улицы в разных направлениях. Одна улица шла параллельно склону берега, и здесь на усадьбах крестьянских домов, еще и до сих пор обнаруживают остатки каменных фундаментов.

Из других зданий до настоящего времени сохранилась, так наз. «Черная Палатка» или «Судная», назначение которой не установлено и название которой происходит от того, что она была очень закопчена, т. к. русские насельники коптили здесь свиней. В 80-х годах был произведен ремонт этой палатки, проломы в стене заложены были кирпичем и палатка очищена от копоти. Здание это теперь приспособляется под музей. Само по себе оно представляет большой интерес как внешним своим стилем, уводящим нас в Среднюю Азию, так и внутренней отделкой ввиде лепных украшений (оконных ра-

Малый минарет—Болгары.

Черная палица—Болгары.

мок, ниш и т. д.). По некоторым указаниям здание прежде имело подпольный этаж; верх здания прикрывается куполом.

От «Черной Палатки» по направлению в поле возвышается бугор развалин так наз. «Белой Палатки». Еще в 60-х годах XVIII столетия путешественнику Палласу удалось осмотреть и зарисовать эту палатку; в 30-х годах прошлого столетия бр. Чернецовы зарисовали не только внешний, но и внутренний вид палатки. В настоящее время от нее остался только бугор. Подрытая крестьянами, бравшими из нее строительный материал (хорошо обтесанный камень), она рухнула в 60-х годах, в 1887 г. производились раскопки этой палатки. Здание, оказывается, разделялось на три помещения, из которых центральное было самым значительным. В одном из двух других помещений были найдены следы громадной печи, от которой шла сеть подпольных ходов под центральное помещение. В связи с этим уже была высказана мысль о наличии подпольного отопления в зданиях Болгара вообще, и в Белой Палатке—в частности. Назначение здания остается спорным. Однако, отделка его лепными украшениями едва ли говорит за то, что это баня (такие предположения делались). Скорее всего Белая Палатка представляет собой дом зажиточного болгарского купца или вельможи.

От той же «Черной Палатки» шла, повидимому, улица к городскому кладбищу, которое находилось у Малого Минарета, несколько реставрированного, и стоящего до сего времени весьма грациозно у поскотины села. Улица к кладбищу шла мимо болгарских домов, остатки которых ввиде фундаментов были обнаружены описателями болгарских развалин в прошлом столетии.

Как доказали раскопки 1914 г., на что, правда, существовал ряд указаний и раньше—Малый Минарет и стоящая в угрожающем своим падением состоянии развалина имеют значение кладбищенских сооружений. В упомянутой развалине и около нее были обнаружены погребения, иногда с кирпичными надгробиями (скелет обычно лежит на спине, ногами на восток, левая рука согнута под прямым углом и лежит на груди, правая рука протянута вдоль скелета; предметы отсутствуют). Повидимому, развалина является остатком усыпальницы каких-то весьма почетных лиц. Последнее обстоятельство наводит на мысль, что здесь быть может мы имеем дело с усыпальницей болгарских ханов. Такое предположение и было высказано авторами отчета о раскопках 1914 г. (см. «Изв. Общ. Арх., Истор. и Этногр.», т. XXIX, вып. 5—6, стр. 219). К этому приводит и анализ архитектурных деталей этой развалины, который доказывает, что здание это было прекрасно украшено изразцами, лепными архитектурными деталями и представляло собой, повидимому, богатый и ин-

тересный памятник архитектуры. В настоящее время развалина имеет весьма печальный вид. Значительная часть стен в 80-х годах при «реставрации» заложена кирпичем, который уже выломан. Восточный и западный пристрои уже давно заметны только по слабой линии фундамента.

Малый минарет, как сказано, тоже был значительно реставрирован. Но и до сего времени он сохраняет характерные черты стиля. Из деталей особенно бросается своей красотой надоконный узор, высеченный на камне. Интересны розетки на верхних углах восьмигранника, с которого начинается круглый барабан башни. Витые колонки, окаймляющие вход в минарет, к сожалению, слабо заметны, так как при ремонтах они замазаны известью.

В общем кладбищенская группа развалин, повидимому, может считаться к настоящему времени разгаданной. Если мы добавим, что кладбище было усыпано каменными плитами с эпитафиями над отдельными могилами, то перед нами кладбище представится в законченном виде.

Здесь нами перечислены в черте города те развалины, которые отчасти еще высоко стоят над землей, а отчасти известны по своим планам. Но это перечисление дает незначительный еще материал. А между тем, как на территории нынешнего села, так и в поле, в пределах вала, встречается и отмечено прежними писателями громадное количество «палаток» или бугров, в которых хранятся остатки фундаментов. Эти фундаменты отчасти разбираются крестьянами под фундаменты своих домов или пережигаются на известку или, наконец, в поле запахиваются. Такие же «палатки» отмечены и по склону горы и даже под горой. Все эти исчезающие палатки еще не обследованы, что мешает составить представление о планировке города.

Надо думать, что и в Болгаре дома были двух сортов: богатые дома торгового и правящего класса; это дома из тесанного камня и кирпичей; напротив, бедные дома строились из дерева, и чем дальше от центра, тем беднее и беднее были эти строения. Почти в окраинах города около озерка Голландского, почти высыхающего, между прочим помещался квартал гончарников, о чем свидетельствует громадное количество черепков разной посуды, иногда недоделанной.

Город окружен валом, который начавшись у берегового склона, убегает в глубь и обвивает территорию Болгара, приходя опять к береговому склону, вытянувшись почти на 7 верст. За валом и рядом с ним идет ров. К выезду из сел. Болгары-Успенское в сел. Три-Озера за валом примыкает укрепление, обведенное своим валом. Это укрепление имеет название «Малый Городок». Оно состоит из ряда остатков каких-то строений: основания двух башен и т. д.

Площадь Малого Городка запахивается. По мнению некоторых, эти развалины представляют собой передовое укрепление города.

На запад от Болгара за валом и близ берегового склона находятся развалины так назыв. «Греческой Палатки», около которой было обнаружено христианское кладбище. На могилах этого кладбища открыты каменные плиты на армянском языке. Повидимому, Греческая Палатка представляла собой христианский храм, около которого и хоронили христианских купцов, оказавшихся в Кам.-Волж. Болгарии по торговым делам. Таковы краткие сведения о развалинах г. Булгара.

Хронология всех этих развалин, а следовательно и расцвета города, ведет нас к XIV в. и именно по второй его половине. Об этом свидетельствуют: монета, найденная под полом «Четыреугольника», эпитафии, открытые в фундаменте «Белой Палатки», наконец, самый стиль архитектуры.

Характер архитектуры уводит нас в Среднюю Азию. Оттуда же происходят и мозаики и изразцы, прежде богато украшавшие болгарские дома и теперь сравнительно скудно представленные в Музее Общества Археолог., Истор. и Этногр.

Что касается находок древних предметов на территории г. Булгара, то они весьма разнообразны, но характерная их особенность заключается в том, что все они более позднего происхождения, чем основные находки г. Булгара предыдущей эпохи (на территориии пригорода Билярска).

Помимо монет, о которых речь шла выше, здесь обнаружены следующие группы находок:

Керамические, находимые здесь, изделия распадаются на изделия местного производства и привозные. К первому разряду относится простая обычная посуда ввиде горшков, чашек, больших кувшинов средне-азиатского типа для воды и т. д. из красной и темной глины, с прямолинейным, зигзагообразным, волнообразным, елочным и др. орнаментом. Повидимому, сюда же относятся неуверенные опыты приготовления поливной посуды. Большой красотой отделки отличается привозная посуда. Это кувшины, блюда, чашки и т. д. Часть их приготовлена из серой глины и украшена рельефным узорно-растительным и зведчатым орнаментом, как по стенкам, так и по горлышку. Иногда здесь мы видим изображение двух птичек, приткнувшихся носиками к дереву с разных сторон, иногда изображаются животные. Этот вид керамики близок туркестанскому. Кроме того имеется поливная посуда, в большинстве случаев с синеватой поливой, с черным расписным растительным орнаментом и с изобра-

жением птиц, рыб и зверей. Наконец, к этой же привозной керамике надо отнести фарфор из Китая.

Украшения из серебра, золота и малоценных металлов обнаруживают большое количество. Сюда относятся: перстни, кольца, браслеты (из них большое количество из проволоки), серьги, привески, бляшки для нашивок, металлич. зеркала и т. д. и большое количество бус. Здесь также можно наметить прдметы привозного характера и местного производства. К первым можно бы было отнести ювелирные изделия высокой художественности. Но необходимо, однако, помнить, что к этому времени в Болгарах уже были свои ювелиры, что свидетельствуется эпиграфическим материалом.

Оружие, различного рода инструменты и предметы домашнего обихода из железа обнаруживаются в большом количестве и свидетельствуют о том, что обработка железа в Болгарах была своя собственная. К этой же группе находок относятся и орудия земледельческого характера, находимые за пределами городского вала в полях при распахивании земли.

Обращает на себя внимание группа предметов, имеющих отношение к водоснабжению. Сюда относятся находки в разных местах каменных водоемов, иногда с валикообразным украшением прекрасной раборы. В одних случаях эти водоемы имели цельное дно и служили для сохранения воды. В других случаях в дне имеются отверстия для труб. Одновременно надо указать на находки труб со следами алебастра, при помощи которого эти трубы скреплялись одна с другой. Иногда колено трубы было устроено изгибом. Этот вопрос в полной мере не изучен, а между тем вопросы водоснабжения для г. Болгара представляют весьма существенный интерес. Следов колодцев, подобно билярским, здесь не обнаружено.

Следует остановиться на каменных плитах с эпитафиями. Все эти эпитафии были когда-то на кладбище. Теперь они отчасти в фундаментах крестьянских домов, отчасти увезены для той же цели окрестными помещиками, частью пережжены на известку, и лишь немногие сохранились до сего времени. Большее их количество хранится в „Черной Палатке“ в Болгарах, немного имеется в Музеях Казани; несколько камней виднеются в фундаменте храма села Болгары—Успенское с сев. стороны.

Эпитафии эти отчасти датированы и относятся к XIV в. и только одна эпитафия, по чтению проф. Катанова, относится к концу XIII в. Эпиграфический материал такой древности, конечно, представляет большой интерес.

На этом мы заканчиваем очерк г. Булгара, далеко не исчерпав, по недостатку предоставленного места, значительный археологический материал.

б) *Другие болгарские города.* Из других болгарских городов данной эпохи надо отметить Джукетау (близ нынеш. дер. Данауровки, Чистопольского кантона) на Каме, Кременчук, Кошан, Тубуму-тау и др. В свое время П. А. Пономарев сделал очерк этих городов в своих очерках „Данные о городах Камско-Волжской Болгарии" (см. „Изв. Об. Археол. Истор. и Этнограф." при Каз. Ун-те, т. X, вып. 3 и 5; т. XI вып. 1 и 4). Нового к настоящему времени к очеркам прибавить ничего не приходится, так как по прежнему остатки этих городов остаются необследованными.

Необходимо только отметить чрезвычайно богатый клад из Джукетау, состоящий из золотых предметов украшения, из которых выделяются браслеты с накладными украшениями и буквенным орнаментом. В кладе найдены и два динара индийских патанских султанов XIV в. Клад открыт случайно в 1924 г. в береговом откосе при разработке камня. В настоящее время этот клад, имеющий высокое художественное значение хранится в Центральном Музее Татреспублики.

Главнейшие события эпохи и упадок Камско-Волж. Болгарии. Судьба Камско-Волжской Болгарии находится в тесной связи с судьбой Золотой Орды. Изучая факты, приходится констатировать, что Золотая Орда, после расцвета к эпохе Узбека, начинает клониться к упадку, выразившемуся в распрях в среде придворных хана. По смерти сына Узбека Джанибека замечается быстрая смена ханов. „Замятня" в Золотой Орде, конечно, быстро сказалась на Камско-Волжской Болгарии. Под 1361 год летопись сообщает о взятии Пулад-Тимуром г. Булгара и отнятия всего Волжского, т. е. торгового пути. Завоевание и разрушение города было толчком к переселению населения на север и к основанию новых городов (между прочим Иски-Казани).

С другой стороны „замятня" в Золотой Орде дала повод русской вольнице, ушкуйникам, набегать с целью грабежа на болгарские города. Много от этих набегов и грабежей страдал город Джуке-тау. Длинная серия этих набегов проходит через всю вторую половину XIV в. Отношения с русскими порéшились, а между тем Москва укреплялась и напирала на Камско-Волжскую Болгарию. Этот процесс русского напора развивался в такой степени, что под 1431 г. русская летопись говорит о пленении князем Василием Пестрым всей земли болгар. Великий князь Иван, сын Василия Васильевича, на этом основании прибавил даже к своему титулу „вел. кн. Булгарский". Однако, эта прибавка к титулу не имела никакого реального значения, т. к. события развертывались в другом направлении.

Дело в том, что низложенный в Золотой Орде хан Улу-Мухамед, после кратковременного пребывания и нового низложения в Крыму,

удачно обосновался в Среднем Поволжьи, в пределах Болгарского ханства. К этому времени болгарские прежние центры (г. Булгар и др.) были уже разорены и население отхлынуло на север и за Каму.

Некоторые беженцы из К.-В. Болгарии с отпрысками ханского рода, уже после разгрома болгар Пулад-Тимуром, основались в маленьком городке Иски—Казань на Казанке, откуда с течением времени переселились к устью Казанки. Новый приток беженцев, после разгрома 1431 г., усилил новый город, имеющий весьма выгодное в стратегическом отношении положение.

Здесь-то и обосновался хан Улу-Мухаммед, который своим правлением и открывает первые страницы истории ханства Казанского и замыкает последний период существования Камско-Волжской Болгарии.

Конечно, население Камско-Волжской Болгарии не исчезло. Оно вошло в состав Казанского ханства, но основное политическое значение теперь остается за другой династич. группой, за татарами.

Изложение последующего периода уже выходит за пределы намеченной нами темы.

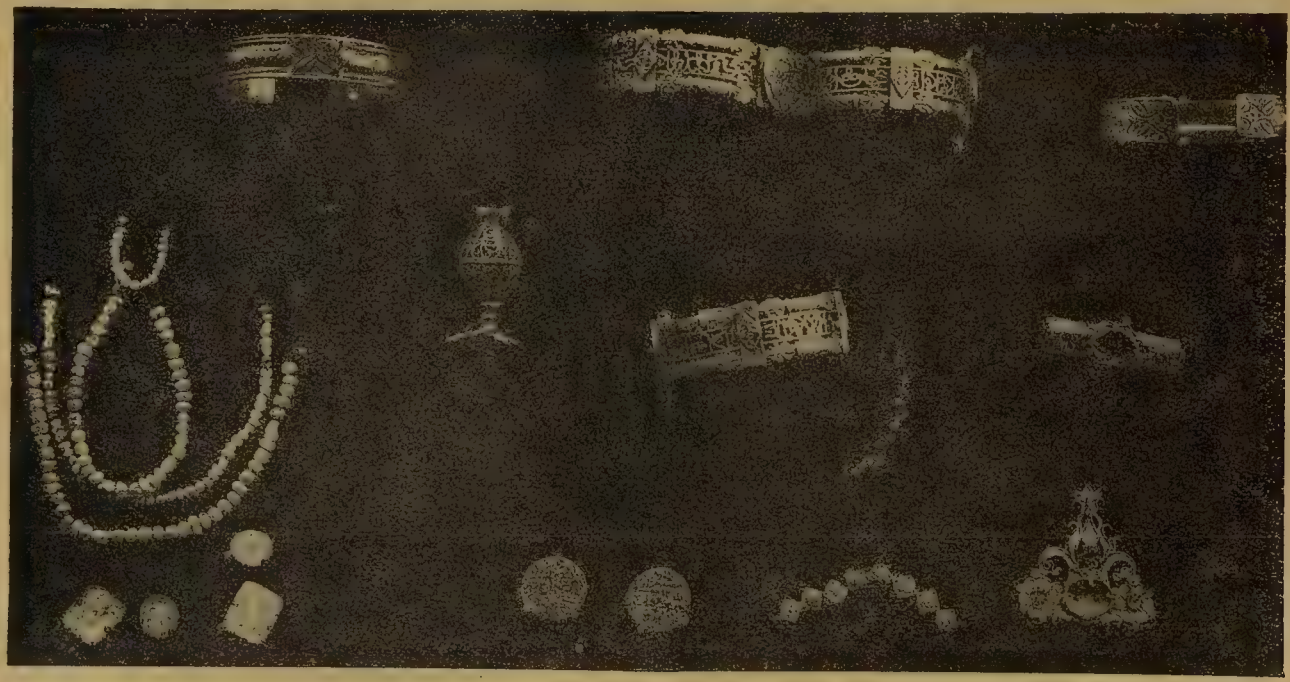
Заключение. Итак, на нашу долю выпала задача сделать обзор исторического процесса на протяжении почти $3^1/_2$ тыс. лет. Задача эта представляется крайне трудной, так как везде и всюду материал мало изучен, требует весьма серьезной доработки, попытки обобщения отсутствуют.

Все это вместе взятое дает возможность представить обзор лишь с некоторой схематичностью. А недостаток места, предназначенного для обзора, затрудняет произвести выбор материала, так как зачастую материал ввиде обобщений и выводов дается в качестве опыта впервые, что требует от автора некоторых, порой весьма значительных, обоснований.

Исходя из этих соображений, автор настоящего очерка совершенно отчетливо сознает многие дефекты изложения, из которых особенно бросается некоторая неравномерность в использовании материала. Последнее получилось, однако, оттого, что материал первоначально изложен был полно, а потом его пришлось сильно сокращать, причем равномерность была нарушена.

Автор, таким образом, заранее признавая ряд дефектов изложения, будет все-таки удовлетворен, если настоящий, хотя схематичный и конспективный очерк, даст возможность читателю ориентироваться в том пути, по которому шло развитие культуры в пределах Татреспублики и соседних областей, начиная с эпохи каменного века.

К статье проф. В. Ф. Смолина.
Археологический очерк Татреспублики.



Клад золотых вещей, найденный в 1924 г. близь дер. Данауровки, Чистопольского кантона, на месте болгарского города Джуке-Тау.

Из фот. фонда Центр. Музея ТССР.

Г. С. Губайдуллин.

Из прошлого татар.

I.

Среднее Поволжье в XII веке имело весьма большое значение в тогдашней мировой торговле, однако то государство, которое являлось проводником этой торговли, сильно ослабело в XII веке. На то было много причин. Во-первых, Аббасидский халифат, бывший до этого времени как бы сузереном Болгарии, потерял ту экономическую мощь и политическое значение, которое он имел до XII века. Халифат остался только номинально большой державой. В сущности же он разделился на ряд мелких феодальных единиц. С другой стороны, благодаря появлению на южных степях Восточной Европы половцев или кипчаков, сношения Волжско-Камской Болгарии с Каспийским и Черным морями сильно сократились, что должно было, несомненно, сильно отразится на экономическом благосостоянии края. Кроме того, рост великорусского народа и появление на западной границе Болгарии русских удельных княжеств и частые столкновения с ними, также нужно принять за одну из серьезных причин. Наконец, возникновение на севере новогородских колоний, налеты ушкуйников сильно мешали притоку северных товаров на болгарские базары. Несмотря на все это, Болгарское ханство существовало и не совсем потеряло свое значение. Самое географическое положение не позволяло ему изчезнуть. В то время, как центр бывшего Хазарского каганата, теперешняя Астраханская губерния, был занят кочевыми турецкими племенами и не мог играть роль центра торговли, которым он был в IX и X веках, Среднее Поволжье, находясь в лесистых и болотистых местах не было удобно для кочевников, поэтому «копыто их лошадей редко наступало здесь». По этой причине болгарское ханство спаслось от разгрома, которому подвергалась Хазария в начале XII столетия. Таким образом в XII веке Болгария не совсем еще потеряла своего бывшего благосостояния, хотя по сравнению с X веком значительно ослабла. Еще в первой четверти XIII века, болгары были настолько развиты в земледельческом отношении, что были случаи, когда они помогали соседним русским княжествам, ввиду свирепствовавшего там голода «возили жито по Волге и Оке во все города русские и про-

давали». Также процветали различные ремесла. Болгарские мастера, например, приглашались в русские города для постройки церквей. Какие именно изменения произошли в Болгарии в конце XII века и в первые годы XIII столетия, мы не знаем. Однако известно, что болгары в эту эпоху были настолько сильны, что они могли вести наступательные войны. Напр., в 1107 году они осадили Суздаль, а в 1218 году взяли Устюг. Можно положить, что в социальном и политическом отношениях в Болгарии не было больших перемен. Тот строй, о котором сообщает нам Ибн-Фадлан, сохранился и в эту эпоху. В таком положении, вкратце, находилось Болгарское ханство до 1236 года, когда оно в этом году разделило ту же участь, которой подвергалось около половины тогдашнего культурного мира: в этом году столица ханства подвергалась нападению монголов. Может быть эта разрушенная столица был тот Биляр, развалины которого находятся теперь в Чистопольском кантоне Татреспублики. Это событие значило в сущности то, что Болгария была включена в состав Джуджийского улуса империи Чингизидов, или сделалась одной из автономных провинций Золотой Орды.

Этим завоеванием Болгарское ханство не только не потеряло своего былого экономического значения, но даже могло возвратить то, что было им потеряно после ослабления своего покровителя Аббасидского халифата. Во-первых, соседние русские княжества, также вошедшие в состав Монгольской империи, перестали быть опасными для болгар. Во-вторых, кочевники-половцы, которые держали болгар в трепете своими частыми нападениями, также перестали быть врагами. В первый период возникновения Золотой Орды, Болгарский улус даже играл роль экономического и культурного центра Империи. Долгое время Золотоордынские монеты чеканились в городах Болгарии. Даже были найдены монеты, чеканеные в Болгарах от имени хана всей империи монголов Монгу хана. Смело можно предположить, что после включения в состав Золотой Орды, серьезных изменений в социально-политическом строе не было. Только бывший сюзерен— болгарский хан, возглавлявший своих вассалов «меликов», теперь сам стал вассалом Золотоордынского хана, «начаша ходити в орду ко царю отчин своих просити у царя на столовании свои» Те зачатки феодализма, которые существовали в эпоху арабского протектората в X веке, существовали и в эту эпоху.

Например, татарское предание, которое записано писателем Насыровым, дает некоторые намеки на то. По его словам на месте нынешнего Свияжска был большой торговый город, укрепленный замок, управляемый отдельным ханом и даже упоминается имя одного из них (Самат Хан).

Точно также были вассальные князья в городе «Шукотин». Кроме того существовали «тарханы», из подчиненных болгарам чуваш.

С ростом экономического и политического могущества Золотой Орды такое самостоятельное существование Болгарского улуса стало невыгодным для Сарайского правительства. Поэтому в 1361 году «Булактемир» Булат Тимур—князь ордынский, Болгары взяли все города по Волзе и улусы, и отняша весь волжеский путь» Таким образом с этого времени Болгария стала одной из провинций Золотой Орды.

Окончательное подчинение Золодой Орде, также не ослабило значение ее. Хотя центр торговли и перешел в Сарай, Укек, Новый Сарай и в другие центры Золотой Орды, но Болгарский улус все же остался важным торговым и промышленным центром в Среднем Поволжье. Мы здесь не будем повторять те известия восточных писателей, которые много говорят о значении Болгарии, ибо этот вопрос достаточно освещен в русской исторической литературе. В эту эпоху по прежнему в городах болгарских сосредоточивались товары запада и востока; процветали ремесла, на что указывает надгробный камень «Шагидуллы—золотых дел мастера» относящийся к XIV веку.

Обильные лесные материалы отправлялись по Волге вниз, о чем сохранились ценные известия в до сих пор неизвестном старинном татарском романе «о сыне Исый» из придворной жизни эпохи Джанибек-хана. Здесь описывается, между прочим, сплав лесных материалов из устья Свияги вниз по Волге.

Кроме того здесь следует упомянуть о торговой и культурной связи Болгарии с Средней Азией в эту эпоху, о которой свидетельствует сохранившийся турбе и надгробный памятник, умершего по дороге одного туркестанца, стиль надписи которой повторяется в других эпиграфических памятниках XIII и XIV столетий. Для иллюстрации сказанного, мы здесь приведем отрывок из предания, записанного писателем Насыровым из его рукописи под названием «Материалы Археологические», который хотя и имеет некоторые анохронизмы и модернизацию, но все же дает картину: «покойный Мулла Ахмет передавал от своего отца Сейда, ему же расказывал дед Ахмед, что в старину болгарский народ был кочевым и по летам занимался скотоводством. Так как берега Свияги тогда были хорошими пастбищами и покрыты лесом, то по летам они переселялись туда и кормили скот. В то время было в Болгарах около ста тысяч народу. «Шагри-Болгар» был весьма большим городом, там находились кожевенные заводы, хорошие кожи вырабатывались в Болгарах... Когда еще болгары были целы, то на горной стороне (Волги) были богачи и фабри-

канты, были фабрики, где вырабатывались ситцы (?) и кумачи. Они (болгары) свои товары меняли на ситцы (?) и в Свияжске (по словам Насырова на месте Свияжска был город) у Самат хана была ярмарка, они приезжали туда и торговали, привозили сырую и выработанную кожу. Ярмарка продолжалась неделю»...

Как известно, под влиянием главным образом генуэзской и венецианской торговли, вследствие захвата турками Дадана и потом Босфора и по причине разгрома Тимрленком, Золотая Орда экономически стала ослабевать, разультатом которого были междуусобные войны и центростремительные силы взяли верх. В XV веке она окончательно потеряла былое политическое значение. Это явление весьма сильно влияло на жизнь Болгарского ханства. С одной стороны воцарившаяся анархия сильно препятствовала правильному ввозу и вывозу товаров, ибо находящиеся между Болгарией и Астраханью кочевые турецкие племена опять стали жить самостоятельною жизнью и от капризов их зависила безопасность торговли, а Сарайское правительство не в силах было водворить порядок. С другой стороны сами восставшие племена, очень часто возглавляемые принцами из рода Чингиза, претендующие на ханский престол, совершали налеты на различные культурные центры, в том числе и на Болгарию. Наконец, русские князья, чувствуя слабость Сарайского правительства, безнаказанно начали совершать нападения на Болгарию. В 1431 году Болгары были захвачены Московской воеводой и «вся земля была пленена». В результате всех указанных причин, Болгарский улус окончательно отделился от Сарайского правительства и даже сама столица не могла восстановиться. Появился новый центр края «Иски Казан», о точном нахождении которого в исторической литературе до сих пор идет спор. Таким образом наш край до образования Казанского ханства управлялся из этого центра и этот период мы называем промежуточным.

Отсутствие источников нам не даст возможности точно установить, какова была жизнь нашего края в эту эпоху. Только одна татарская летопись сохранила имена некоторых ханов, которые управляли в это промежуточное время.

II.

Недолго продолжался вышеупомянутый период. Такой важный, имеющий огромное значение торговый путь, как Среднее Поволжье, не могло долгое время оставаться в неизвестности и без твердой власти.

Уже в XV веке на Нижнем Поволжье в Астрахани, возникшей на месте хазарского города Итиль, установилась твердая власть. Астраханский правитель или «Даруга», еще в периоде падения Золо-

той Орды, захватил суверенную власть и из вассала Сарая превратился в самостоятельного хана, таким образом появилось торговое *Астраханское ханство.*

Различные претенденты на Сарайский престол, со своими отрядами, нередко появлялись в Среднем Поволжьи. Во второй четверти XV века здесь удалось утвердиться одному из таковых принцев по имени Улуг Мухамед, из рода Туктамыш-хана. Изгнанный сначала из центра Золотой Орды, а потом из Крыма, в поисках себе удела, Улуг Мухамет рыскал повсюду, пока ему не удалось, на территории бывшего Болгарского ханства, организовать Казанское ханство, в котором он царствовал с 1438 года по 1446 год.

Границы этого нового государства почти совпадали с пределами быв. Болгарского ханства: с запада границей служила река Сура, с востока—Уральские горы, с юга до современной Самарской Луки, и также с севера Вятские области. Население Казанского ханства состояло из тех же, главным образом двух, этнических элементов. Ввиду того, что эта область долгое время находилась под властью отуреченных Золотоордынских ханов, которые происходили от племени «кара татар», то название, чисто оффициальное, стало общим именем для всех турков, живущих в этой области.

Социальный строй Казанского ханства остался тот-же, что было в Золотоордынскую эпоху Болгарского ханства, но с более развитым оттенком феодализма. Как во всяком феодальном обществе, господствующим классом в ханстве было военно-аристократическое сословие, расположенное по иерархической лестнице, состоящее из карачеев, беков-князей, уланов, мурз и тараханов. Это сословие было классом землевладельческим. Поэтому Сахиб Гирей хан, восстанавливая нескольких татар «тарханов прежних лет» опять в этом достоинстве, в своем ярлыке от 13-го сафара 929 года гиджры говорит, что «к названным лицам на дорогах, в жилищах, в пути, даже во всякое время, когда они сидят и встают, к их людям, поместьям, возам, скоту не смеют пусть прикоснутся». Что эти татарские феодалы владели зависимыми сельскими людьми, об этом свидетельствует русский летописец, когда он описывает жалобу аристократии противников ориентации Сафа-Гирей хана, который отнимал земли у одних мурз и раздавал их прибывшим из крыма и таким образом лишил коренных казанских землевладельцев получаемых с этих земель «оброков».

Кроме того известно, что Казанскому архиепископу, после завоевания Казани, были розданы земли каз. ханов и мурз, в которых были зависимые люди, эти люди остались в руках главы православного духовенства, в X и XVII веках были названы «митрополичьими

или архиепископскими татарами» платили оброк им. Названия некоторых татарских и русских деревень (Мурзиха, Ядгиреево, Шугали), находящиеся в Татреспублике, также указывают на существование зависимости от помещиков татар. Особенно интересно название деревни «Чурили», что обозначает «деревня холопов».

Кроме светского феодального класса, как и на Западе, существовало духовно-феодальное сословие (сейды, шейхи, муллы, абазы шейхзады и муллазады), которые также владели «землями и водами», на что указывает также названия таких деревень, как Сейтово, Кульсейтово, Муллино. По словам татарского ученного Насырова (еще до взятия Казани, в деревне Верхние Ширданы, Свияжского кантона, был один богатый мулла и землевладелец, у которого здесь было большое поместье, усадьба которого имела 20 верст. Для охраны он имел более ста одних вооруженных «кул чура» или холопов.

Кроме феодального класса, в Казанском ханстве были юридически свободные татары и рабы. Последние вели хозяйство у феодалов. Наконец, в ханстве находились многочисленные финские народности, управляемые отдельными своими князьями. В городских центрах ханства жили торговцы из татар, «тейзиков» армян, грузин и других.

Население ханства в большинстве своем оседлое, но черты полукочевой жизни не совсем еще исчезли. Главное занятие населения было земледелие и скотоводство, бортничество и охота на пушных зверей. Немецкий путешественник XVI века Герберштейн считал Казанских татар самыми культурными из других татар и хорошими землевладельцами.

Центр ханства—Казань, была торговым центром Среднего Поволжья.

Ежегодная большая ярмарка, происходящая на Гостинном Острове [1]) привлекала торговцев из Востока, из Ногайской Орды, из Астрахани, из Московии и др. стран. Этот рынок настолько был важен для Москвы, что когда Василий III, по словам Герберштейна, запретил русским купцам ездить туда, то в России сильно ощущался недостаток в восточных товарах и особенно в «белуге».

Обмен между купцами совершался на деньги, а между купцами и населением господствовал меновой торг. Какова была денежная система ханстве, мы не знаем, ибо до настоящего времени не было найдено ни одной монеты, чеканенной от имени Казанского государства.

---

1) Гостинный Остров находился против Казани среди Волги. (Примеч. редакции).

Управление Казанского ханства было монархическое. Особых законов, изданных в эпоху самостоятельности, повидимому, не было и правительство руководилось шариатом и „юсуном“ и „турой чингиза“, как это было в Крымском ханстве, а в случае надобности, от имени хана, издавались особые приказы, которые назывались „ярлыками“. Власть ханов в принципе была неограниченной, но после смерти третьего хана Халила, мы замечаем усиление власти феодалов и сильное вмешательство их во внутренние дела ханства: многие вопросы государственной жизни стали разрешаться на собрании аристократии, на подобие „курултая“ у других турецких народов, который называется в русских летописях „всей землей“. Во время междуцарствий эти собрания феодалов имели суверенную власть: избирали ханов, отправляли послов от имени „всей земли“, заключали мир и об'являли войну. Даже бывали частые случаи, когда на этих собраниях низлагались ханы и приглашались новые. Особенной властью и влиянием пользовались карачийские роды и сейды. Положение последних было настолько высоко, что хан, встретив сейда верхом, должен был слезть с лошади и целовать руку его. Во время междуцарствий они возглавляли посольства, едущие в соседние государства, подписывали мирные трактаты от имени всего государства. Таким образом глава магометанского духовенства в Казанском ханстве имел ту же власть, которую имели архиепископы и папы в феодальной Европе. Но вмешательство сейда в светские и политические дела страны, не всегда проходило гладко. Наприм., известно, что во время приема новоприбывшего Сафа-Гирей хана, главный сейд был зарезан толпой, когда стало известно, что он намеревается убить нового хана.

На ряду с аристократией в политических делах не безучастно было и городское население Казани. Бывали случаи, когда люди из „черной кости“ устраивали собрания и вмешивались в политические дела, но эти „вече“ собирались случайно и не носили периодический характер.

Доходы ханства слагались из нескольких источников: во-первых, военная добыча, которая получалась от периодических нападений (чапкинов) Казанских татар на соседей. Здесь самыми важными предметами были племенные, которые продавались в большом количестве на ярмарках в Казани, а некоторая часть оставалась и использовалась в качестве рабочей силы в поместьях татарских феодалов. Во-вторых: серьезным видом дохода была пошлина с привозимых товаров, которая, вероятно, называлась также как и в Золотой Орде „тамга акячасы“. Но главным источником дохода казны были различные подати и налоги. Недавно опубликованный ярлык Сахиб-

Гирея дает нам возможность довольно ясно представить систему налогов и податей, которая блестяще изложена в „Истории Казанского Ханства“ М. Г. Худякова. В общем можно сказать, что в налоговой системе Казанского ханства было много общего с системой Монгольской Империи XII-XIII веков и Крымского ханства в XV-XVI столетий. Казань и все ханство представляло из себя военный лагерь. Это государство родилось в войне и пало в ней. В промежуток одного века существования этого ханства только с одной Московской было более 25 войн, не считая мелких стычек, которые происходили непрерывно. По этой причине думать о большом культурном развитии в этой стране было бы совершенно неправильно. В области материальной культуры ханство сохраняло те же достижения, которые были в эпоху Золот. Ордынского господства, почему Гербершейн мог считать Казанских татар самыми культурными из татар. В области же духовной культуры есть предание, что в Казани существовало большое медрессе, о чем свидетельствуют встречающиеся названия „Талибов“ (учащиеся) и „Абызов“ (ученых). Писатель Насыров даже записал предание о том, что даже в глухих деревнях современного Свияжского кантона велось усиленное преподавание богословских наук. Наприм., в одной из таких деревень долгое время занимался преподаванием крупный ученый Ибрагим, который потом уехал в Константинополь и там был назначен „Мударрисом“ (профессором) в одной из крупных медресс.

Возвратившись оттуда, опять занялся просвещением татар и чуваш в одном из глухих сел. Есть и живые свидетели существования духовной культуры в эпоху Казанского ханства, —это надгробные камни XVI века, которые по своей красоте почерка, языка и стиля ни в чем не уступают эпиграфическим материалам болгарской эпохи и по своему мастерскому исполнению даже превосходят надгробные камни найденные проф. Башкировым в Крыму.

К сожалению от эпохи Казанского ханства сохранилось весьма ограниченное количество литературных памятников, которые, вероятнее всего, погибли во время взятия Казани и подавления татарских восстаний, а также в эпоху религиозных гонений, во время Петра, Анны и Елизаветы.

Как было сказано выше, Казанское ханство со дня его возникновения было ареной борьбы. Казанские феодалы, считавшие свой «Юрт» наследником Золотой Орды, сначала сами вели наступательную войну, которая доставляла большую выгоду для «чуровладельцев», доставляла пленных им и для себя и для продажи. Но окрепшая Москва скоро перешла сама в наступление и стала вести непрерывные войны, желая предоставить своему господствующему классу новые

вотчины и поместья, а своему союзнику, православному духовенству— новые приходы. Эта политика еще более оживилась, когда появился хлебный рынок в Московском государстве и начало разрушаться натуральное хозяйство. Захвативший в свои руки власть, служилый класс жадно стремился увеличить свои поместья. Торговые интересы также играли не маловажную роль. Московское княжество, стоящее на торговом пути, хотело во что-бы то ни стало захватить все Поволжье, ибо существование на таком водном пути Казанского ханства сильно препятствовало этому. Московские сношения сильно осложнялись тем, что в то-же время на арену выступает новый фактор, а именно Турция, действовавшая большею частью через свое вассальное ханство Крымское. Это вмешательство, нам кажется, началось не только со времени утверждения на Казанском престоле ханов из династии Гиреев, но и гораздо раньше, а именно во время Мухамет Эмина. Один из мало известных татарских историков, Хусаин Амирханов, в своей «Истории Булгар»—приводит очень любопытное письмо этого хана к Крымскому хану с просьбой помочь ему в борьбе с Москвой. Крымское правительство той эпохи в своих сношениях с Москвой начинает называть Казань своим «юртом». Приблизительно в это же время Астраханское ханство уже подпало под турецкое влияние, почему Турции, чтобы пользоваться благами всего среднего и нижнего Поволжья, необходимо было и ввести в сферу своего влияния и Казань. Наконец, в 1521 году турецкому вассалу Крыму удалось поставить на Казанский престол хана из Гиреев Сахиба, человека османской ориентации. Это вмешательство Оттоманской Империи в поволжские дела имело кроме того глубокие экономические причины.

В XVI веке в Персии образовалось новое государство и Персия была об'единена под властью Сафавидов и между Персией и Турцией началась борьба за экономическое преобладание на Ближнем Востоке. Хотя Турция и была победительницей в этой борьбе, но все же Сафавидская монархия существовала и шелк и другие восточные товары перестали ходить через малоазиатские порты, а волжский путь оживился. Вот для того, чтобы заставить персов отправлять восточные товары через Турцию и найти возможность нападения сзади, Турция стала вмешиваться в волжские дела. Кроме того дорогие меха и рабы, которые употреблялись в качестве весельщиков в «кадоргах» (род морского судна), также прельщали турок к захвату Поволжья и Турция вмешивалась, вооружишись именем Аллаха. Таким образом Казанское ханство в первой четверти XVI века сделалось вассалом Оттоманской Империи. В это время даже «хутьбе» (пятничная проповедь) читалась во имя султана. Эта борьба между Турцией

и Москвой велась непрямо. Последняя, чтобы не поднимать тогда опасного мусульманского вопроса, пользовалась силой, искусственно созданного буферного Касимовского ханства, где подготовлялись ханы московской ориентации в роде Шах-Али и Джан-Али. Но и Турция, занятая в то время египетскими, персидскими и венгерскими делами, не могла давать материальной помощи Казани, а потому действовала посредством крымцев. Но последние в свою очередь также преследовали чисто свои цели, что можно сказать словами Крымского хана Девлет-Гирея «в случае захвата султаном Казани и крым в наших руках не останется». Поэтому ставленники османов Сахиб и Сафа-Гирей должны были удалятся и уступать место ханам московской фабрикации. Таким образом борьба феодальной Казани с постепенно переходящим к торговому капитализму Московским царством разрешилась в пользу последнего и Казань в 1552 году пала.

III.

Не сразу подчинилась страна Московскому государству после падения Казани. Почти все слои населения были недовольны окончательным уничтожением самостоятельности, хотя господствовавший феодальный класс и имел среди своих членов не малое количество сторонников Москвы, но в большинстве своем он не мог мирится с утратой своего господства. Духовные же феодалы не могли сочувствовать этому окончательному разгрому, который обозначал бесповоротную утрату былого могущества и доходов с их богатых приходов и влияния.

Поэтому глава духовенства Сейд Шериф, во время падения Казани, защищался до последнего момента. Многочисленный военный класс, состоящий из тарханов и казаков, также не мог мирится с этим явлением по целому ряду материальных причин. Другие не татарского происхождения народности чуваши, мари и т. д., жившие в эпоху самостоятельности под управлением автономных князей, также не могли быть равнодушны к московскому игу, почему общность интересов заставили их защищать страну с не малым усердием, чем татары. Поэтому тотчас после падения Казани началось брожение, превратившееся скоро в открытое восстание всех народов края, тянувшееся около 10 лет и продолжавшееся с перерывами после беспощадного подавления его.

Главари движения опять надеялись на османскую, крымскую и ногайскую помощь, но казанцы оказались опять обманутыми. Никакой реальной помощи со стороны последних не последовало, а приведенный из ногайцев хан и его дружина нетолько принесли пользу восставшим, но даже сами начали грабить население, после чего хан был убит самими повстанцами.

После подавления этого восстания началось завоевание и колонизация страны. Первым делом правительства было введение московских порядков и укрепление самой Казани. Часть татарского населения, спасшаяся от истребления, погрома и пленения, была переселена за черту города на болотистое место, откуда образовалась татарская слобода. Во главе всего края был поставлен наместник и его помощник, для введения и защиты московских порядков был оставлен довольно большой гарнизон. Во время разгара восстания в 1555 году, была учреждена новая епархия, во главе которой был поставлен епископ Гурий со светскими широкими полномочиями: началась христианизация и постройка церквей и учреждение монастырей. Самым важным делом московского правительства была колонизация края, которая началась с самого города Казани. В результате этого, к концу XVI столетия, число русских семей в Казани достигло 7000 человек, а татар, по несовсем точному исчислению, осталось только 6000 человек. За чертой города, прежде всего, колонизации подвергались земли, лежащие около города. Все земли, покинутые прежними хозяевами феодалами и трудовым населением, были розданы дворянско-служилому русскому сословию с тем расчетом, чтобы в случае нужды защиты Казани, они находились близко к центру. По этой причине в настоящее время на расстоянии 30 верст почти нет ни одной татарской деревни, хотя многие русские деревни носят татарские названия. Но следует отметить тот факт, что как было сказано выше, среди татарского феодального класса была довольно большая группа Московской ориентации, экономически связанная с ней; вот эти то группы и оставшиеся лойяльными мурзы-беки, поступившие на службу Москве, также получили вотчины и поместья и служили при Московском дворе. Часть татарского населения, находившегося около Казани, бежало или удалилось на северо-восток и вытесняло живших там прежде мари и вотяков. Поэтому многие татарские деревни, в северных волостях теперешнего Арского кантона, носят финские наименования и имеют предания на эту тему (напр. в Атне). Многие же земли по реке Каме и Волге, где раньше были расположены земельные угодия и вотчины Казанских ханов и «отписанные на государя», были пожалованы архиепископам. В число этих, так называемых митрополичьих или архиепископских земель, лесов и сенных покосов, вошло и много татарских сел и деревень (Тарлаши, Каришево, Малый и Большой Кабаны, Селик Кабан и др.). Первыми колонизаторами Казанского края были господствующие классы тогдашнего русского общества—бояре, князья, дети бояр и другие служилые элементы. Некоторые из них отправлялись добровольно, а некоторые по принуждению московского правительства. Известно,

что многие опальные князья и бояре, у которых были конфискованы вотчины, выселялись на ново завоеванный край, где им жаловались поместья и таким образом, они, попав на новый край, становились полезными людьми для Москвы. Кроме того и купеческое сословие также попадало на Казанское царство добровольно и принудительно. Напр., известно, что в Казань было переселено довольно большое количество псковских купцов и ремесленников.

Русское крестьянство приходило на наш край по принуждению, а часть их ища спасения от усиливающегося гнета помещиков, которые в XVI веке стали их усиленно эксплоатировать, поэтому, после взятия Казани началось стихийное бегство из центральных областей русского крестьянства в новый край. На этой новой земле их прельщала, таким образом, свобода и обилие пустошей. Поступившие на службу к помещикам, эти крестьяне получали 10-летнюю льготу и новые хозяева бережно относились к ним, вследствии недостатка рабочих рук в случае их ухода, хотя беглых крестьян и ловили, однако, на первых порах, правительство смотрело на это бегство на «землю казанскую» сквозь пальцев, желая быстро колонизовать новозавоеванный край, ибо, кроме внутренних, существовали, внешние причины. Турция еще не переставала, через своего вассала Крым, претендовать на Казань и Астрахань. «Верни Казань и Астрахань» были обычными требованиями в грозных письмах Крымских ханов — Грозному царю. Стоит только припомнить нападение 30.000 турецких янычар и многочисленного крымского полчища с целью захватить Поволжье и прорыть канал между Доном и Волгой, почему и нужно было поспешить с колонизацией края, чтобы на требования вернуть Казанские и Астраханские юрты, можно было ответить, что эти юрты уже стали русскими и что уже государь выстроил там семь городов, как обычно впоследствии и отвечали Московские послы на такие требования Крыма. По этой причине московское правительство принялось строить укрепленные города, которые могли-бы служить опорными пунктами русской колонизации и помещичьего засилья. Так, напр., в 1557 году возник Лаишев, куда были водворены дети боярские и стрельцы с семьями. В 1578 году, были поставлены Тетюши, а в 1583 году—Алатырь, позднее, постепенно появились другие кантональные города Татарской Республики. Эти города служили оплотом русской колонизации: около них сначала появились посады с русским торговым и ремесленным населением, а недалеко от них возникали русские села и деревни с крестьянами служилого элемента, которые под защитой городских укреплений и пищалей стрельцов могли свободно заниматься хлебопашеством. Другим оплотом русской колонизации явились православные мона-

стыри, которые появились с первых же дней завоевания края. Они также охранялись крепкими стенами и монахи не воздерживались от сопротивления злу с оружием в руках, в случае восстания «поганых бусурман» против колонизаторов. Таким образом, этой колонизаторской усиленной деятельностью правительства и господствующего служилого землевладельческого класса и усиленного притока угнетенного трудового крестьянства, наш край к концу XVI столетия стал страной со смешанным этническим составом, однако преобладающим элементом остались татары: последние экономически очень ослабли, благодаря тому, что они были отстранены от земель, лежащих близко к городским центрам и от речных переферий. Но всякое зло имеет иногда некоторые положительные стороны. Русская колонизация заставила сельское население территории к более интенсивным формам сельского хозяйства. В переписных книгах монастырских и митрополичьих сел середины XVII века мы уже видим в некоторых татарских деревнях трехполья.

IV.

С утратой самостоятельности, татарское общество не сразу потеряло старую общественную систему: феодализм, который существовал в Казанском ханстве продолжал существовать и после. Татарские беки, мурзы и тарханы, оставшиеся лойяльными к Московскому правительству и не потерявшие свои «земли и воды», сразу заняли то же положение, которое они занимали в эпоху самостоятельности края: они получили право владеть старыми вотчинами были причислены к военному классу и служилых, стали называться по татарски «юмушлыт татар или мирза», т. е. служилыми татарами и мурзами. Некоторые из них даже за службу на кормление получали новые поместья от московского правительства и право владеть и эксплоатировать «ясиров» или плененных немцев (нимс-чура и поляков-литовцев, пан-чура), взятых ими во время участья и на войнах Москвы с Литвой и с Ливонией. Право владеть «чурами» (крепостными или холопами) из татар они сохранили безограниченное. Этот класс «юмушлы» служил в регулярной армии. В таких отрядах в то время правительство очень нуждалось, ибо в тех частных войнах со степными народами, как с крымцами, ногайцами, а позднее и калмыками, очень выгодно было иметь такую конницу, которая знала бы всю тактику и способы ведения войны степняков. Кроме того, эти татарские полки имели и политическое значение, чтобы, заставляя татар воевать со своими родственниками, окончательного поссорить их между собою. С внешней стороны этот татарский феодальный класс сохраняя свою старую иерархическую систему: князья или

беки стали на самой высшей ступени феодальной лестницы, за ними стояли мурзы, а на самой низшей ступени находились простые служилые татары или «юмушлы кише», которых, на оффициальном языке, называли просто татарами.

За высшей аристократией правительство ухаживало: устраивало их при дворах, приглашало представителей их на оффициальные торжества, они часто присутствовали при приеме послов мусульманских стран. Татарская аристократия, беки или князья считались главнокомандующими отрядами из служилых татар, даже сами эти полки носили название этих князей.

Но все таки правительство вообще относилось с некоторым подозрением к ним: почему администрация Казани всегда получала инструкции следить за ними.

Таково было в кратких чертах положение татарского феодального служилого сословия в XVI столетии.

Большинство татарского народа, сельское население, состояло в этом веке из двух, главным образом, элементов; зависимые от своих национальных угнетателей мурз и беков и от тех русских светских или духовных помещиков, в руки которых эти татарские крестьяне попали после завоевания Казани.

Другая часть татарского сельского населения считалась «туяглей» и платила ясак натурой, почему она называлась »Ясачными татарами».

О существовании торгового элемента в самой Казани, после завоевания ее, прямых указаний пока мы не имеем, однако из описаний лавок в татарской части Казани в XVI веке мы смело можем предположить, что он был.

Что касается финно-угорского и чувашского населения быв. ханства, то они мало изменили свою жизнь благодаря тому, что до них не так еще доходило влияние и пороховой дым оккупантов. Однако нужно отметить одно важное и печальное для них обстоятельство: те татары, которые были изгнаны колонизаторами или добровольно ушли от своих старых мест, удалились на те лесистые места, где раньше жили мари, вотяки и чуваши, вытеснив последних на еще более глухие места, на основании общих законов истории колонизации. Остается сказать несколько слов о положении магометанского духовенства описываемого периода. Совместно с колонизаторской политикой, с первых же дней завоевания края, началась христианизация его, ибо православное духовенство не ограничилось одним захватом церковных и монастырских земель, но ему нужно было создать еще новую доходную статью, а именно, увеличить свой приход. Это последнее возможно было только путем превращения языческого и маго-

метанского населения в православное. Поэтому началось привлечение «инородцев» в православие. Какими способами велось это, хорошо всем известно: внеэкономическое и чисто экономическое принуждения были пущены в ход.

Каково должно было быть положение татарского духовенства при таких условиях всем ясно: муллы спустились с командной высоты и сделались самым маловластным и бесправным элементом страны. Муллы и сейды потеряли все свои экономические преимущества. Они остались в таком положени вплоть до Екатерины Второй, почему они очень часто были элементами оппозиционными царскому правительству.

О развитии роста татарской культуры в XVI веке также не приходится говорить. В мусульманских странах при мечетях очень часто бывают и школы и письменность развивается также при них. Также было и в нашем крае, но эти мечети в XVI веке разрушались систематически. Последним из таких разгромов был совершенный по доносу ахриепископа Гермогена в 1593 году на основании указа царя Феодора Иоанновича («мечети же татарские все пометати и татарам мечети однолично не ставити и конечно татарские извести»). Гонение это было настолько серьезно, что даже по всей территории быв. Казанского ханства почти не осталось надгробных камней конца XVI и начала XVII века, между тем, как их весьма много, относящихся к первой четверти XVI века.

V.

Начавшееся с последних лет XVI столетия революционное движение, известное в русской истории под названием «Смута», прекратило всякие активные действия московского правительства по отношению к Казанскому Царству, как оно называлось в XVI и XVII веках, вплоть до организации Казанской губернии в 1708 году. Что происходило в это время в среднем Поволжьи, детальных сведений мы не имеем. Только известно, что степные соседи воспользовались отсутствием твердой власти и крымцы и ногайцы совершали частые нападения на наш край. Из источников мы знаем, что кругом царила полная анархия, и только в самой Казани и в уездных городах держалась власть московского правительства. Последнему приходилось вести борьбу с различными отрядами, то с польскими, то Лже-Димитрия или же просто с шайками разбойников. Различные группы борцов очень интересовались Казанским краем. Известно, напр., послание царя Шуйского, с которыми он обращался к татарским князьям и мурзам, с просьбой не изменять законной власти и действовать «против воров и литовцев».

Казанский край не мог участвовать на первом земском ополчении, ибо там шла внутренняя борьба. Даже был момент, когда в 1612 году представитель крупного московского боярства в Казани был убит восставшими сторонниками Лже-Димитрия Третьяго и власть захватили служилые элементы из русских и татар под руководством дьяка Шульгина и хотели на Среднем Поволжье создать от Казани до Астрахани отдельное государство, опираясь главным образом на татар, под протекторатом, тогда опять усилившейся, Персии.

Однако из отправляемых до этого времени и после его грамот архиепископа казанского и воеводы можно заключить, что татарский феодальный класс не был в целом на стороне этих сепаратистов, ибо эти грамоты писались и от имени мурз и князей татарских. Их брат по классу, крещеный касимовский бек Урусов, убил Тушинского вора за то, что последний застрелил сына касимовского хана, в котором мы видим не простую случайность, а отрицательное отношение татарских феодалов к сторонникам низшего класса тогдашнего общества. Низовые же элементы туземцев нашего края во время Смуты также не остались спокойными: они набросились на колонизаторов и грабили монастыри, делали нападения на города. Временное правительство? Минина и Пожарского, совместно с русскими служилыми людьми, опиралось на служилых татар и мурз, почему на Земском соборе 1613 года мы встречаем и представителей татарского феодального класса. В утвержденной грамоте по этому мы находим семь «рукоположений» мурз и князей татарских, подписавших не только за себя, но и за своих «юлдашей» или товарищей, среди которых были представители и из нашего края.

«Смута» несколько улеглась, татарские мурзы в своих официальных бумагах, написанных на татарском языке, называли царей Романовых «белым ханом» или «падишахом» и ставили его имя на ряду с именами бога и Магомета.

При Романовых колонизация продолжалась, но совершенно в другой форме: а именно в форме религиозной. В 1628 году был издан первый указ, запрещающий татарским помещикам владеть христианскими, а русским владеть не христианского вероисповедания, крестьянами. Этот указ был в более энергичной и категорической форме повторен в уложении царя Алексея в 1648 г. Этот же закон строго проводился в жизнь правительством Романовых при царе Феодоре. В этих законах и указах определенно говорилось, что при условии крещения князей и мурз, эти отписанные крестьяне оставались в руках прежних владетелей. Этот акт был одним из ударов татарскому феодализму. Татары-помещики должны были потерять огромное количество тех «ясыров» пленников из поляков, немцев, калмыков

и других, которых они брали на войнах и употребляли их в качестве рабов в своих имениях, а некоторые лишились и русских крестьян и бобылей, которых получали их совместно с поместьями от Московского правительства за службу. Этот закон был кроме того причиной изменения этнографической карты территории современной Татреспублики. После этого начался обмен крестьян между татарскими и русскими помещиками и между первыми и духовными. Результатом этого произошло переселение крестьян. Вышеупомянутые меры способствовали, как было сказано, разложению феодального класса. При существовании такого положения, мурзы не могли усиленно эксплоатировать своих крестьян из татар, ибо в таком случае, последние могли бы перейти в православие и таким образом освободиться от зависимости своих национальных угнетателей, а переход к наемному труду в то время был не возможен, хотя некоторые источники XVII столетия свидельствуют о существовании некоторого количества „наймитов“ в татарских поместьях. Кроме того отдаленность поместий и вотчин татарских князей и мурз от городских центров, от речных периферий, также не давала возможности развитию помещичьего хозяйства у них. Наконец, знание языка и обычаев соседних тогда тюркских народов и традиционные торговые связи с ними татарских господствующих классов, с древнейших времен давали возможность татарским мурзам и служилым людям перейти к торговле, бросив сельское хозяйство. Само же правительство употребляло их в качестве дипломатических агентов в сношение своих с Востоком и этим самым способствовало торговым связям с последним. По этим причинам татарское землевладельческое сословие легко могло перейти к торговле, бросив сельское хозяйство.

Поэтому казанские служилые мурзы в челобитнях, посланных на имя царя в XVII веке говорили, что они „издревле“ занимаются торгом, „сидя в своих, иные в наемных лавках“, а некоторые „живут рукоделием своим“.

Таким образом на развалинах разлагавшегося татарского феодального класса в XVII веке усиливается новый общественный элемент, а имено „торгующее дворянство“. В XVII веке татарский торговый элемент получил и новое название, а именно: „служилые торговые татары“. Они вели торговлю не только внутреннюю, но и внешнюю. Так мы знаем, напр., что в Казани в 1676 году, живут „многие Тезики“ и они „поженились там на слободских татарках, живя в Казани торгуют, тяголь никаких податей не платят“.

В татарском крестьянстве в XVII веке появились те же слои, которые были в то время у русских, как-то: половники, бобыли, ис-

полники и др. Но главная масса все же были так называемые „ясачные татары", свободные в правовом отношении. Кроме того в эту эпоху существовали и зависимые от мурз и „юмушлы татар", у которых, между 1568 и 1603 годами, в Казанском уезде было около 231 поместий. На Алатской дороге, в середине XVII столетия, в руках 166 татарских помещичьих дворов, было около 322 различных зависимых крестьян, а на Арской дороге около 422 зависимых у 99 помещичьих татарских дворов. На Зюрейской же дороге было 203 татарск. пом. дворов, у которых было 724 душ различных зависимых крестьян. Из завещаний, сохранившихся от касимовских мурз, мы знаем, что татарские крестьяне, находившиеся в руках мурз и „служилых татар", которых татары называли „чура", были прямо в рабском положении: их можно было покупать, продавать, закладывать и завещать по усмотрению хозяев. Из этих же документов явствует, что класс „чура" были, в полном смысле этого слова, в положении „абд" (раб) арабского права, почему освождение их считалось делом душеспасительным и это делалось ради получения „шафаат" (милости или заступничества) пророка Магомета на страшном суде. (см. подробности в моей Истории Татарских Классов, на татарск. языке).

Кроме татарских крестьян, зависимых от своих национальных „Алпаутов", были крестьяне из чуваш и татар в руках Казанских архиепископов, которые или „пахали им пашню" или же платили им „оброк" натурой и частью деньгами, а татары бортники платили архиепископской казне медом и частью деньгами, что и указывает на разложение натурального хозяйства, под влиянием растущего торгового капитализма у нерусских народностей нашего края.

Таково было положение классов „Казанского царства" в XVII веке.

VI.

Из только что изложенного видно, что наш край в XVII столетии имел население с вполне сложившемся классовым расслоением. В таком обществе непременно должна была существовать классовая борьба. По имеющимся налицо источникам мы можем говорить об отдельных эпизодах этой борьбы. Но мы знаем, что наш край принимал деятельное участие в героической борьбе русского трудового народа с растущим крепостным правом. Известно, что во время Разиновщины, когда армия повстанцев дошла до Симбирска, началось сильное движение среди народов нашего края. Когда князь Борятинский шел с карательным отрядом на выручку осажденного Симбирска, то ему приходилось выдерживать у устья Казани реки „во-

ровскими казаками, татарами, чувашами, черемисою и мордвою" четыре серьезных боя. Кроме того известно, что тот же главнокомандующий правительственными войсками кн. Борятинский писал из под Симбирска, что „Татары, которые в рейтарах и сотнях, худы и ненадежны, с первого боя многие утекли в домы свои, нельзя на них надеяться и денег на них нечего терять, начальные люди в полк ко мне не бывали и живут по деревням."

Мусульманское же духовенство было настроено против правительства за те же причины и за христианизаторскую политику Романовых. Вот почему Стенька Разин и рассылал на татарском языке свои прелестные „письма" не только трудовым классам, но и „муллам, абызам, которые мечеть держат, и татарам" призывая их действовать вместе („быть за одно").

Из этого ясно, что у Разина была своеобразная восточная политика, временно использовать все антимосковские силы и настроения. При штабе Разина находились татары (например Асан Бикбулатов) и обращения к Казанским татарам писались от их имени.

Участие и сочувствие трудовых масс к этому первому освободительному движению трудовых классов всех народностей, как мы это видели, было очевидным, но относительно активного участия татарских мурз говорить не приходится, ибо представители татарского феодального класса на Екатерининской законодательной комиссии в одном из своих представлений, с требованием своему классу дворянских преимуществ, в качестве доказательства своей лойяльности «предкам ея императорского величества», с гордостью приводили факт участия их предков «в искоренении бунтовщика Разина». С другой стороны один из вариантов татарской летописи, после сообщения о разинском движении, продолжает свое повествование таким образом: «После этого в царстве иноверцев и русских начали возникать разные смуты и всевозможные тревоги, русские со всеми своими князьями посоветовавшись, начали преследовать (мусульман), и преследуя, начали приводить в исполнение свое мнение относительно крещения, находившихся в их руках, мусульман. Многих мусульман, разлучив с их верою, делали отступниками. Люди стали чинить многие смуты, во многих местах произошли даже сражения и битвы». Эти строки описывают события, связанные с последними приказами царя Феодора. Но после смерти последнего, как известно, долго не могла в России утвердится твердая власть и царевна София, для подавления стрелецкого бунта, принуждена была опираться на служилое сословие, часть которого представляли татары. Поэтому изданные репрессивные законы были несколько смягчены.

В течение XVII столетия, наш край терпел много бедствий, общих для всех народностей края. Одним из серьезнейших бедствий, был голод 1601—1602 годов, когда население доходило до людоедства, но не менее ужасна была моровая язва, которая свирепствовала с 1654 по 1656 год.

Чума, появившаяся во всей России, начала действовать сначала в Казани в июле 1654 года и к ноябрю от чумы погибло в одной Казани, по преданию, около 48000 человек и эта эпидемия продолжалась с перерывами до 1657 г. К этим бедствиям можно причислить и пожары 1672 и 1694 годов в Казани, которые уничтожили лучшую часть тогдашнего преддверия Востока.

VII.

XVIII век, прежде всего, принес нашему краю новое название. Со дня взятия Казанского ханства Москвою, наш край носил название на оффициальном языке «Царство Казанское». Его управление также отличалось во многих отношениях от управления центральных областей Московского государства. Край управлялся отдельными наместниками и имел особую печать. В Москве казанскими делами заведывал особый Казанский приказ. Но во время организации губерний, была образована Казанская губ., во главе которой, на общих основаниях, был поставлен губернатор, а Казанский приказ был уничтожен совместно с другими приказами, и Казанская губерния была подчинена Правительствующему Сенату. Таким образом, в начале XVIII века быв. Казанское ханство потеряло и оставшуюся даже тень самодеятельности. Новообразованная губерния была в несколько раз обширнее, чем Казанская губ. до возникновения Татреспублики. Южные пределы ее доходили, напр., до р. Терека, а нынешняя Башкирия целиком входила в ее состав. Первые годы XVIII столетия территория современной Тетреспублики была ареной борьбы между войсками крепостнического правительства и восставшими против колонизации башкирами и присоединившимися к ним туземными крестьянами. В 1708 году, восставшие, разбив правительственные войска и появившись в пределах Казанского уезда, приблизились к Казани. Из донесения Казанской администрации мы знаем, что все «инородческое» крестьянство присоединились к башкирам. Интересное сообщение, по этому поводу, татарской летописи: «Был затем, говорится в ней, 1119 год, как воевали башкиры и русские ходили под предводительством именовавшегося Сеид Аристовым, под конец башкиры вошли в среду казанских людей и подчинили этот народ себе. Жгли много деревень и монастыри и полоня много русских женщин и девиц, набеги совершали казанский народ и башкирцы вместе». В этом событии случи-

лось весьма интересное явление: служилые татары и казанская татарская буржуазия, возглавляемые Ишбулатом муллой дали сражение восставшим башкирам и туземным крестьянам, разбили последних и освободили Казань от повстанцев.

Впоследствии татарские мурзы в своих грамотах, поданных правительству, часто любили хвалиться этими своими подвигами. Это событие, несомненно, является одним эпизодом из классовой борьбы в татарском обществе в начале XVIII столетия. XVIII век сохранил все те же классы у татар, что было в XVII столетии. Татарский землевладельческий класс, в разбитом и полуразложенном виде, вошел в этот век. Но в промежуток времени, от эпохи правления царевны Софии до победы Петра над Шведами, они пользовались некоторым облегчением, ибо русскому правительству этого времени некогда было заниматься татарами, оно было занято, или серьезными делами внутри, или же опасными внешними войнами, когда совершенно невыгодно было раздражать татар, родных братьев непокорных тогда воинственных башкир. Но совсем не то стало после Полтавы. При правительстве «Просвещенного» Петра, в 1713 году появился указ, в котором говорилось следующее: «Великий государь указал в Казанской и Азовской губернии бусурманам магометанской веры, за которыми есть поместья, и вотчины, и дворовые, и деловые люди христианской веры, сказать свой вел, государя указ, чтобы они, бусурмане крестились конечно в полугода, а как воспримут крещение, и тем поместьями и вотчинами владеть им по прежнему, а ежели они в полугода не окрестятся, то те их поместья и вотчины, с людьми и крестьянами, взять и отписать на него великого государя и без указу никому не отдать». В связи с этим указом была совершена перепись, в результате чего выяснилось, что следующее число зависимых крестьян имелось у татарских помещиков—служилых в Казанской губ.:

В Казанском уезде . . .	1550	дворов	и в них	2191	душ.
» Симбирском » . . .	2209	»	» »	3320	»
» Пензенском » . . .	896	»	» »	1695	»
» Свияжском » . . .	416	»	» »	486	»

Однако правительство получило донесение с мест, что желающих крестится очень мало и в двух губерниях (Казанской и Азовской) приблизительно было отписано 3748 крестьян и 8 скотников, всего 3795 душ. Из этого видно, что татарское служилое сословие в это время мало интересовалось крестьянами и легко могло лишится их, ибо, во-первых, его хозяйство основано было не на барщине, а на наемном труде, а от этих, не татарского происхождения, крестьян оно получало оброки. Во-вторых, этот класс уже настолько разложился, что более или менее способные из них перешли в торговлю.

В результате всего этого, количество крестившихся служилых мурз и татар оказалось весьма незначительно, что мы видим из донесений местной администрации.

Для чего же нужны были эти мероприятия. Подозревать Петра в ханжестве и религиозности во всяком случае не приходится. Весь секрет заключается в том, что правительство Петра, бывшее во всех своих действиях антикриликальным и вызвавшим этим самым неотрицательное отношение широких масс православного духовенства, чтобы несколько походить на прародителей православнейших царей, должно было чем небудь угодить духовенству, без чего самодержавие не может существовать. Духовенство же могло опять заключить союз с правительством только при том случае, если ему дать возможность увеличить доход, который можно было сделать при случае увеличения его прихода.

С привлечением тогда еще всетаки господствующего класса мурз, можно было думать, что можно было вызвать большое движение среди широких масс народа в пользу христианства. Но оказалось, что «татары в обычаях весьма замерзелые и к святому крещению не идут», «разве их к тому не принудит какая нужда» чисто материального характера, если сказать словами главного инквизитора «Новокрещенской конторы», открытой в эпоху «благочестивой дщери» «Великого Петра» для «просвещения инородцев». Неуспех христианизации татар заключался в том, что это было связано с крепостным правом.

Существовал закон, изданный во время царя Алексея, по которому неправославный человек не мог быть в крепостной зависимости у православных помещиков, а вследствие начавшегося оживленного вывоза русского хлеба заграницу, аппетиты у помещиков росли с каждым днем. Поэтому они всячески старались увеличить свои латифундии и число крестьян. В центральной России большинство крестьян уже находилось в руках помещиков, почему здесь улеличить число крепостных стало невозможным. Оставалось огромное количество инородческого крестьянства, которые в правовом отношении еще были «свободными», а забрать их в свои руки не было возможным, благодаря существованию только что сказанного закона. Это можно было сделать просто, если обратить их в православие. Вероятнее всего это понимало туземное крестьянство, ибо несмотря на существование строгих законов о том, что перешедшие крестьяне в православие не могут быть в крепостной зависимости, бывали случаи закрепощения таковых. Напр., казанский губ. прокурор Плохов донес в 1737 году Сенату... «что разных народов новокрещены от новокрещенской конторы раздаются разного рода чинам, под видом

якобы их восприемникам, и будто бы на некоторое время для обучения христианству закону, а указы на оные дают владелые как по допросам тех новокрещен... показалось и ныне такие же новокрещенные с такими же владельными указами являются в губернскую канцелярию непристанно... и от таких раздач плода ожидать невозможно, понеже они не в образ сынов для обучения христианского закона, но в обыкновенных услугах и других подлых работах содержаны будут». Такие факты мы можем найти и после.

Татарский класс служилых мурз и князей, хотя считался привиллегированным сословием среди своего татарского общества, не имел тех прав и преимуществ, которыми обладали русские дворяне, кроме права владеть крепостными татарами. С эпохи Петра Первого они добивались этих прав, подавая челобитные на имя царя и Сената, в которых звучала нота «не лишить их служилого имения и не сравнить с государственными ясачными крестьянами». С эпохи же Петра Первого началось покушение и на оставшиеся их преимущества: из мурз и служилых «иноверцев» по указу 1718 года был образован особый класс «приписанных к корабельным работам», которые существовали до второй четверти XIX столетия. Эти приписанные к Адмиралтейской конторе служилые иноверцы исполняли черновую работу рубки, возки леса для постройки кораблей. Таким образом они не только лишились бывшей тени привилегии, но даже окончательно были приравнены с остальным тяглым населением.

В сущности говоря, это было не что иное, как новый вид крепостничества. Эта каторжная работа была настолько тяжела, что эти приписанные целый век боролись с правительством за освобождение от этой зависимости.

В середине XVIII века татарское служилое сословие окончательно разложилось. Поэтому, один депутат, из русских купцов, на Екатерининской комиссии, относительно большинства бывших татарских «рыцарей», смело мог заявить, что «служилые и ясачные татары суть те же крестьяне». Большинство татарских «юмушлы» (служилых) отличались от ясачных только тем, что первые владели землею на вотчинном праве, а ясачные на общинном. Конечно, еще оставались среди них богатые мурзы, владеющие крупными поместьями, но их было весьма мало. Поэтому в 13 уездах Казанского наместничества в 1782 году на 34290 рев. душ служилых, было только 555 душ дворовых.

Туземное крестьянство в XVIII веке находилось в весьма тяжелом положении. Прежний натуральный ясак был заменен подушной податью, продовольственными натуральными единовременными налогами, которые, по словам проф. Н. А. Фирсова у «инородцев» взимались в гораздо большом размере, мотивируя, что иноверцы гораздо

богаче русских. Кроме того были тяжелые солдатские постои и рекрутчина. Но татарскому крестьянству приходилось, с эпохи Анны Иоанновны, страдать в несколько раз больше, чем другим крестьянам. Дело в том, что в 1731 году был издан указ, в котором говорилось «за новокрещен всякие подати и сборы править с некрещен не с одних только тех в коих уездах будут восприявшую веру православную, но по всей Казанской губернии, на оных остающихся в неверии раскладывая взыскивать». Кроме того крещенные освобождались от рекрутчины, а взамен этого брали рекрут с тех, которые остались в прежней религии. Наконец, если в одной деревне было несколько крестившихся туземцев, то под предлогом охраны новокрещен от влияния магометан или язычников, оставшихся в прежней вере переселяли в другие отдаленные и глухие места, что, само собой понятно, пагубно отразилось на туземцах вообще и на татарах в особенности, ибо самыми упорными и «замерзлыми в своей вере» были татары. В 1742 году только в Казани и в Казанском уезде из 536 мечетей сломано было 418.

Под влиянием всех этих весьма тяжелых обстоятельств, в 40—50 годах началось сильное брожение у туземцев края. Но против этого предполагавшегося движения были приняты решительные меры: вызваны были из центра новые драгунские полки, которые были расставлены по уездам на постой у татарских крестьян, произведены были аресты и дознания, которые обнаружили тесную связь туземцев нашего края с башкирскими повстанцами. Это брожение среди туземцев заставило правительство сделать некоторые уступки по отношению к татарам, которые были активным и культурным элементом среди народов края. Но все эти угнетения подготовили почву в туземном крестьянстве для активного участия его в будущем в пугачевщине и сплотили его с русскими братьями крестьянами в борьбе за землю и волю.

Положение торгового туземного класса также было весьма тяжелое. Существовали стеснительные законы, по которым торговлю мог вести только тот, кто был приписан к купеческому сословию. Туземное население, как мы это видели выше, принадлежало к служилому или крестьянскому сословию, а переход из одного сословия в другое было делом весьма тяжелым. Однако торговый капитализм у татар рос с каждым днем и обороты его увеличивались. Татары в то время представляли из себя серьезных конкурентов русскому патентованному купечеству, не только в нашем крае, но и на восточных окраинах России. Многие страницы протоколов Екатерининской Законодательной Комиссии полны материалами борьбы представителей русского купечества со своими конкурентами на

восточном рынке—богатыми ясачными или служилыми татарами, перешедшими в торговую деятельность.

Например, известно, что в одной только Казани в 1762 году под предлогом непринадлежности владетелей к купеческому сословию, закрыто было 24 татарских лавок, в одном Гостинном Дворе, а торговать даже с'естными припасами и старыми одеждами, вообще «товарами татарскими», было строго запрещено Казанской администрацией. Однако правительство не могло обходиться без помощи татарских торговцев для своих торговых сношений с киргизами и с средне-азиатскими народностями. Например, правительство в 1747 г. само разрешило казанскому торговому татарину Сейду переселиться в Оренбургскую губ. с 200 семейств «пожиточным и торги производить могущим», от чего произошла первая торговая Казанско-татарская колония на границе Киргизской степи, которая называлась «Оренбургская иногородняя Сеитова слобода торговых татар» или просто «Каргалинская слобода», которая быстро развивалась и, в течении 50 лет, число одних купцов там достигло 1800 душ. В течении всего XVIII столетия у татар существовали крепостные из татар в руках мурз. Каково их положение, точно мы не знаем. Только известно, что еще в конце XVIII века они покупались и продавались, как всякий товар. На татарском языке сохранилось несколько документов купчих и на продажу татарских крепостных. Борьба в этом татарском крепостном хозяйстве велась такая же, как это было в аналогичном русском обществе. Депутаты из татарского феодального класса Казани и уездов на Законодательной Комиссии Екатерины 1767 года жаловались на своих крестьян, что они часто не слушают их, убегают от них, будучи в бегах творят «воровство». Почему они просили Комиссию дать татарским мурзам те же права ссылки в Сибирь, отдачи в солдаты своих крестьян и дворовых без суда.

Кроме того нам известен один эпизод из вооруженной борьбы между крепостными и барином мурзой Тевкелевым, в середине XVIII века, на территории соврем. Татреспублики, а именно с крестьянами татарского села Мордвинкино и Салауш. Крестьяне этих деревень восстали против своего единоплеменного поработителя Тевкелева и чуть не убили самого мурзу. Этот вопрос в свое время настолько нашумел, что дело разбиралось в самом Сенате. Но строгими мерами, розгами и убийствами подавлено было это первое известное нам восстание трудового татарского класса. Но более яркие картины классовой борьбы в нашем крае были во время захвата Пугачевым Казани и ее губернии. В 1774 г. пугачевцы, через Агрызский кантон современной Татреспублики, двигались по направлению к Казани. Крестьянство края вообще, а татарское в частности, встречало эту „русско-азиатскую армию“ с распростертыми об'ятиями.

Известно, напр., что крестьяне татарской деревни Агрыз ждали батюшку, обещавшего им „землею и волею“ и „верою и законом“, приготовив различные угощения в специально приготовленных котлах и пока не обманулись, ибо Пугачев поставил при уходе, во главе округа, комиссара татарам из местных крестьян. Но „бунты, воровство“, по выражению дворян, „шли впереди русско-азиатской армии“, почему, для устранения изменников, администрация привела одного подозрительного крестьянина татарина и повесила его в Казани.

Наблюдавший с высокого места движение пугачевцев, купеческий сын Сухоруков, по передаче историка нашего края Фукса, хорошо мог видеть, что войско Пугачева в большинстве состояло из татар, башкир, чуваш и казаков.

После поражения пугачевцев, найдено было более двух тысяч тел убитых татар крестьян. Один же татарин попавший в плен правительственным войскам, служивший у пугачевцев артиллеристом, был повешен после ухода повстанцев. Татарская средняя буржуазия играла весьма двойную роль: пока Пугачев был силен и не потерпел поряжения от Михельсона, они очень хорошо приняли пугачевских башкир и угощали их разными явствами, приготовленными, чтобы взять с собою на Нижегородскую ярмарку, но когда пугачевцы отступили, то остатками той же провизии, татарская Казанская буржуазия кормила правительственных солдат, которые сидели в крепости.

Татарская же крупная буржуазия большею частью была на стороне правительства. Известно, что служилый татарин и фабрикант Ибрай Юсупов, за услугу правительству, получил купечество и право свободной торговли во всех городах империи. Таких примеров довольно много. Это и понятно. Крупная буржуазия потерпела много убытков от пугачевцев: их караваны с азиатскими товарами попадались в руки повстанцев, а имения и имущество грабились.

Мы имеем сведения о том, что пугачевские отряды ограбили одного татарского богача в деревне Кышкарах и в Янке погибло несколько тысяч овечьих шкур у казанского купца Аитова, когда там, по его выражению, «господствовал ужасный беспорядок». Татарский же феодальный класс, очевидно, не был на стороне пугачевцев. Напр., майор Тевкелеев был отправлен к башкирцам для того, чтобы увещевать их быть на стороне правительства, а потом он же состоял начальником отряда, действующего против башкир, сторонников Пугачева и попал к последним в плен. Также известно имя офицера мурзы Башарина, также попавшего в плен к восставшим татаро-башкирам. За эту то, может быть, ревностную службу «в искоренении

бунтов» в 1784 году служилые мурзы получили равноправие с русским дворянством.

Результаты пугачевщины для нашего края и его народов были довольно серьезны. Во-первых, Казанская губерния была уничтожена, а вместо ее создалось наместничество с военным губернатором во главе, с широкими сатрапскими полномочиями, которое было об'явлено в 1781 году. Это была искусственно созданная административная единица для того, чтобы раздробить нерусское население на несколько частей, чтобы они нигде не могли составить большинство. Кроме того расширены были права в области религии, которое оно получило за несколько месяцев до первых выстрелов пугачевщины. В 1788 г. был издан указ о создании магометанского духовного собрания, два кадия которого избирались из среды мулл Казанского наместничества. Но правительство Екатерины II, чтобы найти опору «своей феодальной реакции» и помещичьей власти, самого первого муфтия сделала крепостником и в именном указе от 1793—26-I говорилось: «Рассмотрев поданный нам от Сената доклад, последовавший по прошению магометанского закона муфтия Мухаметжана Гусеинова, всемилостивейше позволяем ему покупать порожние земли у башкирцев на законном основании и заселять оные покупными иноверцами, присваяя ему и потомству его право продавать оные».

Таким образом, в угоду своих классовых целей, Екатерина дала татарскому главе духовенства даже те права, которыми не пользовались православные духовные. Таким образом правительство хотело прибрать народ в свои руки, угодив магометанскому духовенству и сделав этот класс крепостническим.

Наконец, нужно отметить, что татарская буржуазия также получила себе некоторые преимущества. Правительство Екатерины II дало этому классу довольно большие права и он получил в Казани самоуправление. В 1702 году, по новому городовому уложению, после об'явления казанского наместничества, для управления купцов и мещан «особых татарских слобод» была организована, так называемая, Татарская Ратуша, ибо как Старая, так и Новая слободы рассматривались, как отдельные городские единицы. Она возглавлялась двумя ратманами и четырмя бургмистрами, которые выбирались на общем собрании купцов и мещан из татар. До 1793 года, Ратуша находилась на полном иждивении слободских татар. В том году из последних 201 человек подало прошение в Сенат о том, что они не хотят быть подведомственными Ратуше и желают «присоединиться для суда и расправы в ведение уездного суда».

Мы не знаем в точности, почему «слободские жители» подавали такое прошение, но все же можем предположить, что тут происхо-

дило, кроме оффициального содержания ее, какая то борьба между захватившими власть богатыми купцами и средней и мелкой буржуазией, ибо из разбора архива этой Ратуши видно, что во главе ее стояли всегда крупные богачи. Сенат же через Губернское Управление уведомил, что Ратуша остается «для тех только татар, от которых изъявлено на содержание ее желание». Таких «автономистов» и оказалось 61 семейство и 6 семейств присоединились впоследствии в том же году.

После этого отхода и отказа некоторых татар от нахождения в ведомстве Ратуши, в ее руках осталось только 200 душ, которые должны были содержать это учреждение. Результатом этого было уменьшение расходов, был оставлен толька один бургмистр и два ратмана (протокол № 14/8—лист 108—111). Но потом это охлаждение к Ратуше прошло и опять большинство присоединилось к ней. В общем расходы Ратуши были довольно значительны.

Напр., известно, что в 1807 году в ведомстве было 6 душ купцов первой гильдии, 58—второй, 95—третьей, 29 душ мещан, служилых торговых татар 67, всего 255 душ. Из них «на содержание Ратуши зажиточные внесли добровольно всего 1615 руб., так как ныне по Ратуше нет никаких доходов, то сумма сия употреблена на расходы». Расходы Ратуши состояли из следующих статей:

1) Письмоводителю «за исполнение по Ратуше и Сиротскому суду довольного количества разного рода дел» платили 120 р. в год.

2) «Одному рассыльному и одному сторожу 110 рублей».

3) «На покупку сургуча, свечь, дров и прочего 106 рублей».

4) «За нанятие для Ратуши комнаты 175 рублей».

5) «За газеты с прибавлениями сенатскими 24 рубля».

(Журналы и протоколы за 1807 г. № 1093, лист 64—62).

Какие были права и обязанности этого автономного представительного учреждения для казанской татарской крупной и мелкой буржуазии?

Во первых, Ратуша занималась «судом с расправой» по гражданским делам: разбирала споры между торговцами в коммерческих делах. Во вторых, взыскивала иски по векселям и другим документам. В-третьих, разбирала дела обанкрутившихся. В четвертых, занималась разделом имущества умерших между наследниками. В пятых, участвовала в производстве суда между подведомственными татарами и другими людьми. Все почти эти дела разбирались Ратушей или Сиротским судом при ней, совместно с уездным судом. Кроме того Ратуша имела чисто административные функции: собирала налоги через избранных для этой цели старост и вносила деньги в казначейство. Кроме регулярных поборов с мещан и купцов, Ра-

туша собирала единовременные налоги, особенно во время наполеоновских войн и во время Отечественной войны. Также занималась собиранием пожертвований во время этих событий, обыкновенно по предложению казанского губернатора. Затем Ратуша занималась составлением списка рекрутов и представлением их воинским властям. За освободившихся, за известные взносы, купцов Ратуша собирала деньги. Помимо всего этого Ратуша выдавала паспорта своим подчиненным жителям обоих казанских татарских слобод. Наконец, Ратуша вмешивалась и в духовные дела казанских татар, а именно: по поручению Казанского Губернского Правления она устраивала выборы кадиев для Духовного Собрания.

Таким образом татарская буржуазия вступила в XIX век классом вполне сложившимся, численно растущим, материально обогащающимся с каждым годом, имеющим даже свое собственное самоуправление, а именно, Татарскую Ратушу и Особый Сиротский суд при ней.

VIII.

Татары Казанской губернии вступили в XIX век с более глубокой классовой дифференциацией. Несмотря на то, что правительство всеми мерами стремилось поддержать татарских мурз, представляя им дворянские права и создавая из среды выдвинувшихся на служебном поприще лиц не дворянского сословия—крепостников, в роде муфтия Хусаинова и Абдуллы Даушева Муслимова [1]), но все же татарское феодальное сословие в начале XIX века с каждым днем теряло то былое значение и влияние, которое оно имело в XVII и в начале XVIII веков. Место татарского аристократического сословия уже занял другой класс, вышедший или из среды мурз, или служилых, или же из простых ясашных татар.

Бегство татарских мурз и служилых в купечество началось еще в конце XVIII века, в начале XIX это явление прямо таки сделалось стихийным.

Число так называемых «служилых торговых татар» с каждым годом становилось все меньше и меньше.

Например:

В 1801 г. в ведомстве татарской Ратуши их было—88 душ.
В 1802 г. их осталось . . . . . —74 »
В 1803 г. » » . . . . . —71 »
В 1804 г. » » только . . . . . —62 »
(Журналы и протоколы Ратуши № 1523, лист 188).

---

1) Был депутатом комиссии 1767 г.; переселившийся в Челябинский уезд в XVIII веке, мулла из рода Дауш мурзы; владел зависимыми татарами.

Число же купцов и их капиталы все росли.

В 1800 г. всех куп-ов в ведом. Ратуши было 126 д. с кап. 553.548 р.
В 1801 г. „ „ „ „ „ „ 131 д. с кап. 603.972 р.
В 1802 г. „ „ „ „ „ „ 140 д. с кап. 675.972 р.

Если до того времени в этом ведомстве не было ни одного купца первой гильдии, то в 1804 году уже мы находим 2 купцов 1 гильдии, а всех трех гильдий в том же году уже было 150 душ. Но в 1805 году количество капитала всех татарских купцов города Казани достигло до 909,460 р.

Следовательно в течение 5 лет татарский купеческий капитал вырос почти на 50%. В 1807 году число татарских купцов города Казани достигло 159 душ. (Все эти сведения взяты из материалов Ратуши).

Пойдем дальше и посмотрим каков был рост числа татарских купцов к середине XIX столетия. В 1848 году из всех 2022 купеческих душ в Казанской губернии было 688 душ татарских (см. статью Кеппена в Мемуарах Академии Наук VII серия, том VI стр. 100—101). В 1858 году в Казани всеми купцами, без различия национальностей, об'явлено было 351 капитал, из которых 83 было татарских, что было очень значительно, сравнительно с числом татарского населения в Казани, которое равнялось $^1/_7$ части русского населения. Число этих купцов росло большею частью на счет перехода татарских мурз и служилых в купечество. В 1803 году, например, в купечество записалось более 98 душ из этого сословия, из ясашных же татар перешел только один, что, конечно, об'ясняется общим слабым экономическим положением татарского крестьянства вообще.

Татарская буржуазия кроме внутренней торговли вела в начале XIX столетия и торговлю внешнюю. Она продолжала вести дела в Средней Азии и в Киргизском крае. Например, после того, как купец Шихмуратов по дороге из Бухары был убит киргизами в 1801 году то у него осталось спасшихся от грабежа товаров на 15.793 руб. и 26.793 руб. долгов. Таких фактов в жизни татарской буржуазии было весьма много. Торговлю с Бухарой и с Хивой вели многие татарские купцы. Например, в начале XIX столетия, по материалам Ратуши, занимались этим купцы Даудовы и др. Само правительство в XVIII веке поддерживало татарских торговцев, которые имели торговлю с Бухарой. Брат того же убитаго киргизами Шихмуратова получил от императора в вознаграждение за «понесенные убытки» звание купца I гильдии и право безпошлиной торговли на 20 лет. Из Средней Азии татары привозили мерлушки, вату, бумагу, белый кумач, пряжу для своих татарских кумачных фабрик. Туда же они возили товары российского происхождения (шелковые платки и др.).

Нельзя думать, чтобы татарские купцы были бы примитивными торговцами, им хорошо был известен кредит, о регулировании которого они высказывали свои мнения еще в своих наказах Екатерининской Законодательной Комиссии. Материалы татарской Ратуши дают нам весьма любопытные сведения о существовании у татарских купцов кредита. Например, еще в 1800 году обанкротившийся купец Рахматуллин по 9 векселям различным лицам должен был 9,566 рублей (протоколы Ратуши № 1511, лист 7), а татарский купец Галанский в 1803 году по нескольким векселям должен был 21,000 руб. Широко была распространена также комиссионная торговля. Особенно она практиковалась в торговле с Средней Азией. Кроме того татарские купцы из за торговли не отказывались ехать и в Китай. В архиве Ратуши мы имеем довольно много случаев, когда татарские купцы возили козловую кожу, выработанную в татарских кожевенных заводах Казани, и меняли на китайские товары. Например, татарский купец 1 гильдии Китаев в 1811 году привез в Кяхту «для промену на китайские товары» козловую кожу на сумму более чем 80,000 рублей, что является не маленькой суммой в то время, когда в Казани в 1800 году две коровы стоили 6 руб. Кроме того татары с 1850 года начали вести торговлю чаем, после открытия нового пункта в Чугучаке. В это время из этого пункта в Казань татарскими купцами привозился чай до 2000 ящиков. Кроме того некоторые Казанские татарские купцы в самом Чугучаке лично брали до 1000 ящиков и продавали их казанским торговцам (Лаптев, Каз. губ. 1858 г. стр. 436).

Достигший до своего апогея татарский торговый капитализм не мог остановится на одном уровне. Ростущий капитал требовал более рационального использования и эксплоатации. Почему еще в середине XVIII века татарские торговцы постепенно стали переходить к промышленности. По этому депутат от купцов г. Оренбурга Коченов в одном из заседаний Комиссии 1767 года говорил: «В разных местах многие крестьяне, в особенности татары и др. иноверцы, завели в деревнях кожевенные, мыльные и салотопленные заводы, а некоторые из них—бумажные и полотняные фабрики, изделия которых они окрашивают и в китайку» (сб. рус. ист. общ. т. VIII, стр. 290). Кроме того известно, что в 1781 году в самой Казани были кожевенные заводы, например:, Рахматуллина. Но число промышленных заведений у татар особенно увеличилось в начале XIX столетия. В 1800 году в одной Казани в руках татар было 11 мыловаренных заводов, 10 кожевенных, с 3 козловыми заводами было в этом году всех заводов 24, а в 1804 году их было 21. Особенно развито было кожевенное производство, которое началось еще в болгарскую эпоху

и существовало в Казанском ханстве. В 1812 году в Казанской губернии в руках татар было 18 кожевенных заводов, с 119 чанами, 167 рабочими, в которых выработано было 94,340 штук кож. По нашему вычислению 20,82% рабочих, 49,14% всех заводов и 25,2% всей выработки в Казанской губернии кожи, было в руках татарских предпринимателей. В 1858 году из 41 кож. зав. 6 принадлежали татарам.

Вторым видом производства, распространенным среди татар, было мыловаренное производство. В 1812 году в Казан. губ. 12 заводов принадлежало татарам, в которых было 51 котел, 97 рабочих и выработано было 86,060 пуд. мыла или 52,17% всех зав. в губернии, 52,8% всех рабочих этого производства, 60,7% всего производства в Казан. губ. принадлежало татарам. В течение 2-х лет выработка татарами мыла прибавилась на 8,040 пудов. По данным проф. Киттары (мыловаренное производство в Казани изв. имп. эк. общ. том 1 за 1854 г.) в 1854 году в самой Казани 10 зав. принадлежало татарам, а в руках русских было только около 3 заводов. В 1857 году, по Лаптеву, все 10 мыловаренных заводов принадлежали татарам, где выработано было 40,000 пудов мыла на 80,000 рублей. На всех этих заводах работало 50 прост. рабочих и 3 мастера, а во многих сами татары хозяева были мастерами.

Но особенно сильно было распространены у татар фабрики бумажных материй или кумачные фабрики. В 1812 году все 9 кумачных фабрик принадлежали татарам. В них работало 534 рабочих наемных, ибо у татар не было крепостных рабочих, почему татарское производство носило чисто капиталистический характер, было 307 станков, выработано было на них 514,000 аршин материи. Всего, с 2 татарскими фабриками в Вятской губ., в руках татар было 11 фаб. с 595 рабочими и их выработка равнялась 50% всероссийской (кумача) и 16% всех фаб. бум. миткальных находилось во владении татарских фабрикантов. В 1814 году этот вид производства у татар еще рос: прибавилось еще 12 станков и 78 рабочих. Продукция этих фабрик в 1814 году равнялась 609,800 арш., что составляло, по Д. Арцыбашеву, 75,2% всероссийской выработки кумача. В 1857 году в Казани появились 8 кумачных фабрик, из которых 3 принадлежали татарам. Но этот вид производства у татар не мог долго сохранить старое положение: появление усовершенствованных машин, появление, после отечественный войны, ситцевых фабрик окончательно разбили татарскую промышленность. Обеднение крестьянства и дешевизна ситца, по сравнению с кумачем, тормозили развитие этого производства, почему после половины XIX столетия оно окончательно ослабло.

Кроме того в руках татар в 1812 году в Вятской губ. были две писчебумажные фабрики, а в 1814 году в Казанской губернии у одного татарина была такая фабрика. Но она не могла прогрессировать, ибо, и как показывает статистика, ее продукты не находили сбыта. (см. Ведомости о мануфактурах за 1812 год и статью Арцыбашева, Татреспублика в цифрах № 12).

В одно время среди других видов промышленности у Казанских татар появился новый вид производства, связанный с идеологией: это книгопечатание. В 1799 году татары, Казанские, Оренбурские и из других мест, где живут татары подали правительству петицию с просьбой разрешить им печатать религиозные и богослужебные книги. В результате этой петиции был издан указ о переводе в Казань, находящейся в Петербурге, Восточной типографии и передаче ее в ведение Каз. гимназии, с перепоручением ей цензуры всех привозимых и выпускаемых на татарском и др. азиатских языках книг, с дозволением, под строгим смотрением, печатать потребное число алкоранов, молитвенников и т. п. книг. На основании этого указа, от 15/XII—1800 г., гимназия получила эту типографию и заключила договор с отставным прапорщиком Абдулазимом Бурнашевым, а Абдразаков был назначен цензором. В 1802 году началась работа в типографии и татарские предпринимители вели печатание книг в этой казенной типографии. В течение трех лет напечатаны были следующие книги:

1) 1,100 экземпляров ایمان شرطی
2) 1,200 » پیرگولی کیتابی
3) 3,000 » فوزالنجات
4) 3,000 » ثبات‌العاجزین
5) 3,000 » استوانی
6) 2,000 » коран большого формата и полный
7) 1,000 » پاره‌لی قران т. е. коран по частям.

Если принять во внимание сообщение Дорна, что коран продавался в Нижегородской ярмарке за 25 рублей экземпляр, то мы увидим, что продажная стоимость издания корана составляла 50,000 руб. Это указывает на то, что татарское издательство, с первых же дней своего возникновения, носило капиталистический характер.

Еще один весьма знаменательный факт указывает на это. Первый татарский издатель Бурнашев не удовлетворился тем, что изданные книги могли распространяться только среди татар суннитов. Когда он издавал فوزالنجات, то к концу ее он прибавил одну книжку, представляющую апологетику шиитизма, после чего татарские муллы попали под суд. Дело разбиралось в суде и как цензор, так и издатель были удалены и был заключен договор с другим предпринимателем купцом

Юсуфом Апанаевым, а цензором был назначен преподаватель татарского языка сначала, в гимназии, а потом в Университете, Ибрагим Хальфин. В 1806 году этот новый издатель выпустил следующие книги.

1) 19,000 экземпляров. ایمان شرطی
2) 3,000 » هفتیك
3) 1,000 » پرگولی (или پرعلی) کیتابی
4) 1,200 » استوانی کیتابی
5) 1,200 » ثبات‌العاجزین
6) 1,500 » полный коран.

Новое татарское производство росло с каждым днем. Достаточно указать на то, что в 1833 году было издано 6,000 экземпляров полного корана, продажная стоимость которого равнялась 150,000 рублям. С 1843 по 1852 год среди многих книг больших и малых в этой типографии издано было 23,600 экземпляров полного корана. В то же время в 1845 г. издавались такие толстые книги, как «معرفت نامه» турецкого энциклопедиста XVIII-го века Измаил Хакки в 2,400 экземплярах, приблизительно по 35 печатных листов.

С 1853 года татарская буржуазия, кроме прямых религиозно-философских книг, начала издавать так называемые «молитвенники—دعالق», с чисто фантастическим содержанием и с талисманами, заговорами. В течение 10 лет (1855—1864) в одной университетской типографии было издано всего около 128,000 экземпляров таких молитвенников (نور نامه، باشماق شریف، دعاء مبارك، دعاء قدح، شمائل، اسم اعظم). Всего за это десятилетие издано было около 1,084,320 экземпляров различных книг.

В сороковых годах XIX столетия в Казани появились свои чисто татарские, типографии. Например, в 1844—47 годах были типографии Рахимжана Саидова. В 1868 году были литографии Шахина и Яхина. В этих частных типографиях (напр., у Л. Швица в 1840 г. была типография с араб. шрифтом, которая в 1893 году перешла в руки к Н. Коковкину), также печаталось большое количество мусульманских книг. В течение 1853—1859 годов, т. е. в 7 лет, в них напечатано было: 82,300 экземпляров корана, 169,900 экземп. частей его (هفتیك), 77,500 ایمان شرطی. С 60-х годов этот книжный товар стал важным об'ектом торговли; казанско-татарские издания распространялись в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии.

Татарское книгопечатание, являясь в своей основе религиозным, все же имело громадное культурное значение. Наряду с чисто фантастическими книгами, в Казани начали печататься произведения древних турецко-татарских авторов, служащих образцами для изучения языка и истории турецких народов. Например: شجرهٔ ترکیه، ربعوزی،

محمديه، رونق الاسلام и другие. В то же время начали издавать чисто светские книги; например, в 1857 году появился первый календарь, занявший впоследствие значение периодической печати. Между 1858—1864 годами их было издано 216,000 экземпляров. Еще в 1822 году издан был памятник старины, с предисловием Ибрагима Хальфина и русско-татарским словарем «احوال جنعزخان. اقساق تيمر» «жизнь Джингиз-Хана и Аксак Тимура». В то же время было издано произведение того-же Хальфина, руководство по грамматике татарского яыка لسان ترکی وخط عربی اوگرتله تورعان الف با ایله کچکچه نحو وصرفدر.

В 1811 же году было издано руководство по прививке оспы مديكا فيلانطروپچسكوی اسملی مشورت اطبادان دوای شريفلهرينك تصنيفی ايله صفرلرده اولعان چچكلر الخ которое было распространено через Тат. Ратушу (см. рапорт выбранного сборщика Амбала Абдуллина, при котором представил отчет за проданные экземпляры из принятых десяти книг на татарском диалекте о прививании предохранительной оспы, журналы и протоколы № 1626, лист 143). Кроме того в 1820 году еще было выпущено руководство по практической медицине и гигиене. В 1851 г. учителем татарского языка в гимназии Махмудовым было переведено ииздано «Как предохранить от погребения живых людей» اولگان كبك بولغان كشیلرنی قبرگه كومكدين صاقلانوك عمللهزی بيانندهدر.

Когда татарское издательство стало сильно развиваться, то в консервативной печати начались нападки. В 1867 году даже в «Московских Ведомостях» появилась статья, где автор статьи после того, как описал ход развития татарской печати, говорит, что разве можно было думать, что три века тому назад падшее «варварское» татарское государство опять возродится. «Православный Собеседник» также не отставал от своих обычных провокационных выпадов (см. за 1868 г. стр. 318).

Итак татарский буржуазный класс, начиная с первых дней XIX столетия стал господствующим классом в своей нации. Капитализм у татар к середине этого века достаточно уже развился. Таким образом уже была сделана экономическая подготовка для того, чтобы у татар появилось буржуазно-национальное возрождение и росла культура. Но для того, чтобы перейти к разсмотрению этого вопроса, вкратце скажем несколько слов по вопросу о положении татарского крестьянства в изучаемом нами крае.

Крестьянство по своей численности было ядром и большинством татарского народа. Еще в первой половине XIX века в Казанской губ. было 161,000 душ м. п.) государственных крестьян из татар. А из 420,068 душ обоего пола татар-мусульман, в 1863 году в Казанск. губернии громадное большинство было из крестьян (Статист. свед. Российской Имп. СПБ. 1863, стр. 226). Ко времени осво-

бождения крестьян от крепостной зависимости, в Казанской губернии в руках помещиков осталось весьма незначительное количество крепостных татар. К моменту обнародования манифеста об освобождении крестьян, всех крепостных в этой губернии было 214,720 душ, из которых только 71 человек татар, 273 мордвы, а остальных 214,376 душ были из православных. Поэтому ни в состав особого комитета, ни в состав мировых посредников не вошел ни один татарин помещик.

Это явление замечается не только в одной быв. Казанской губернии, но и в Мензелинском уезде, вошедшем в состав Тат. Республики, по сведениям 1896 года число бывших помещичьих крестьян во всем уезде составляло 9,4% всего населения, из которых только 1% был из татар (сбор. статист. свед. по Уфимской губ. за 1896 год). Экономическое положение татарского крестьянства в XIX веке досих пор никем не исследовано, поэтому в нашем распоряжении не имеется никаких сведений. Однако, известно то, что большинство татарских крестьян были государственными крестьянами и владели землей на общих основаниях с крестьянством остальных национальностей в крае, хотя положение татарских крестьян было в экономическом отношении гораздо хуже, в силу вышеизложенных исторических причин. Кроме того, огромная часть татарского сельского населения из обедневших служилых и ясашных татар, которые с 1718 года были записаны на корабельные работы и которых обыкновенно называли «лашманами», в отличие от остальной части сельского туземного населения владела землей на основании вотчинного права. В 40-х годах они сделались удельными и правительство предписало им перейти к общинной системе, на основании чего в некоторых местах произошли беспорядки, подавленные вооруженной силой. (например, в Симбирской губернии). Но когда корабельные леса перешли в ведение министерства государственных имуществ, то название лашман также исчезло. Таким образом, ко времени освобождения крестьян, татарские крестьяне все сделались государственными.

IX.

После этого беглого обзора истории татар, территории современной Татреспублики, мы несколько остановимся на истории духовной культуры и умственных течений татарского народа.

Как вообще у всех народов, так и у татар духовная культура является культурой классовой. В XVI и XVII веках господствующим классом был класс феодальный или беки, мурзы и тарханы. Мусульманское духовенство, состоящее в то время из сеидов, шейхов, мулл и вообще «абызов», как тогда татары называли всех грамотных и

сведующих в религиозных вопросах людей, эти лица были проводниками татарской феодальной или средневековой культуры. Каково было умственное движение у татар в XVI и XVII веках, определить весьма трудно, ибо от этой эпохи сохранилось весьма ограниченное количество литературных и вообще письменных памятников. Но сохранившееся ничтожное количество памятников дает нам возможность предположить, что особенно большого творчества у татар в ту эпоху не было. Даже сама грамотность у высших классов общества была не высока. Неправильная орфография арабских слов в ярлыке, найденном Саидом Вахитовым, неумение подписывать своих имен большинством представителей татарских мурз и служилых на Земском соборе 1613 г., избравшем Михаила Романова на престол, и весьма неграмотно составленные духовными лицами завещания касимовских магнатов, дают право для нашего утверждения. Духовная жизнь татарской аристократии, как это нам представляется, была очень бедна. Но все же связь с Средней Азией не была порвана и потому литература и господствовавшие там идеи проникли в Среднее Поволжье. Нет сомнения, что ездившие в Казань с торговой целью вышеупомянутые «тезики» с собой привозили те идеи, которые господствовали тогда в Средней Азии, которые были тогда цветущим очагом восточной культуры и мысли. По этой причине в рукописных произведениях, находимых на территории Татарской республики, сборники разсказов исторического содержания, вроде «Жизнь Чингиза и Аксак Тимура» и другие подобные произведения, к числу которых относится «История Болгар» Шарафутдина Муслими, указывают на сильное влияние Средне-Азиатского стиля и чагатайского языка на татарские произведения XVI и XVII веков. Также очень возможно, те произведения чагатайской литературы, которые еще читались татарами и были распространены в народе, в роде «Рубугузи», «Субатульгаджизин», «Раунакульислам», «Ахир заман китаби», «Кисук баш», «Бедуам» и многие другие произведения, написанные на языке весьма сходном с чагатайским наречием или прямо написанные на последнем наречии, говорят за то, что в то время было сильное культурное влияние Средней Азии на татар. Но после падения Казани, сношения с Средней Азией прекратились на некоторое короткое время. Но скоро татарские муллы опять начали ездить туда получать образование. Даже историк Марджани сохранил имя первого человека, который, после взятия Казани, ездил в Бухару с целью учиться. Это был Юнус Ахунд из деревни Ур. Однако культурный уровень татар того времени был недостаточен для того, чтобы произведения золотого века чагатайской литературы могли быть понятыми тогдашними татарскими феодалами.

Частые войны с соседями в эпоху самостоятельности, экономическое падение после утраты ее, все это не благоприятствовали татарскому господствующему классу заниматься «гулями и бульбулями» (соловьями и розами) и чрезвычайно тонкими и нежными по мотиву произведениями чагатайской литературы эпохи расцвета. Вот почему к татарам не могли проникнуть поэмы Наваи и мемуары Бабура и другие классические произведения средне-азиатской литературы. Зато татарские зажиточные слои общества охотно занялись чтением фантастических сказок и рыцарских романов на турецких и чагатайских наречиях, вроде «похождения Сейед Баттала» и «Сары Салтык Газы», «Киск баш», в которых описываются подвиги различных исторических или фантастических героев, борьба их с «дивами», периями, гифритами, волшебниками и семиглавами драконами, аждахами, или же житиями святых.

Необходимо отметить еще об одном важном факте в умственной жизни татарского народа в описываемую эпоху, именно о развитии суфизма или мусульманского аскетизма, родиной которого также была Средняя Азия, в особенности Бухара. Суфизм был довольно сильно распространен еще в Золотой Орде, поэтому арабский путешественник XIV столетия Ибн-Батута, по дороге ко двору Узбек-Хана, мог встретить многих дервишей, которые пользовались большим уважением и почетом в золотоордынских господствующих кругах. То же отшельничество сильно было распространено и в Казани, во время самостоятельности ее. По этой причине в русских летописях мы встречаемся с Шейхами, Шейхзадами и Талибами. Развитие аскетизма было в интересах феодалов, как в Средневековой Европе эти отшельнические идеи предохраняли их от посягательства на их права и имущество, со стороны людей черной кости, которые вследствие угнетенности, лишенные возможности защищаться от этих угнетений, также были принуждены искать освобождения после смерти. Результатом всего этого у татар утвердилось представление, что «этот мир неверному рай, а правоверному ад» и держалось до конца XIX столетия и против которого главным образом и направили свои копья татарские возрожденцы в конце этого века. Таким образом, начало того зла, которое известно под названием «ишанизма» началось еще в довольно отдаленные от нас времена.

Как было сказано выше, с конца XVII века татарский феодализм стал падать и на его смену пришел торговый капитализм, который поставил во главе нации сначала «служилых торговых татар», а потом их место заняли купцы. Торжество торгового капитала у татар произошло в конце XVIII века. Следовало бы предположить, что с изменением социальной структуры должна была бы измениться

и идеология. Но произошло, если поверхностно смотреть на дело, некоторое парадоксальное явление: с получением, во время Екатерины II, религиозной свободы в Казани и в больших деревнях, которые были промышленными центрами, стали развиваться высшие богословские школы, в которых господствовала схоластика с логикой Аристотеля в арабском переводе, с поклонениям авторитетам, с основной мыслью, «науки суть служанки теологии», как это было в Западной Европе в средних веках. Кроме того родной татарский язык считался языком подлым и варварским, преподавался арабский язык, как язык «жителей рая и бога» и персидский язык, как язык «великих ишанов и святых».

Как в средневековых школах Запада, сначала там изучали грамматику, затем приступали к изучению логики, которое продолжалось несколько лет, устраивали диспуты на логические и богословские темы. Потом приступали к изучению богословия, совместно с философией (хикмет), наконец, кончали курс детальным изучением арабского права и его методологии (усульфикх), Несмотря на то, что студенты таких школ занимались такими высокими материалами о грамотности не так усердно заботились, почему бывали случаи, когда, обучавшиеся около 15 лет в такой школе, не могли грамотно писать ни на родном, ни на арабском или персидском языках.

Почему же такая схоластическая система образования и мысли могли господствовать в том обществе, которое уже находилось на стадии торгового капитала?

Тут весь секрет опять заключался в экономике господствовавшего класса. Те торговые связи с Средней Азией и Киргизией, на которых мы останавливались выше, толкали татарскую буржуазию и служивших ей в то время мулл, к тому, чтобы татары—купцы получали образование по тем же рецептам, по которым получали господствовавшие в то время феодальные классы Бухары. Как известно, Средняя Азия до русского завоевания была закрыта для «неверных кафиров», туда могли попадать только мусульмане и то не все, а суннитского толка. Вот по этой причине татарскому буржуа, если ему хотелось иметь торговые дела с Бухарой, Хивой и иными местами в Средней Азии, необходимо было вооружиться в области идеологии тем же оружием, чем был вооружен господствующий класс этих стран. По этой, главным образом, причине татарские богачи и их покровители муллы старались подготовлять своих детей к деятельности по тем шаблонам, по которым подготовлялись дети среднеазиатских господствующих классов. Вот почему в 1844 году в одной Казани существовало 4 медресс, т. е. высших магометанских школ,

открытых по средне-азиатскому образцу; кроме тех, которые существовали в Казанском уезде в деревнях: Кишкар, Сатыш, Менгер, Саба, и в других местах. Конечно, существование этих «старо-методных» медресс обусловлено было еще и другими причинами: консервативностью татарского буржуа, боязнью всего нового, ввиду репрессий правительства по отношению к магометанской религии, а отчасти поддержкой правительством всего старого у татар, вследствие боязни появления новых идей и свободомыслящего движения у татарских масс, в случае реформы системы образования у последних. По этой причине известный Ильминский, в одном своем письме к Победоносцеву, выразился в том смысле, что лучше не трогать старых татарских медресс, чем пускать татарскую молодежь в русские гимназии, ибо в то время, как один из окончивших медресс Гирей воспринял святое крещение, то другой окончивший русскую гимназию Муса Ак'екит Заде написал роман на татарском языке. Сколько бы не были отсталы и консервативны эти татарские медрессе, они все же были потом очагами будущего татарского буржуазного возрождения: люди, окончившие их сделались учителями татарских начальных школ (мектебов), из их же среды вышли религиозные реформаторы и борцы за европейскую цивилизацию, историки и литераторы, которые обработали татарск. народный язык и приспособили его для литературы.

Татарские начальные школы существовали до появления указа Екатерины II о разрешении открывать школы при мечетях, почему еще Рычков в своих путевых записках говорил, что в каждой деревне имеется школа для детей мальчиков, а девочки также обучаются в домах мулл.

Но к середине XIX века число татарских начальных школ росло: в 1860 году на 442,349 душ татар мусульман было 408 мектебов, в то же время во всей России на местах, подведомственных Оренбургскому Духовному Собранию, существовало 1859 мектебов. Грамотность у татар также была довольно высока, особенно среди господствовавшего тогда буржуазного и мелко-буржуазного городского населения. Поэтому путешествовавший в 1843 году немец барон Гакстаузен мог сказать про татар, что «татары обладают большими умственными способностями но ислам допускает их развитие лишь до известной степени, у них много школ, они почти все умеют читать и писать и считать на русских счетах, у них даже есть некоторая литература, которую они изучают ревностно и я убежден, что если бы этот богато одаренный народ принял христианство, то он не только стал бы одним из первых цивилизованных народов, но распространил бы христианство и цивилизацию по всей Азии» (Приволжские города в Каз. губ. изд. каз. статист. комитет 1892 г. стр. 169).

Этим мы заканчиваем свою статью. То, что описано здесь, подготовило татарское общество к дальнейшему развитию. Рост капитализма в России, реформы 60-х годов все это подготовило почву для перемены у татарской буржуазии в области идеологии. Вот почему с средины XIX столетия у татар появляется реформационное движение. Совместно с этим движением возникало параллельно другое движение, известное под названием «новометодизма», которое боролось за преобразование школы, способы преподавания в них и за чистку ее от пережитков феодальной идеологии или схоластики.

В 90 годах это движение, можно сказать, одержало полную победу.

В то же время с середины XIX столетия, благодаря росту капитализма, классовая дифференция у татар стала еще сильнее. Классовые противоречия, которые еще начались задолго до этого времени, также росли. С одной стороны, начала организоваться буржуазия, с другой, промежуточные радикальные элементы. Но татарский зародившийся пролетариат стал работать совместно с русскими братьями по классу и постепенно поступил в ряды социалистических организаций. Таким образом, после этих кратких замечаний, становится понятным то активное участие всех классов татарского общества со специфическими своими организациями и программами (татарские с.-д. большевики во главе с Х. Ямашевым, «мусульманские иттифаки», как партия крупной татарской буржуазии и помещиков; с.-р. мелкобуржуазное движение с Туктаровым во главе), с которыми они выступили в революции 1905 года.

Вид Казанского кремля с башней Сумбеки

В. М. Ермолаев.

Демографический очерк Татарской Республики.

По данным государственной статистики 1924 года, число жителей ТР равняется 2.891.799 человекам. Это составляет приблизительно $^1/_{46}$ общего числа всего СССР или $^1/_{35}$ числа населения всей РСФСР.

Таким образом, ТР имеет больше населения, чем некоторые Западно-Европейские Государства, как, напр., Европейская Турция (1.200.000 чел.), Эстония (1.250,000 чел.), Албания (1.400.000 чел.), Республики Эльзас и Лотарингия (1.700.000 чел.), Латвия (2.500.000 чел.) и Норвегия (2.699.000 чел.).

Большинство населения ТР, а именно 2.659.361 человек, или 92%, проживает в сельских местностях и лишь 232.438 чел., или 8%, находится в городах. Таким образом, в Татарии сельское население значительно преобладает над городским. И это преобладание сельского населения в Татарии идет впереди многих Европейских стран и даже самого СССР, что видно из следующей таблички.

ТАБЛИЦА № 1.

Процетное соотношение количества городского и сельского населения в разных странах [1]).

	Городское	Сельское
Англия и Валлис	78,0	22,0
Норвегия	72,0	28,0
Германия	57,0	43,0
С. Америк. С. Штаты .	41,5	58,5
Франция	41,2	58,8
Дания	38,2	61,8
Голландия	36,9	63,1
Италия	26,4	73,6
Швеция	22,1	77,9
Венгрия (собственно) . .	18,8	81,2
С. С. С. Р.	16,0	84,0
Т. С. С. Р.	8,0	92,0

Цифры говорят сами за себя.

[1]) Цифры заимствованы из Труда Н. А. Рубакина «Россия в цифрах» и из сборника ЦСУ «Народное Хозяйство СССР в цифрах».

Очевидно, ТР является страной преимущественно крестьянской, земледельческой. И именно это абсолютное преобладание сельского населения над городским является, в хозяйственном отношении, невыгодным для ТР. «При 92% сельского населения страна не может благоденствовать, т. к. подобного рода однобокое построение не дает возможности использовать творческие силы населения в желаемой полноте. В деревне не может развиваться товарное хозяйство с столь необходимым для страны экспортом хлеба, наоборот, сельское хозяйство будет более приближаться к типу потребительского, весьма хрупкого, экономически слабого, предприятия и деревня не будет емким рынком для городской промышленности, с другой стороны— отсутствие крупных городских поселений не дает почву ни для создания мощной промышленности, ни для возникновения рынков внутреннего потребления для продуктов сельского хозяйства» (Д. П. Арцыбашев). Повидимому, для возможно полного удовлетворения экономических интересов местного края, нужны определенные изменения в существующем ныне соотношении между городским и сельским населением.

Это изменение в пользу городов, как мы увидим ниже, и совершается, но, к сожалению, слишком медленно, не с тою быстротою, какая нужна.

То же самое обстоятельство представляет большой интерес не только с чисто экономической точки зрения, но и с культурной. Действительно, городское население всегда более грамотно, а следовательно и более культурно и отличается по укладу своей жизни от сельских обитателей.

Бедна ТР и большими городами. Лишь одна Казань, столица Татарии, имеет более полутораста тысяч жителей. На все же остальные городские поселения не приходится и половины этого числа.

Вот как распределяется городское население ТР по отдельным ее городам.

ТАБЛИЦА № 2.

Количество населения по городам ТССР по данным переписи 1923 года.

НАИМЕНОВАНИЕ ГОРОДОВ	Мужчин	Женщин	Обоего пола
1. Казань со слободами и пригородами, прилегающ. к ней . . .	72.485	85.600	158.085
2. Арск с Покровской слободой	1.082	1.235	2.317
3. Бугульма	5.240	6.346	11.586

НАИМЕНОВАНИЕ ГОРОДОВ	Мужчин	Женщин	Обоего пола
4. Буинск	2.198	2.520	4.718
5. Елабуга с Трехсвятской и Подмонастырской	4.368	5.809	10.177
6. Лаишев	1.840	2,255	4.095
7. Мамадыш	1.235	1.616	2.851
8. Мензелинск	3.285	3.974	7.259
9. Свияжск	1.110	1.583	2.693
10. Спасск	1.672	2,067	3.739
11. Тетюши	2.504	3.155	5 659
12. Наб. Челны	1.513	1.812	3.325
13. Чистополь	7.177	8.757	15.934
Итого по всем городам ТССР	105.709	126.729	232.438

Как видно, из кантонных городов на первом месте по количеству населения нужно поставить города Чистополь, Бугульму, Елабугу и Мензелинск, имеющие от 7 до 14 тыс. жителей. Среднее место в этом отношении занимают города Тетюши, Буинск, Лаишев, Спасск, Наб. Челны, с числом жителей от 3 до 4 тысяч. Наконец, минимальное количество жителей—несколько больше 2-х тысяч, мы видим в Мамадыше, в Свияжске и Арске. На одно поселение городского типа приходится 4503 кв. верст всей территории ТР. Очевидно, города здесь расположены довольно редко.

Сельское население ТР, равняющееся как, мы выше говорили, 2.659.361 человеку, распределяется по отдельным кантонам далеко не равномерно. Таблица № 3 дает нам об этом ясное представление.

ТАБЛИЦА № 3.

НАИМЕНОВАНИЕ КАНТОНОВ	Мужчин	Женщин	Обоего пола
Арский	188.269	202.411	390.680
Бугульминский	130.025	149.179	279.204
Буинский	71.036	80.620	151.656
Елабужский	74.619	77.107	151.726
Лаишевский	98.444	101.890	200.334
Мамадышский	91.095	99.201	190.296
Мензелинский	83.641	89.278	172.919
Свияжский	69.117	93.359	162.476
Спасский	77.262	88.965	166.227
Тетюшский	88.125	95.125	183.250
Челнинский	123.041	134.582	257.623
Чистопольский	175.250	177.720	352.970
Итого сельского по ТР	1.269.924	1.389.437	2.659.361

Из рассмотрения только что приведенной таблицы можно видеть, что все кантоны ТР по числу сельских жителей делятся на три неравные группы:

1) кантоны, имеющие населения от 300 до 400 тысяч, куда относятся Арский и Чистопольский кантоны;

2) кантоны, с населением от 200 до 300 тысяч человек—Бугульминский, Челнинский и Лаишевский и

3) кантоны, имеющие менее 200 тысяч жителей; в эту группу входят все остальные кантоны.

Но все приведенные нами цифры количественного состава сельского населения будут еще интереснее, если мы сопоставим их с цифрами, обозначающими площади, занимаемые каждым отдельным кантоном. Имея эти цифры, мы можем высчитать, так называемую, *плотность* или, иначе, *густоту* населения отдельных кантонов ТР. Как известно, густотою или плотностью населения называется число жителей, приходящееся на единицу пространства. В данном случае такой единицей будет квадратная верста. Эта величина получается через деление числа жителей на цифру пространства.

В результате таких вычислений мы получим следующую таблицу.

ТАБЛИЦА № 4.

Плотность сельского населения ТР в 1924 году.

КАНТОНЫ	На 1 кв. вер. прих. сельских жителей
1. Тетюшский	63,1
2. Буинский	60,8
3. Арский	55,1
4. Свияжский	54,4
5. Лаишевский	46,6
6. Елабужский	43,8
7. Мамадышский	43,7
8. Чистопольский	43,1
9. Челнинский	41,2
10. Спасский	37,0
11. Бугульминский	36,6
12. Мензелинский	36,5

Из приведенных цифр выясняется, что плотность населения кантонов далеко не одинакова, и что по густоте населенности наши кантоны можно разбить на 4 группы. Первую группу с максимальной плотностью составляют кантоны Тетюшский и Буинский. Во вторую группу входят Свияжский и Арский, в третью—кантоны Лаишевский, Елабужский, Мамадышский, Чистопольский и Челнинский, и, наконец,

четвертую группу с минимальной площадью составляют Спасский, Бугульминский и Мензелинский кантоны.

Очевидно, плотность населения возрастает с востока на запад. Правильность нарушает лишь Спасский кантон, который создает некоторую дисгармонию в постепенной гамме величин плотности населения кантонов.

Только что отмеченное явление нужно об'яснить историческими причинами: ходом колонизации края. Именно с запада началась русская колонизация нашего края и всего Поволжья и подвигалась, медленно и постепенно в течение трех с половиной веков, на юго-восток. Этим же об'ясняется то обстоятельство, что плотность населения всей ТР значительно больше, чем плотность лежащих от нее к югу губерний и областей—например, вдвое больше, чем в Самарской губ. и в восемь раз больше, чем в Астраханской губернии.

Средняя плотность сельского населения по всей ТР равняется 42,2 человекам на 1 кв. версту. Если же принять во внимание и городское население, то плотность населения в среднем по ТР выразится уже цифрою 49,2.

Интересно сравнить плотность населения ТР с плотностью других стран цивилизованного мира. Таблица № 5 даст нам возможность сделать это.

ТАБЛИЦА № 5 [1]).

Название государств	На 1 кв. версту приходится жителей
Бельгия	273,1
Голландия	177,2
Англия	157,7
Италия	132,0
Германия	127,5
Австро-Венгрия	85,6
Франция	83,1
ТССР	49,2
Дания	20,5
Швеция	13,6
Соединенные Штаты	10,6
Норвегия	8,1
СССР	7,0

Таким образом, Татария населена в $5^1/_2$ раз меньше, чем Бельгия; в 3 раза, чем Англия; в $2^1/_2$ раза, чем Германия и $1^1/_2$ раза,

---

[1]) Цифры заимствованы из Труда Рубакина «Россия в цифрах» и сборника ЦСУ «Народное хозяйство СССР в цифрах».

чем Франция. Но в то же время ТР населена в 2 раза гуще, чем Дания, в 5 раз больше, чем Соединенные Штаты и Норвегия. Тем не менее, небольшая, сравнительно с ТР, плотность Дании, Швеции, Соединен. Штатов и Норвегии, не мешает им быть культурнейшими странами мира. Вместе с тем именно эти страны являются такими же земледельческими, как и Татария. «Значит, говоря о внутреннем благоустройстве государства, нельзя без оговорки винить в его грехах ни большие размеры страны, ни ее относительную малую населенность» (Рубакин).

Если сравнить плотность населения Татарии с плотностью населения всего СССР, то окажется, что ТР имеет плотность в 7 раз большую и в два с небольшим раза большую плотность, чем таковая же в Европейской части РСФСР, где приходится 21 человек на 1 кв. версту.

Изучение плотности населения имеет важное значение и вот почему. Плотность населения влияет на все стороны хозяйственной жизни страны, на весь ее строй и, конечно, прежде всего на сельское хозяйство. Действительно, для удовлетворения своих потребностей, люди получают все необходимое лишь от окружающей их природы. «При одинаковости всех других условий, на той площади, где население будет гуще, плотнее, ему нужно извлечь из нее всех необходимых, для удовлетворения его многообразных потребностей, ценностей гораздо больше, чем из соответствующей площади должно будет извлечь их менее плотное население. И чем население будет плотнее, тем этих ценностей будет требоваться больше и больше и добывать их будет все труднее и труднее. И наступит, наконец, момент, когда для получения требуемого количества каких-то материальных благ из данной площади окружающей природы, прежних хозяйственных знаний, прежней хозяйственной техники, прежних хозяйственных форм недостаточно: потребуется новые знания, новая техника, новые хозяйственные распорядки. Отсюда—все наблюдаемые хозяйственные изменения, здесь их основной источник». (С. П. Швецов).

Какова же плотность населения Татарии? Соответствуют ли ей те системы сельского хозяйства, которые существуют в этом крае в наше время.? Вот какие вопросы возникают у нас в результате рассмотрения плотности населения различных кантонов ТР.

Известный германский ученый Шмоллер дает такую таблицу плотности населения при различных системах сельского хозяйства (приводится в редакции проф. Н. П. Огановского).

ТАБЛИЦА № 6.

Плотность населения на 1 кв. километр.

	От	До
1. Охотничьи и рыбачьи народы в северных областях	0,02	0,05
2. Тоже с прибавкой земледелия, как подсобного промысла .	0,2	0,7
3. Кочевое пастушеское хозяйство	0,7	1,8
4. Переходное хозяйство (от кочевого к оседлому земледельческому)	3,4	8,9
5. Области экстенсивного переложного земледелия	—	8,9
6. Земледельческие области с трехпольным севооборотом.	17,7	35
7. Земледельческие области с интенсивным земледелием и развитой промышленностью в средней Европе	70	106
8. Наилучшие земледельческие области Индии, Явы, Китая .	—	177

Из этой таблицы мы можем сделать чрезвычайно важные выводы.

Если мы вспомним, что плотность Татарской Республики в среднем равняется 49,2 чел. на 1 кв. версту, то придем к выводу, что плотность населения нашего края превысила максимальную плотность, какая обычно наблюдается в земледельческих областях с трехпольным севооборотом, который до сих пор господствует в Татарии. Некоторые же кантоны имеют плотность и значительно бóльшую. Отсюда понятен тот кризис сельского хозяйства, который мы переживаем и становится сама собою понятна прямая необходимость для нашего земледельца перехода от паровой зерновой системы полеводства с трехпольным севооборотом к более интенсивным системам сельского хозяйства.

Указав, что из себя представляет количественно население ТР, мы перейдем теперь к изучению его состава и прежде всего деления жителей нашего края по половому признаку. Что же касается полового состава населения ТР, то о нем нужно сказать следующее.

Выше приведенные таблицы №№ 2 и 3 показывают, как делится городское и сельское население по половому признаку. Оказывается, что в Татарии женщин больше, чем мужчин. Действительно, в сельских местностях на каждые 100 мужчин приходится 109 женщин

в городах же и того больше—на каждые 100 мужчин там приходится 120 женщин. Очевидное перепроизводство женщин! Конечно, по отдельным кантонам и городам это соотношение между числом мужчин и женщин вариируется, что можно легко проследить по цифрам следующих таблиц.

ТАБЛИЦА № 7.

Половой состав сельского населения ТР в 1924 году.

КАНТОНЫ	На 100 мужчин приходится женщин
Арский	107,5
Бугульминский	114,7
Буинский	113,4
Елабужский	103,3
Лаишевский	103,5
Мамадышский	108,9
Мензелинский	106,7
Свияжский	135,1
Спасский	115,1
Тетюшский	107,9
Челнинский	109,4
Чистопольский	101,4
Итого по сельским местностям ТР	109,4

ТАБЛИЦА № 8.

Половой состав городского населения ТР.

Города.	На 100 мужчин приход. женщин.
Казань	118,1
Арск	114,1
Бугульма	121,1
Буинск	114,6
Елабуга	132,9
Лаишев	130,9
Мензелинск	120,9
Свияжск	142,6
Спасск	123,6
Тетюши	125,9
Наб. Челны	119,8
Чистополь	122,0
Итого по городским местностям ТР	119,9

Только что отмеченный нами факт численного перевеса женщин не является только принадлежностью Татарии. В большинстве Европейских государств, в том числе и в России, женщин больше, чем мужчин. И это явление нельзя об'яснять лишь причинами пертурбационного характера—войнами, экономическими и социальными переворотами и т. д. Тут, по мнению ученых, должны влиять какие-нибудь этнические факторы.

То или иное распределение населения по половому признаку имеет немаловажное социологическое значение, потому что относительные размеры половых групп влияют на социальное и политическое устройство и имеют экономическое значение. От этих размеров зависят производительность труда государства (мужчина физически сильнее и более способен к труду, чем женщина), семейные отношения, естественное движение населения (рождаемость, смертность, брачность), заболеваемость, а так же количество в стране преступников и преступлений.

Можно думать, что численное соотношение между мужчинами и женщинами в ТР является более или менее нормальными.

«Но сила человеческая, способность личности жить, мыслить и действовать, распределены между людьми далеко неравномерно и находятся в значительной зависимости от возраста того или иного человека. Слабую половину рода человеческого составляют не женщины, как таковые, а дети и старики, малые и старые, независимо от их пола» (Рубакин). Поэтому нельзя ограничиться лишь определением численного и полового состава населения описываемого нами края, необходимо также охарактеризовать и возрастный состав населения ТР.

Разбив все сельское население Татарии по возрастам и выразив их в $^0/_0{}^0/_0$, мы получим такую табличку.

ТАБЛИЦА № 9.

Возрастный состав сельского населения ТР в $^0/_0{}^0/_0$.

От 1 дня до 9 лет	От 10 до 12 л.	От 20 до 29 л.	От 30 до 39 л.	От 40 до 49 л.	От 50 до 59 л.	Свыше 60 и неизв. возраст.
28,7	25,1	9,8	10,2	9,6	7,7	8,9

Из рассмотрения этой таблицы мы видим, что люди в так называемом рабочем возрвсте, т. е. от 20 до 50 лет, составляют в нашей деревне лишь $29{,}6^0/_0$ всего населения. Очевидно, число лиц зрелого возраста, производителей различного рода экономических и духовных ценностей, лично от которых зависит сила и могущество государства, число этих кормильцев—работничков очень невелико и

остальные 70,4% всего населения являются широкими захребетниками, пользующимися плодами рук работоспособного населения. Среди этих захребетников нас прежде всего поражает необычайно большой процент детей в возрасте до 9 лет. Этот процент выражается такой солидной цифрой, как 28,7. Этот процент нас и пугает и радует в одно и то же время. Действительно, чрезмерное число детей в нашем крае ложится тяжелым и лишним грузом на производительную группу. Этот избыток детей лишь обещает многое в далеком будущем, но, в настоящее время, дети ослабляют производительную силу государства, т. к. они требуют для своего пропитания и соответствующего воспитания и образования больших средств, а сами не могут добыть себе их. Дети—сила будущего, но тяжелое бремя в настоящем. Но с другой стороны, если число детей в государстве недостаточно, это приводит с течением времени к уменьшению населения.

Велик % и молодежи, этой нашей надежды и смены постепенно уходящих в могилу землеробов. Но это лишь полурабочая сила.

Ужасает нас и слишком малый процент стариков. Правда, они ненужный балласт государственного корабля, отработанная сила, но обстоятельство, что у нас в деревне дожавает до старости очень немного людей, говорит о том, что в России борьба за существование с различными неблагоприятными условиями труднее, чем в других странах.

Несколько иную картину в распределении населения по возрастным группам мы видим в городах ТР. Вот о чем говорит нам табличка № 10.

ТАБЛИЦА № 10.

Возрастной состав городского населения ТР в %%

От 1 дня до 9 л.	От 10 до 19 л.	От 20 до 29 л.	От 30 до 39 л.	От 40 до 49 л.	От 50 до 59 л.	60 лет и свыше
20,5	21,8	17,6	14,1	10,5	8,0	7,5

Очевидно, среди горожан имеется почти вдвое большее число лиц зрелого, рабочего возраста, чем это мы видим в деревне ТР. Без сомнения, города втягивают в себя сельское население в рабочем возрасте, чем и об'ясняется в городах только что указанный высокий % лиц зрелого возраста. Значительно меньший процент подростков, в возрасте от 10 до 19 лет, как равно и малолетних детей до 9 лет. Но зато в городах мы видим и меньший процент лиц в возрасте старше 50-ти лет.

Если же мы распределим по тем же возрастным группам все население ТР, то получим такую картину.

ТАБЛИЦА № 11.

Возрастный состав всего населения ТР в %%.

От 1 дня до 9 л.	От 10 до 19 л.	От 20 до 29 л.	От 30 до 39 л.	От 40 до 49 л.	От 50 до 59 л.	60 лет и выше
27,9	24,9	10,5	10,5	9,6	7,8	8,8

Национальность. Этнографический состав населения Татарской Республики отличается большим разнообразием. Основными народностями этого края являются татары, составляющие 51,1%, и русские, составляющие 40,9% всего населения. На долю представителей других народностей приходится 8%, из которых на долю чуваш падает 4,7%, на долю мордвы—1,3%, вотяков—0,8%, марийцев—0,5% и прочих (поляки, латыши, немцы, литовцы, французы и др.)—0,7%.

Национальный состав городов и деревень ТР значительно разнится.

Вот перед нами табличка, показывающая распределение сельского населения в кантонах ТР по национальностям.

ТАБЛИЦА № 12.

Распределания сельского населения в кантонах ТССР по национальностям (в %%)

КАНТОНЫ	Татары	Русские	Чуваши	Мордва	Вотяки	Мари	Прочие	Итого по кант.
Арский	64,1	31,8	0,2	0,0	2,6	1,2	0,1	100
Бугульминский . .	58,6	31,1	3,9	4,2	1,3	—	0,9	100
Буинский	56,8	13,3	27,2	2,4	—	—	0,3	100
Елабужский	48,5	45,8	—	—	2,2	3,5	0,0	100
Лаишевский	47,8	51,9	0,0	—	—	0,0	0,3	100
Мамадашский . . .	70,1	23,8	0,0	0,0	4,5	1,4	0,2	100
Мензелинский . . .	78,8	18,9	0,2	0,0	—	1,9	0,2	100
Свияжский	38,3	60,2	1,3	—	—	—	0,2	100
Спасский	34,8	53,4	8,4	3,1	—	—	0,3	100
Тетюшский	56,7	34,3	5,5	3,4	0,0	0,0	0,1	100
Челнинский	61,7	35,3	1,2	1,7	0,0	—	0,1	100
Чистопольский . .	33,5	49,0	15,6	1,7	—	0,0	0,2	100
Итого по сельским местностям	54,1	37,6	5,2	1,4	0,9	0,6	0,2	100

Как можно усмотреть из этой таблицы, всецело татарскими кантонами нужно считать кантоны Мензелинский и Мамадышский. Явно доминируют татары в кантонах Арском, Н. Челнинском, Бугульминском, Буинском и Тетюшском. Меньше же половины всего населения составляют татары в каждом из следующих кантонов: в Лаишевском, Елабужском, Свияжском, Спасском и Чистопольском.

Именно в этих то кантонах наибольший процент падает на русское население.

Если мы посмотрим на этнографическую карту Татарской Республики, то найдем следующую картину расселения татар по территории нашей области.

Как известно, две могучих водных артерии—Волга и Кама делят территорию Татарской Республики на три неравных части: *Прикамье* с кантонами Арским, Лаишевским, Мамадышским и Елабужским; *Закамье* с кантонами Спасским, Чистопольским, Н. Челнинским, Мензелинским и Бугульминским и *Заволжье* с кантонами Свияжским, Тетюшским и Буинским. В Прикамье татары занимают весь северо-восток, русские в этой части Республики занимают сравнительно узкую полосу по берегу Волги, Камы и Вятки. Эти полосы особенно широки у Казани. Закамье заселено татарами весьма значительно в восточной его части. В западной части Закамья татары живут гнездами, среди которых вкраплены значитительные острова русских и прочих поселений. Русские и в Закамье оттеснили татар от рек. В Заволжье татары занимают весь юго-запад. Русские поселения и поселения других народностей составляют 2 значительных острова вокруг городов—Свияжска и Тетюш.

Таким образом, только один взгляд на этнографическую карту Татарской Республики говорит нам о том, что русские пришельцы заняли полосу побережья двух великих рек и, следовательно, оттеснили татар от естественных путей сообщения, что, без сомнения, отразилось на экономическом положении татарского народа.

Чтобы еще отчетливее понять, что представляет из себя господствующая в нашем крае татарская народность, мы должны также показать и количество татар по отдельным кантонам.

Оказывается, что максимальное количество татар в Арском кантоне—238.295 человек. Большое количество татар также в кантонах: Н. Челнинском — 166.216 человек, Мензелинском—144.075, Бугульминском—142.905, Мамадышском—134.473, Чистопольском—117.455 и Тетюшском—107.874. Значительно меньше татар в Буинском кантоне—79.454 человека, Лаишевском—90.692, Свияжском—63.852 и Спасском—63.573. Минимальное количество татар в Елабужском и Агрызском кантонах—в первом их 37.948 человек и во втором—28.146 человек.

Что же касается национальностей, слабо представленных в ТР, то среди них выделяются чуваши. В Буинском кантоне, граничивающем с Чувашской Областью, они составляют 27,2%. Значительный процент их в Чистопольском кантоне—15,6%, а также и в Спасском и Тетюшском. В остальных кантонах ТР чуваш, сравнительно, мало.

В некоторых кантонах довольно значительный процент составляют такие народности, как мордва (в Бугульминском кантоне 4,27, Спасском—3,1 и Тетюшском—3,4), вотяки (в Мамадышском кантоне—4,5, Арском—2,6 и Елабужском 2,2) и марийцы (в Елабужском—3,5, Мензелинском—1,9, Мамадышском—1,4 и Арском—1,2).

Городское население, как мы уже выше сказали, распределяется по национальностям несколько иначе. Таблица № 13 показывает нам это распределение.

ТАБЛИЦА № 13.

Распределение городского населения ТССР по национальностям в %%.

НАЗВАНИЕ ГОРОДОВ	Татары	Русские	Чуваши	Мордва	Вотяки	Мари	Прочие	Итого
Казань	19,4	73,9	0,4	—	—	0,1	6,2	100
Арск	4,5	93,8	—	—	—	—	1,7	100
Бугульма . . .	7,1	89,2	0,2	—	—	—	3,5	100
Буинск	37,1	59,8	2,4	0,3	—	—	0,4	100
Елабуга . . .	6,9	91,0	—	—	0,6	0,1	1,4	100
Лаишев	1,3	98,6	—	—	—	—	0,1	100
Мамадыш . . .	19,6	79,4	0,1	—	—	—	0,9	100
Мензелинск . .	9,2	82,5	0,1	0,1	—	—	8,1	100
Свияжск . . .	3,6	95,0	0,8	0,3	—	—	0,3	100
Спасск	4,7	92,5	0,5	—	—	—	2,3	100
Тетюши	7,9	90,0	0,7	0,4	—	—	1,0	100
Наб. Челны . .	13,5	84,7	—	—	—	—	1,8	100
Чистополь . .	11,0	86,6	0,1	0,1	—	—	2,2	100
Итого по городским поселениям ТР . . .	17,5	77,3	0,3	0,0	0,0	0,1	4,8	100

Как видно из этой таблицы, в городах ТР преобладает количественно русское население, процент которого по отдельным городским населенным пунктам колеблется от 59,8% до 98,6%. Процент же татар колеблется лишь от 1,3% до 37%. Незначительно количество в городах ТР чуваш, мордвы, вотяков и марийцев и представителей прочих национальностей.

Таким образом, насколько деревня нашего края является по преимуществу татарской, настолько города являются почти всецело русскими.

Грамотность населения. Грамотность населения есть до известной степени признак культурности той или иной страны. Поэтому,

крайне интересно знать, насколько население Татарии развито в этом отношении.

Понятие о грамотности населения разных национальностей нашего края характеризуется данными последней Всероссийской переписи населения 1920 года. Ниже мы приводим таблицы, где сведения о грамотности населения приведены по Т.Р.[1]). Анализируя эти таблицы, мы приходим к весьма интересным и важным выводам. Вот эти выводы.

Грамотное население старше 8-ми лет составляет лишь 28,2%, причем грамотность мужчин несколько выше, чем грамотность женщин: в то время, как первые составляют 38,3%, грамотных женщин всего лишь 20,3%. Если мы будем рассматривать грамотность населения старше 8-ми лет по отдельным национальностям, то найдем, что грамотных татар 21,8%, кряшен—24,6%, русских—38,3%, чуваш—22,2%, мордвы—15,8%, вотяков—22,1% и марийцев—18,4%. Как видно, наибольший процент грамотных падает на русских, затем идут кряшены, чуваши, татары и вотяки. Значительно меньше грамотных у марийцев и мордвы. Если же мы станем рассматривать грамотность мужчин различных национальностей, то окажется, что татар мужчин грамотных 26,9%, кряшен—41,1%, русских—54,6%, чуваш—36,9%, мордвы—28,6%, вотяков—40,5%, марийцев—35,9%.

Очевидно, среди мужчин по грамотности на первом месте стоят те же русские, кряшен занимают также второе место, но на третьем месте стоят уже вотяки, которые по общей грамотности стоят, как мы видим, на 5-ом месте, на четвертом месте стоят чуваши, на 5-ом марийцы, на 6-ом мордва и на 7-ом, последнем, татары, которые по общей грамотности стоят на 4-ом месте. Грамотность женщин не только значительно ниже грамотности мужчин, но и располагается этот признак по отдельным национальностям совершенно иначе, чем у мужчин. Действительно, на первом месте стоят те же русские, 26,7%, но на 2-ом мы видим уже татарок—17,3%, на 3-ем кряшен—11,4%, на 4-ом чувашек—10,7%, на 5-ом вотячек—9,6%, на 6-ом мордовок—6,2% и на 7-ом мариек—5,9%.

Таким образом, татары по грамотности довольно отстали в сравнении с русскими и некоторыми другими национальностями: Особенно низка (относительно) грамотность татар мужчин и грамотность татар обоего пола. Несколько утешает грамотность тата-

---

1) При этом считаем нужным отметить, что подсчеты грамотности и неграмотности населения приведены лишь для лиц, имеющих возраст не менее 8 лет. Все же детское население моложе 8 лет в число безграмотных не внесено, т. к. эти дошкольные возрасты по существу своему не могут быть грамотными, за исключением редких случаев грамотности 7-милеток.

рок, но и то сравнительно с грамотностью других национальностей, где женщины, за исключением русских, в большинстве своем неграмотны.

Только что сказанное можно видеть в следующей таблице:

ТАБЛИЦА № 14.

Народность	% грамотных		
	Мужчин	Женщин	Обоего пола
1. Татар	26,9	17,3	21,8
2. Кряшен	41,1	11,4	24,6
3. Русских	54,6	26,7	38,3
4. Чуваш	36,9	10,7	22,4
5. Мордвы	28,6	6,2	15,8
6. Вотяков	40,5	9,6	22,1
7. Мари	35,9	5,9	18,4
Общ. всех национальн.	38,3	20,3	28,2

Значительно выше грамотность населения школьного возраста. Так общая грамотность населения обоего пола в Татреспублике только что указанного возраста 37,1%, причем грамотность мужчин 43,3% и грамотность женщин — 30,9 %. У детей школьного возраста татарской национальности грамотные составляют—29,9 %, мальчики—33,0 %, девочки — 27,0 %, у кряшен обоего пола — дети 32,4 %, мальчики — 45,9 %, девочки — 19,6 %, у русских мальчики — 57,2 % и девочки 32,2 %, дети обоего пола — 49,9%, дети обоего пола у чуваш — 31,5 %, мальчики—44,1 %, девочки—19,0%, у мордвы дети обоего пола — 20,3 %, мальчики — 31,8 %, девочки — 11,1 %, у вотяков дети обоего пола — 36,8 %, мальчики 54,2% девочки — 18,3 %, дети обоего пола марийцев — 28,3 %, мальчики—44,7 %, девочки — 13,4 %.

Как видно, среди мальчиков школьного возраста по грамотности на 1-ом месте стоят русские, на втором вотяки, на третьем чуваши, на шестом татары и на седьмом мордва. Среди девочек разных национальностей первое место по той же грамотности занимают русские, затем идут в нисходящем порядке татарки, кряшенки, чувашки, вотячки, марийки и мордовки. Общая грамотность детей школьного возраста разных национальностей располагается таким образом: сначала идут те же русские, затем вотяки, кряшены, чуваши, татары, марийцы и мордва.

Рассматривая грамотность детей татар школьного возраста, мы находим, что хотя она и выше, чем у взрослых, на 8% у обоего пола, на 6 % у мальчиков и на 10 % у девочек, однако, эти про-

центы все же значительно ниже, чем аналогичные проценты у русских и некоторых других народностей, населяющих Татарию. Таблица № 15 подтверждает сказанное.

ТАБЛИЦА № 15.

Народность	% грамотных детей школьного возраста Мальчик.	Девочек	Обоего пола
1. Татар	33,0	27,0	29,9
2. Кряшен	45,9	19,6	32,4
3. Русских	57,9	39,9	49,9
4. Чуваш	44,1	19,0	31,5
5. Мордвы	31,8	11,1	20,3
6. Вотяки	54,6	18,3	36,8
7. Мари	44,7	13,4	28,3
Общая всех национальностей	43,6	30,9	37,1

Только что рассмотренные нами цифры грамотности населения Татарии наводят нас на грустные размышления. Наш край полон темноты и невежества.

Очевидно, перед нами во весь рост встает великая задача — задача насаждения просвещения в толщах народных темных масс. Нет сомнения в том, что мы не скоро достигнем абсолютной, стопроцентной грамотности, какую мы видим в Норвегии, Швеции, Дании и Бельгии. Для нас идеалом будет служить Франция, где грамотные составляют 85,0%, Соединенные Штаты (грам. 89,3%), Англия (гр. 92,0%) и Германия (гр. 98,0%).

Движение населения на территории ТР за период с 1897 по 1924 год. Теперь посмотрим, какие изменения произошли на протяжении времени в населении на территории ТР. Имеющиеся статистические сведения дают нам возможность проследить эти изменения начиная с 1897 года и по 1924 год включительно, т. е. более чем за четверть века. И вот о чем они говорят нам.

ТАБЛИЦА № 16.

Количество сельского населения на территории ТР.

ГОДЫ	Количество населения	Тоже в %% к 1897 г.
1897	2.167.920	100
1917	2.867.800	132
1920	2.849.635	131
1921	2.832.537	130
1922	2.650.161	122
1923	2.630.213	121
1924	2.659.361	123

Как видно из этой таблицы, за время с 1897 по 1917 г., т. е. за 20 лет, сельское население на территории ТР возросло весьма значительно—на целых 32%, т. е. в среднем по 1,6% в год. Но война и революция остановили этот все развивающийся прирост и в 1920 г. мы видим убыль населения, по сравнению с 1917, уже на 1%. Эта убыль наблюдается и в 1921 г. также на 1%. Ужасный год 1921—22 г., охвативший наш край, вновь вывел из строя 8% населения к 1922 году и еще 1% к 1923 году. Но улучшившееся экономическое положение края остановило к 1924 году это ужасное падение и именно с этого года начинается снова рост населения ТР, который достигает уже 2%. И можно надеятся, что если над нашим краем не разразится какого-либо нового стихийного бедствия, прирост населения будет с каждым годом повышаться и очень скоро достигнет нормальных довоенных размеров.

Чтобы об'яснить это явление, мы должны проследить естественное движение населения ТР (т. е. цифры рождаемости и смертности), а также и механическое движение за только что указанные годы.

Население страны постоянно теряет своих членов, уносимых смертью, и постоянно приобретает новых. Оно—подобно армии, ряды которой постоянно разрежаются смертью и дезертирством, но постоянно пополняются новыми рекрутами, так что общая численность армии быть может возрастает, быть может падает, быть может остается одной и той же (Майо Смит).

Непосредственной причиной возрастания или убыли населения является отношение числа рождений к числу смертей, а также и факты эмиграции и имиграции.

Посмотрим сначала, каковы эти явления были в довоенный период.

Центральное Статистическое Управление в «Сборнике статистических сведений по Союзу ССР за 1918—1923 г.» говорит, что в среднем ежегодно, за период 1911—13 г.г., на 10.000 жителей Татарии приходилось:

Рождений обоего пола	Смертей обоего пола	Естествен. прирост	Браков
457	304	153	89

Эти цифры следует принять вообще за нормальные цифры для первого десятилетия двадцатого века.

Цифры того же Центрального Статистического Управления показывают, что в среднем ежегодно, за период 1920—1922 г., на 10.000 жителей приходится:

Рождений обоего пола	Смертей обоего пола	Естествен. прирост	Браков
257	470	213	103

Если мы будем сравнивать эти цифры с цифрами довоенного периода, то придем к следующему заключению.

Число рождений почти вдвое уменьшилось, а число смертей, наоборот, увеличилось на 1/3 часть. Поэтому за 1920—22 годы мы видим в пределах Татарии уже не прирост населения, а ежегодную убыль в 213 человек на 10.000 жителей или на всех сельских жителей Татарской Республики 60.700 человек. Иными словами, к 1923 году в ТР выбыло из строя 182.000 землеробов.

Кроме того, можно полагать, что ужасный голод 1921—22 г.г. заставил немало жителей сельских местностей нашего края покинуть свои родные деревни, чтобы искать на стороне куска хлеба.

Число этих голодбеженцев было весьма велико и равнялось свыше 47 тысяч человек.

Следующий год 1923-й протекал в сравнительно нормальных экономических условиях и это не могло не отразиться на состоянии рождаемости и смертности населения ТР. Рождаемость и смертность приближаются за этот год к довоенным размерам и потому вновь начался прирост сельского населения ТР. Если же принять во внимание возврат в свои родные деревни голодбеженцев, то нам будет вполне понятен прирост сельского населения ТР за один 1923 год на целых 29 тысяч человек или, иначе, 111 человек на 10 тысяч жителей.

Но здесь же необходимо оговориться, что наравне с приливом голодбеженцев в пределы ТР мы видим и новый отлив переселенцев из Татарии, проследовавших в течении 1923 года, по сведениям Татнаркомзема, в различные местности СССР, в количестве 23.435 человек.

Таким образом, ежегодно в период с 1897 по 1917 г. мы имели в сельских местностях Татарии прибыль населения, равную в среднем 32 тысячам человек. На протяжении 20 только что указанных лет, этот естественный прирост населения уже равняется 643 тысячам человек.

Между тем, как мы выше видели в таблице № 16, разница в числе населения в 1917 и в 1897 г. выражается числом 700 тысяч (с округлением).

Очевидно, 57 тысяч человек прибыло в сельские местности ТР извне механическим путем или, иначе, в среднем ежегодно по 2.800 человек.

К нашему великому сожалению, состояние статистики естественного движения населения, начиная с 1917 г. по 1920 г., столь плохо, что не дает возможности пользоваться ее цифрами. И мы можем проследить естественное движение населения Татарии вновь, лишь начиная с 1920 года.

Так же плохо обстоит дело и со статистикой механического движения населения, от какового явления также зависят количественные и качественные изменения в населении.

Статистические данные прежних лет говорят нам с определенностью о том, что население страны нашего края возрастало, за несколько последних десятилетий, с неимоверной быстротой не только благодаря естественному движению, но и благодаря притоку, в пределы нашей Республики, пришельцев из других областей России, правда не в такой степени, как это мы видим в губерниях Нижнего Поволжья.

Население городов ТР претерпело следующие изменения на протяжении того же периода времени.

ГОДЫ	Количество городского населения	То же в % к 1897 г.
1897	200,242	100
1917	275,652	137,65
1920	232,368	116,04
1923	236,856	118,28

Очевидно, картина изменения количества городского населения та же, что и только что описанная картина количественного изменения сельского населения. Здесь только нужно подчеркнуть факт необычайного роста населения в городах ТР.

Н. И. Воробьев.

Казанские татары.

Краткие исторические данные о формировании народности. Казанские татары представляют собой одну из народностей огромной семьи турецких народов и являются самыми западными турками, после литовских татар, уже почти потерявших свою культуру. Правда, имя свое татары получили от монгол, в государственное об'единение которых они входили в XIII—XV веках, но народ определенно турецкого происхождения, говорящий на одном из турецких языков. Татары представляют собой народность, смешанную из различных турецких народностей, попадавших в разное время в лесостепной Волжско-Камский край. Вероятное происхождение казанских татар таково. С момента проникновения турецких кочевых народностей в южнорусские степи, все время идет движение их из Азии и одни народы сменяются другими, в качестве хозяев степей. Побежденные народности частью продвигались дальше на запад, частью же уходили на юг, в предгорья Кавказа, частью на север в лесостепной В.-К. край. К моменту прихода в Европу монгольских завоевателей под именем татар, большинство турецких элементов здесь уже находились и завоеванием их монгольская империя дала им стройную государственность, а также добавила некоторое число новых турецких элементов, т. к. монгольские армии явились в Европу преимущественно турецкими по составу, имея только предводителей монголов. С момента завоевания края монголами, вероятно, и начинается формирование татарской народности. Татарская государственность, давшая имя татарскому народу, а также культурное влияние с востока, появившееся в крае с IX века, ввиде влияния арабского торгового капитала, а позднее ввиде связи Золотой Орды с родственными, по происхождению от кипчаков, египетскими мамлюками, окончательно сплотила эти куски турецких народностей и создала из них единый народ, который в XV веке как бы сразу выступает на историческую арену. Немалый отпечаток на татар наложили и условия обитания в крае,

неприспособленном для кочевого хозяйства, и те соседи (финны), с которыми пришлось близко соприкаснуться пришедшим в край туркам. Не допуская кочевого хозяйства, здешние естественно-экономические условия заставили татар постепенно увеличить те начатки оседлости, которые они принесли из Азии и окончательно перейти к оседлому образу жизни и заняться или земледелием или торговлей, к чему, несомненно, привлекали большие дороги Восточной Европы—Волга и Кама. Переходя к оседлости и земледелию, татары, несомненно, многое заимствовали у своих соседей, что значительно сказывается на их современной, вполне уже сложившейся, культуре и на что, в дальнейшем изложении, будет обращено значительное внимание.

Во все время формирования татарской народности происходило также вливание в основную турецкую массу отдельных групп соседних финских народов, что происходило благодаря общности интересов—борьбы с южными кочевниками и выработке общих культурных приемов, приводивших финнов к полному слиянию с основным татарским населением.

Немалое количество, как в физическом типе, так и в культуре казанских татар, также и славянских элементов, которые начали проникать сюда сначала ввиде пленных—рабов, во время многочисленных войн с русскими князьями, а затем, после присоединения края к России, уже в качестве господствующего населения. Далее идет борьба за господство и за ассимиляцию этих покоренных народностей и за сохранение своей культуры, которая идеологически велась, как борьба между христианством и исламом. В противовес обрусительной политике русского правительства, культурные силы татар стараются прививать ср.-азиатскую культуру. В результате, опять таки под флагом ислама, как русская культура шла под флагом православия, более родственная среднеазиатская и вообще мусульманская культура наложила, конечно, гораздо больший отпечаток на быт татарина, но и целый ряд русских влияний отразился на этом быте, особенно среди городского торгового класса.

В быт же сельского населения все время шло проникновение финских элементов, хотя бы путем отатаривания финнов.

Характеристика каз. татарской культуры. Таким образом, современная татарская культура вбирала в себя различные влияния самого различного происхождения. К основным формам культуры татар были извне присоединены влияния—по степени силы—персидское, б. ч. преломленное через культуру Сред. Азиатск. турок, европейское—через русских и, наконец, финское—через мари, вотяков и мордву.

Можно отметить также и китайское влияние, так как турецкие народы и культурно и политически часто соприкасались с Ки-

таем. Почти во всех элементах быта эти влияния сказываются в различных комбинациях, причем распутывание этих влияний в высшей степени трудно и нередко даже невозможно, настолько все эти элементы сложились в одно целое, которое можно назвать казанско-татарской культурой, описание и анализ которой и составляет цель настоящей работы [1]). Трудность этнографического анализа усложняется тем, что все народы края, живя почти 500 лет вместе, в культурном отношении сильно сблизились, благодаря общности интересов и как в материальной культуре, так и в духовной, масса черт, общих всем народностям края.

В настоящее время казанские татары главной своей массой живут на территории ТССР, а также на территории Башреспублики, в б. Оренбургской губерни, в г. Астрахани, где слобода Тиак населена казанскими татарами, а не ногаями, как себя называют астраханские татары, даже в Сибири и других частях С. С. С. Р. На самой территории ТССР в настоящее время татарское население живет более или менее крупными массами, разделенное полосами русского населения, которое занимает все пространства вокруг городов и крупных речных путей. Такое расселение явилось результатом колонизационной политики московского правительства, которое, после завоевания края, постаралось оттеснить татар от городов и речных путей, посадив сюда более верное русское население, а также передав лучшие земли татарского дворянства русскому.

Культурные особенности городских и сельских татар почти одинаковы, что зависит от того, что город и деревня у татар слишком сильно связаны и редкий горожанин не имеет родственных связей в деревне, откуда он вышел. Это, возможно, получилось потому, что, после взятия Казани, русское правительство всячески старалось вытеснить татар из городов и многие прежние жители городов переселились в деревни, сохранив старые навыки горожан и соединив их с сельскими. В последнее время, приблизительно с середины XIX века, наблюдается обратный процесс: более зажиточные торговые татары, а также безземельные крестьяне, переходили в город, не порывая окончательно с деревней. Поэтому в культурном отношении между городом и деревней разница, сравнительно, незначительная и гораздо менее, чем между отдельными классами. Одинаковые по за-

---

1) Казанско-татарской, а не просто татарской, эту культуру мы называем потому, что кроме казанских татар таковое же наименование, в качестве самоназвания, имеют крымские степные и горные татары, а также т. н. литовские татары, которые в культурном отношении значительно разнятся и хотя все же являются турками по происхождению, но находились под различными культурными влияниями.

житочности группы, как сельского, так и городского населения, имеют в общем и одни культурные особенности. Однако, многие черты быта проходят через все классы татар, у одних стушевываясь, у других выступая более ярко и эти то черты определенно об'единяют все классы в один народ со своей оригинальной культурой. Чисто-татарский быт лучше сохранился в глухих татарских деревнях и поэтому при описании мы будем базироваться на материалах деревни, делая лишь ссылки на городскую культуру и близкую к ней культуру больших торговых сел [1]).

Жилища и поселения татар можно разделить на два типа: большие торговые села и мелкие, в 50—100 дворов, поселки, группирующиеся около этих центров. Большие села по расположению и плану мало оригинальны, так как планированы большей частью русской администрацией и на русский манер, мелкие же деревни дают богатый материал для выяснения специфического типа татарского поселения, имеющего свои исторические и бытовые основания.

Мелкие поселения большей частью ставятся в долинах рек, располагаясь у самой воды. По каждой речушке и ручью, в месте расселения татар, деревушки тянутся вдоль по ней, на расстоянии 2—3 верст одна от другой, принимая часто названия по речушке и месту положения на ее течении, напр., по р. Березя, близ Арска, находятся, считая сверху по течению, дер. Березя-Баш (баш-голова), Верхняя, Средняя и Нижняя Верези, расположенные одна за другой. Такое расположение поселков у самой воды становится понятным при рассмотрении мест устройства зимников других турецких народностей, еще сохранивших кочевой быт. Эти народы устраивают зимники всегда у воды и в долинах, защищенных от холодных ветров. Вода—источник жизни, а защита важна для скота, т. к, помещений для скота у кочевников еще нет.

Поселки, по расположению усадьб, имеют также ряд специфических особенностей. Усадьбы дают впечатление разбросанных без порядка и улица, или улицы, если их несколько, в татарской деревне всегда искривлены, узки и делают ряд поворотов и нередко упираются в тупики. Редко более двух-трех усадьб стоят на одной линии. Маленькие деревни обычно вытянуты вдоль течения речки и улица идет по самому берегу, а усадьбы—в стороны от речки, иногда по косогору.

---

1) При изложении автор будет пользоваться преимущественно материалам Арского кантона, т. к. некоторая классификация каз. татар по районам, при современной изученности, еще не возможна. Описание ведется по материалам современной бытовой действительности, с ссылками на прошлое и указаниями на намечающиеся новые течения, поскольку они выявились.

Главную улицу пересекает обычно главный переулок и ряд второстепенных, настолько узких, что не везде можно раз'ехаться двум телегам. Следующей особенностью улиц татарской деревни являются бесконечные заборы, из-за которых выглядывает зелень и фронтоны домов. Это происходит от особенностей расположения татарской усадьбы, где дом ставится в глубине двора.

В каждой татарской деревне имеется мечеть, а иногда и две, которые редко ставятся на площадях. Обычно, мечеть занимает одну из усадьб в улице, часто на углу главной улицы и переулка. Сказанные особенности, вместе с огромным количеством зелени, в которой тонут татарские дворы и с рощей-кладбищем, неподалеку от деревни на горке, дает характерный облик небольшой, глухой татарской деревушки.

Татарские усадьбы по размерам не отличаются от русских, имея в среднем 20—25 метров ширины и 50—60 метров длины. Только усадьбы богачей имеют гораздо большие размеры. Расположение построек в усадьбе специфически татарское. Дом почти никогда не выходит непосредственно на улицу [1]), а несколько отступя от нее, так что перед домом всегда имеется садик, хотя бы в 2—3 метра, отгороженный от улицы забором. Чаще всего дом отстоит от линии улицы на 8—10 метров. Только у зажиточных татар, как крестьян, так и торговцев, дом ставится глубоко во дворе и садик имеет ширину 20—25 метров. Остальные постройки располагаются сзади дома обычно под одной крышей, кроме амбара и бани. Последние нередко ставятся на углу усадьбы, противоположной дому, выходя глухой стеной на улицу. У средняков чаще на улицу выходит амбар, а у богатых—баня. Хозяйственные постройки, стоящие поперек двора, отделяют передний двор от заднего. Под навесом, который обычно делается в середине построек, устраиваются ворота на задний двор. Задний двор у татар обычно пуст, на нем иногда разсаживают деревья (неплодовые), самый же дальний его конец представляет гумно и на нем располагается сарай для сушки хлеба, молотьбы и хранения с.-х. инвентаря.

От улицы усадьба отгораживается забором, причем только у самых бедняков этот забор делается примитивным, у средняков же и богачей забор делается очень тщательно и вместе с воротами является предметом особенных забот со стороны хозяина. Забор обычно делается из вертикально поставленных досок, расположенных на горизонтальном «подборе». На щели, между досками, на-

---

[1]) В больших торговых селах этот план не соблюдается и постановка домов ведется совершенно также, как и у русских.

шиваются узкие планки. Наверху забора, а иногда только в той части, которая находится непосредственно против окон, устраивается решетка, состоящая из вертикальных, нередко красиво выточенных, столбиков. Над столбами забора часто помещаются большие деревянные шары, а иногда разноцветные, зеркальные. Ворота большею частью, так называемые, «русские», т. е. покрытые шатром. Створки ворот богато орнаментируются филенками и розетками, хотя резные розетки редки. Вообще в орнаментике у татар резьба встречается редко и украшения базируются на богатой полихромной раскраске. Начиная с средняка, а особенно у богатых татар и мулл, ворота и забор богато раскрашиваются. Обычно забор красится так, что основное поле его делается или желтым или зеленым, узкие планки белого цвета, подбор коричневый, а решетка окрашивается также в два или три цвета—белый или желтый, синий и красный (красными обычно делаются концы столбиков, обделанные ввиде наконечников копья).

В воротах основным тоном является также зеленый или желтый, пилястры и филенки большею частью белые, а розетки раскрашиваются в целую гамму тонов: белого, желтого, голубого, зеленого, красного, причем все цвета берутся чистыми без смешения.

Татарский жилой дом представляет по своей конструкции типичный дом, распространенный по всей средней России. Это—сруб покрытый двухскатной кровлей. Отличие татарского дома состоит во первых в оригинальной орнаментировке, а затем во внутреннем расположении и убранстве, где татарин совершенно оригинален. Дома бывают 4-х, 5 и 6 стенные. Четырехстенный дом, жилище бедняка, представляет сруб, к которому кое как прилажены легкие сени. Пятистенник представляет жилище, где к основному срубу пристроен второй теплый же сруб, так что получается две половины, непосредственно прилегающие друг к другу. Самым же обычным типом жилища татарина средняка и зажиточного является т. н. шестистенник, где две жилых половины соединены обширными сенями, большею частью неотепленными. Шестистенник иногда строится несразу, а сначала четыре стены, обращенные на двор, так что такой дом стоит к улице задом. У богачей план шестистенника усложняется, сенная часть делается также бревенчатой, причем выступающей в обе стороны дома, так что получается как бы 2 длинных сруба, из которых меньший пересекает больший и на плане получается форма креста. Такие дома с крестообразным планом бывают чаще всего двухэтажными, так что средняя сенная часть сруба также является жилой. Внешний вид бедняцкого и слабо средняцкого типа не имеет никаких отличий от обычного, покрытого двухскатной крышей с 2—3 ок-

нами, дома, распространенного по всему В.-К. краю. Только большая зажиточность дает возможность проявления специфического вкуса народности и для изучения любимых мотивов внешнего вида татарского дома и приходится пользоваться как раз образцами более зажиточных и богатых домов.

Первой специфической конструктивной частью татарского дома является расширенное и богато украшенное окно на переднем фронтоне дома, который всегда выглядывает из-за забора. Сначала появляется на этом окне, достигшем размера обычного окна дома, богатый наличник, который, развиваясь, постепенно переходит в сильно развитое сияние, сделанное из пластинок различной длины и окно в таком сиянии получает характер детали общего украшения фронтона. Далее внутренняя часть сияния, где помещается окно, постепенно превращается в нишу, глубиной в 10—20 сантиметров и сияние уже является украшением ниши, имеющей форму $^3/_4$ круга. В дальнейшем развитии ниша превращается в балкончик, вдавленный внутрь фронтона, с красивой решеткой, колонками и с сиянием только над полукруглой средней частью балкончика. Сияние постепенно отходит на второй план и становится иногда даже отсутствующей деталью, главным же мотивом украшения фронтона становится балкончик с колонками по бокам, на котором уже, до некоторой степени, чувствуется влияние русского усадебного классицизма. Окно фронтона, при развитом балкончике—нише, большей частью освещает чердачную комнатку, но нередко оно просто освещает чердак и его размеры и украшения являются исключительно декоративным мотивом фронтона.

К другим конструктивным деталям внешности татарского дома можно отнести и крыльцо или крыльца, которых в зажиточных домах бывает два, соответственно двум сеням. Крыльца бывают или в форме пристроя с двух-скатной крышей, сторона которого, противоположная стене дома, или открыта или имеет 2 двери, т. к. крыльцо перегорожено на-двое. Внутри крыльца располагаются ступеньки лестницы, ведущей в дом.

Снаружи такие сени украшаются колонками, а также пилястрами и филенками. Вслучае если лестница находится уже в сенях, вместо крыльца строются два навеса, подпертые колонками с красивым наличником на фронтонной части двухскатной же крыши.

Имеет ряд специфических особенностей и способ обшивки домов. В первую очередь обшиваются углы сруба, причем обшивка делается из горизонтально или наклонно поставленных дощечек, налегающих друг на друга, так что получается чередование одинаковых, внешнего и внутреннего ряда, пластинок.

Обшивка стен также делается горизонтально расположенными досками, причем, на места стыки основных досок обшивки, нашиваются узкие полоски.

Однако, особенностями зажиточного татарского дома являются не столько указанные конструктивные детали (хотя и они специфичны), сколько полихромная раскраска дома, которая является стихией татарина и отличает его резко от других народностей края.

Основная гамма тонов, известная под названием татарского вкуса, является закономерными сочетаниями белого, зеленого, синего (чаще голубого), желтого и красного тонов, взятых чистыми без полутонов. Чаще всего сочетаются белый с зеленым, белый с желтым, голубой и синий чаще составляют фоны, например, фронтона или задней стены фронтонной ниши. Красный цвет является вспомогательным и им окрашиваются детали (боковые стороны столбиков решеток, боковые стены ниши, иногда фризы) основным же тоном красный не является никогда. Для окраски стен домов, если она одноцветна, применяется светло коричневый, точнее песочный, тон.

Вот такой то гаммой тонов и раскрашен татарский богатый двухэтажный дом или фронтон и обшивка углов средняцкого дома. Тщательнее всего раскрашивается фронтон, который вместе с забором и воротами является украшением татарского жилья, видным с улицы и прежде всего бросающимся в глаза при проезде через деревню. Когда проезжаешь по татарской деревне, такие заборы и фронтоны ярко бросаются в глаза среди общей массы цвета старого дерева заборов, а где заборы низки и—простых фронтонов бедных неукрашенных домов. Если таких разукрашенных ворот, заборов и фронтонов много, то они придают красочность и оригинальность татарской улице, хотя и отдельные такие дома сразу дают чувствовать, что эта деревня принадлежит народу, имеющему свою оригинальную культуру, отличную от культуры соседей.

Стены домов, если они окрашивиются, то или в один тон, большей частью в зеленый или песочно-желтый или же в два тона: широкие доски обшивки—в зеленый, узкие же—в белый. Обшивка углов большей частью окрашивается в белый и зеленый или только в белый цвет. Крыльца тоже полихромно раскрашиваются, причем колонки, где они есть, делаются белыми с синими или красными перевязями и с разноцветными капителями.

Главный фасад татарского дома всегда считается тот, куда выходят крыльца и он то более тщательно и украшается, тогда как у фасада на улицу богато украшается только фронтон и наличники окон, которые видны из-за забора.

По внутреннему устройству и убранству татарская изба более оригинальна, чем по внешнему и если домов с разукрашенными фронтонами сравнительно немного, то типично-татарское убранство дома имеется везде, вариируя только сообразно зажиточности хозяина, но всегда, в основных чертах, оставаясь неизменной. Самой типичной является черная или жилая изба дома, которая почти не изменяется от бедняка до богатого. Наиболее простым типом избы является небольшая на два окна изба бедняка, представляющая 4-х угольный сруб, где при входе, по направлению глухой стены, находится печь. Вся передняя стена занята нарами, шириною в $1^1/_2$ метра, которые являются единственной мебелью этого типа жилища. На уровне края печи, нары перегораживаются или досчатой перегородкой или просто занавеской, которая служит для прятания хозяйки, при входе посторонних и с ослаблением затворничества, постепенно исчезает. Далее в простенке между окнами боковой стены ставится сундук, а около печи, на глухой стене, делается ряд полок для посуды и друг. кухонной утвари. Таково расположение и убранство бедняцкого дома.

У средняка изба, или черная половина большой избы, (кара юрт) слегка изменяется, оставаясь той же в основе. Изба перегораживается по линии печи перегородкой, причем дверь во вторую комнату устраивается или между печью и нарами или между печью и задней стеной, где оставляется проход шириною около метра. Нары также имеются в обоих половинах, но в «кухонной» половине они имеют назначение главным образом кухонного стола. Кроме обязательного сундука, в обстановку вводится стол, но он служит только как помещение для самовара и иногда посуды, едят же на нарах. Входят в обиход также стулья, обычно самодельные, слегка измененной конструкции: спинка у них прямая, сиденье узкое, так что сидеть на них можно только перед нарами наклонившись, а не за столом. Между дверью и боковой стеной ставится посудный шкаф обычного европейского образца,

На матице, которая идет поперек избы, вешается оборка (кашага) шириною в 40—50 сантим., из под которой опускается занавес, откинутый в сторону в обычное время и опускающийся, когда в доме чужие, чтоб отделить чистую половину.

Такая же кашага вешается на стене вдоль окон. На окнах вешаются занавески. На стенах вешаются цветные полотенца и рисунки (шамаилы) или мусульманские, представляющие прекрасные образцы каллиграфии, соединенной с стилизацией, а также рисунки без живых существ, или же просто рисунки европейского происхождения, большею частью сельско-хоз. машины. Появляется зеркало и часы. Нары застланы войлоком и с одного края их кладется много обычных подушек, больших подушек (тюнек) и перин (ястык) горкой, которые иногда

отделяются занавесью (чаршау). На нарах, сверх войлока, стелятся стеганные подстилки, узкие и длинные (курпе), на которые, собственно и садятся. Имеются также небольшие курпе, которые подстилаются почетным гостям.

Таков план и убранство избы средняка. В нем можно проследить с одной стороны влияние чисто русское, хотя бы деление избы на 2 комнаты по печи, некоторое количество мебели, но также и кочевое, как нары, несомненно, появившиеся у кочевника в зимнике, где сидеть на полу было холодно и надо было некоторую часть пола приподнять для сиденья. Разделение юрты занавеской на 2 части, чистую и рабочую или мужскую и женскую, совпавшее с удобством делить так избу, представляет также пережиток кочевничества, подкрепленный исламистским требованием прятания хозяйки. Но интересно то, что татарин, совершенно оседлый земледелец, сохранил почетное место (турь), там же где он находится у кочевых турок, т. е. против двери, и турь у татар находится посреди нар, а не в углу, как у всех его соседей, живущих в такой же избе.

Подобный тип избы, с немногими вариациями в смысле увеличения или уменьшения мебели и украшений, повторяется в домах разной зажиточности, вплоть до черной избы богача, в которой живут работники, которая при больших размерах приближается к бедняцкой избе по убранству.

Начиная с средняка, у которого имеется 6-стенный дом, появляется чистая или белая половина (ак юрт), в которой уже нет нар, а, или появляется настоящая европейская обстановка, или просто пол застлан ковром или войлоком. Только большое количество сундуков да обязательная кровать с массой подушек отличают эту избу от таковой же русской.

К особенностям можно также отнести увлечение зеркалами (трюмо) и часами, которых нередко бывает несколько в каждой избе. По плану чистая изба представляет одну комнату с печью посредине, ближе к глухой стене или же чаще пространство за печью превращается в небольшую комнатку, специально для совершения омовений и в ней ставится таз с кумганом и на стенах вешаются полотенца для лица и рук и короткие—для ног. Занавеска по матице имеется также, хотя иногда заменяется легкой перегородкой, которая отделяет как бы небольшую переднюю, куда во время приема гостей женщины приносят угощения, не имея возможности подавать их на стол. На окнах—занавески и обязательные герани и бальзамины, которые имеются почти в каждой, даже самой бедной, избе. Из мебели надо отметить диваны, которые особенно распространены в богатых домах, где имеется специальная гостевая половина, где нет кровати, которая заменяется диваном. Такие диваны часто встречаются у мулл.

Сени в 6-стенном доме обычно разделяются на 2 части: одна хозяйственная, другаа чистая. В сенях устраиваются чуланы и уборная. Неразгороженные сени в 6-стеннике делаются редко. Сени между собой соединяются дверями.

План богатого двухэтажного дома значительно усложняется. В нижнем этаже обычно устраивается в одной половине черная изба, в другой—кладовая так, что она превращается как в под'избье. В сенях устраивается небольшая жилая комнатка. Входные двери: одна ведет в нижние сени, а другая непосредственно наверх в гостевую комнату. Из сеней имеется наверх вторая лестница. Над кладовой, в верхнем этаже, устраивается гостевая комната, а над черной половиной—чистая комната для хозяев, обставленная по описанному образцу (ак юрт). Сени наверху также перегораживаются и в стороне их, над крыльцами, устраивается одна или две небольших комнатки. Из этих сеней устраивается ход на чердак, где помещаются небольшие светелки, освещаемые окнами фронтонов.

Отопляются татарские дома печами двух типов: голландскими и хлебопекарными. Голландская печь татарского дома по своему внешнему виду напоминает старинные русские печи и иногда покрывается расписными кафелями и изразцами. Только со стороны, выходящей в комнату для омовений (куда выходит топка), в печи на высоте метра делаются две ниши размером 30×20×20 сант., из которых в одной вмазан котел для воды. Вторая ниша служит для постановки зимой кумганов. Эти ниши иногда закрываются железными двухраспашными дверцами. Печь для хлебопечения представляет целый ряд отличий от «русской» печи и является соединением хлебной печи и очага, а иногда и голландской. Часть, служащая для хлебопечения и употребляющаяся только для этого, имеет некоторые особенности, вроде, сравнительно, низкого шестка, что об'ясняется привычкой татарок работать сидя на корточках. Сбоку печи пристраивается подтопок, в который вмазаны один или два котла, с другой стороны печь облицована под голландскую, ввиде которой она выходит в большую половину помещения. Лежанка на печи редка, что, вероятно, об'ясняется отсутствием у татар обычая лежать на печи, которое заменяется лежанием на нарах [1]). Хлебная печь татарского образца является наиболее удачной комбинацией хлебной печи и котла и эта печь распространена у всех турецких народностей, которые живут в деревянных домах (башкиры, киргизы (оседлые), даже буряты).

---

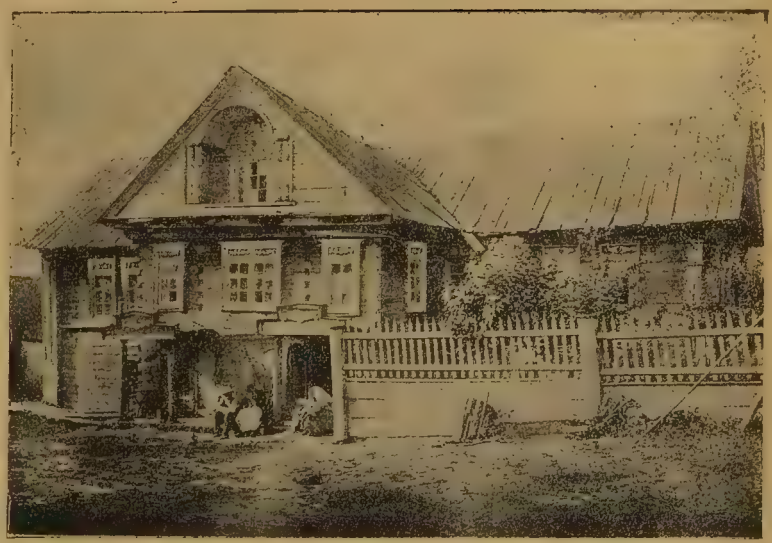
[1]) В бедняцких домах печь по устройству ближе к русской и на ней устраивается лежанка, как у русских.

Надворные постройки по своему типу не отличаются от русских и состоят из теплых и летних помещений для скота, навесов, соединенных общей крышей. Амбар и баня, как уже было сказано выше, ставятся всегда отдельно. Баня представляет собой некоторый интерес, так как иногда она служит прототипом прежнего жилища (Лаишевский кантон). Примитивный тип бани представляет сруб, иногда на половину врытый в землю, с очагом вместо печи. В Арском кантоне черных бань совершенно нет, а бани зажиточных, в некоторой степени, отличаются от русских. Помещение бани разделяется на четыре комнаты: передбанник для раздевания, в глубине которого отделена комната с нарами и постелями; далее небольшая комнатка с тазом, кумганами и полотенцами для окачивания и, наконец, самое помещение для мытья. В такой бане на окнах вешаются занавески, а на лавках стелятся курпе.

Таково жилище татарина крестьянина. Каменных домов в деревне почти совершенно нет, а если они и встречаются, то обычного городского типа. Жилище горожанина по внешности ничем почти не отличается от русского, даже в постановке дома. Только у богатых татар иногда дом находится в глубине двора, отделенный решеткой или же на улицу выходят кладовые. В Казани немало домов, в нижнем этаже которых, или нет совсем окон на улицу или они забраны тяжелыми решетками. Во внутренней обстановке замечается больше европеизма и ближе всех к крестьянскому подходит внутренность мещанского дома. В богатых домах приемные комнаты обставлены совершенно по-европейски, а в жилых—бросаются в глаза широкие диваны и кровати с массой подушек, а также сундуки, обязательные для татарского дома—пережиток кочевого образа жизни. В настоящее время многие культурные татары—горожане живут совершенно по-европейски. Хорошее описание городского дома прошлого столетия имеется у Лаптева «Материалы для географии и статистики России. Казанская губерния» 1861 г.

Одежда. Одежда казанских татар представляет много своеобразных особенностей, об'яснение происхождения которых затрудняется целым рядом позднейших наслоений различного происхождения. Как мужская, так и женская одежда небогата по своим типам и отличается у различных классов большею частью только качеством материала, а не покроем. Только при подробном рассмотрении можно увидеть у зажиточных классов или сильное средне-азиатское влияние (духовенство и консервативная буржуазия) или значительный европеизм у прогрессивной части общества. На крестьянскую одежду немалое влияние оказывает одежда соседей финнов, хотя в общем она остается все же в своей основе специфической. В настоящей статье

К статье Н. И. Воробьева
Казанские татары.



Дом зажиточного татарина—крестьянина д. Атня, Арского кантона.

Дом слабого средняка д. Умба, Арского кантона.
Из фот. фонда Центр. Музея ТССР

нас мало интересует европейское влияние, а более важен тип национальной одежды твердо установившегося образца, который сложился под влиянием многовековых культурных связей с Средней Азией и Персией, так как экономические интересы татар в этих странах всегда были очень велики, и заимствований и обмена с соседними народами, с которыми ряд столетий татары живут бок о бок.

Женская одежда. Обычную одежду, как крестьянки, так и горожанки средняцкого типа, составляет длинное платье с закрытым воротом, узкими рукавами [1]) и целым рядом оборок на подоле. Такие платья, сшитые большей частью из ситца, носят все возрасты, начиная с самых маленьких девочек до старух. Бедняки носят платье из своего холста, окрашенного большею частью в синий цвет (крашенина). Платье старух отличается отчасти тем, что на уровне груди пришивается оборка, шириною в 15—20 сант., а иногда и две. Цвета платьев разнообразны, любимыми являются желтый, зеленый, малиновый и фиолетовый, причем пожилые женщины и старухи носят более яркие тона, чаще всего белый с крупным рисунком. Белья, в европейском понимании этого слова, у крестьянок нет, под платьем носятся только шаровары да нагрудник (кукряк). Женские шаровары одного покроя с мужскими, особого образца, с широким шагом, отличного от русских и от финских. Шаровары довольно плотно облегают ноги и спускаются до щиколоток. Прикрепляются шаровары посредством безконечного шнурка, вдетого в обшивку и завязывающегося петлями. До половины прошлого столетия, среди богатых татарок были в ходу широкие, османского типа, шальвары, выглядывающие из под платья, красного или бордового цвета, но в настоящее время они совершенно исчезли и только крестьянки носят иногда красные шаровары, но обычного покроя.

Кукряк представляет собою четырехугольный вышитый нагрудник со скошенными верхними углами, размера от 10—25 до 20—40 сан., который прикрепляется завязками на шее и спускается по груди, причем он часто виден, так как приполка у татарских платьев не делается и разрез нередко открывает кукряк. Деревенская молодежь к кукряку пришивает мышки, перекидывающиеся на плечо и тогда он заменяет лиф. Кукряки обычно богато расшиваются.

Описанный покрой платья одинаков как для простого, так и для богатого платья, только на богатом шелковом или шерстяном платье, выше оборок на подоле, часто нашиваются фестонами одна

---

[1]) Лет 50 тому назад большим распространением пользовались платья с широкими рукавами.

или две узкие оборки. Свадебные платья имеют тот же покрой, только на них сильнее отразилось влияние европейской моды 50—60 годов, отчего они получили широкие к проймам рукава и большое количество складок на талии. Очень богатые платья делаются из парчи, но покрой тот же, только у старинных платьев (лет сто назад) делались очень длинные рукава, забиравшиеся складками на локтевую часть руки, а иногда даже делались разрезы, куда высовывается рука.

Поверх платья в праздники и в прохладную погоду надевается камзол—безрукавка, сшитая в талию, почти одного образца с мужским камзолом. Камзол обычно делается из более дорогой материи, чем платье, и обшивается по борту, подолу и проймам позументом. Богатые камзолы делаются из парчи. Камзолы бывают короткие и длинные до колен, носимые обычно пожилыми женщинами. Такие камзолы нередко опушаются мехом бобра. Для зимы делаются меховые камзолы, чаще на лисьем меху. Любимым мехом, как мужской, так женской меховой одежды, является мех из лисьих лапок.

Как зимняя одежда, употребляется или длинный бешмет (пальто слегка суженное в талии) почти мужского типа, или шуба (тун) с прямой спинкой. Как бешмет, так и шуба делаются стеганные и меховые и покрываются или сукном (покупным и домотканным) или бархатом и плюшем.

Женские головные уборы. С непокрытой головой татарки не ходят никогда. Крестьянки в обычное время носят платки, преимущественно ситцевые, повязанные на кромку. Выходя из дому, поверх этого платка набрасывается большой, чаще шерстяной, платок свернутый на—угол. Концы его опускаются на грудь и служат татарке в качестве чадры, которой у татар нет [1]). Девушки и девочки нижний платок завязывают не под подбородком, а, проводя кромку через лоб завязывают концы на затылке, так что уши остаются открытыми. Поверх платковъ пожилые женщины надевают т. н. каттажи—шапочку вроде тюбитейки, а иногда и просто тюбитейку. В праздники зимой, поверх платка, надевают бобровую шапку (камчат) хорезмийского образца, с расширением кверху и с бархатным верхом. Девочки, девушки и молодые женщины в праздник надевают т. н. колпачки, которые сверху покрываются платком при выходе из дома. Колпачки делаются в форме мешка с закругленными углами из бархата, трикотажа, шелка и т. п. и с одной стороны расшиваются. Размеры колпачков сильно вариируют, собразно моде, а вместе с тем вариирует и вышивка. В конце прошлого столетия носили кол-

---

[1]) Как пережиток, кое где старухи носят специальную чадру (урпек), который представляет огромный платок, сделанный углом и богато вышитый.

паки, полностью надевавшиеся на голову и длиной 30—40 снт. Одна сторона вся целиком зашивалась красивым узором: шелком, канителью, лентами. Позднее колпачек, постепенно уменьшаясь, превратился в украшение прически и размеры его выражаются в 8—10× 12—15 сантиметров. Колпачек складывается так, что из под платка выглядывает только край его шириной в 3—7 сантиметров и этот край только и украшается вышивкой. Изредка вместо колпачка горожанами носится крымско-татарская круглая шапочка.

Платки употребляются чаще ситцевые т. н. французские, ярких тонов и восточных рисунков. Вторые платки—чаще шерстяные или шелковые. У горожанок широким распространением пользуются шелковые креповые платки коричневых и оранжевых тонов. При колпачке нижнего платка не одевается и дома ходят только в колпачке.

Мужская одежда. Мужская национальная одежда также как и женская сравнительно однообразна у различных классов населения. Происхождение отдельных одеяний различно и у различных классов намечается некоторое преобладание одежд одного происхождения над другим, сообразно тем культурным связям, которые имелись у данного класса и его развитии. Не беря европеизмов, которые в значительном количестве проникают во все классы татарского населения, одежда татар такова.

Основной частью мужской одежды является длинная до колен рубаха с прямым воротом на завязках или на пуговицах и шаровары с широким шагом. Шаровары одного покроя с женскими и также поддерживаются безконечным шнурком, вставленным в их загнутый край. Шаровары делаются из различного материала, начиная от ситца и тика (такие шаровары носят старики) и кончая сукном, но покрой один. У крестьян средних лет самым широким распронением пользуются шаровары из крашенины (самодельного крашенного холста). Старики летом во время жары ходят дома только в шароварах и рубашке, которая никогда не подпоясывается. Мужчины кроме того надевают холщевый фартук с нагрудником, с которым татарин-крестьянин и рабочий никогда не расстается, даже в праздник и то иногда надевается чистый фартук поверх праздничного костюма. Белья у татар также нет, шаровары и рубаха надеваются одни.

В прохладную погоду сверх рубахи надевается камзол такого же типа, как и женский. Камзолы большей частью делаются из сукна или нанки, но некоторые носят камзолы из цветной бухарской материи (богатые). Кроме настоящего камзола, некоторые, особенно старики, надевают камзол с короткими, не доходящими даже до

локтя, рукавами, в остальном же обычного покроя. Такие камзолы в настоящее время сравнительно редки, но в прежнее время они носились чаще, что указывается рядом авторов (Лаптев, Фукс и др.).

По словам татарского историка Г. С. Губайдуллина, такие камзолы имеют очень древнее происхождение и упоминаются греческими авторами, как одежда, одеваемая под кольчугу половцами. Судя по этим данным, камзол с короткими рукавами есть древняя одежда тех турецких элементов, из которых образовалась татарская народность.

Сверх камзола, а иногда и прямо на рубаху, надевается казакин, короткий до колен кафтан того же типа, какой носился молодыми русскими боярами. Казакин—с длинными узкими рукавами и носится всегда застегнутым. Казакин носится всеми классами и отличается по степени зажиточности качеством материала. У богатых казакины делаются шелковыми и светлых тонов (особенно свадебные), в крестьянском же быту носятся казакины суконые б. ч. черные. Каково происхождение этого одеяния сказать трудно, но к татарам казакин, повидимому, попал от русских, являясь формой служилых татар-казаков, одинакового покроя с русскими казаками. Рассасывание служилых татар по различным классам татарского общества внесло эту форменную одежду в обиход этих классов. Эта гипотеза подтверждается целым рядом преданий, расказываемых татарами, но, конечно, не может являться категорическим решением вопроса.

Как верхняя одежда, служит зилян, одного покроя с среднеазиатским чапаном, ввиде широкого халата, расширяющегося к подолу. Зиляны бывают из различного материала и различных цветов. В настоящее время их носят преимущественно старики. Кроме мужчин, зиляны также употребляются женщинами, где им покрываются с головой и он исполняет функции чадры. До настоящего времени, среди горожанок пожилого возраста, можно видеть в пятницу фигуры, покрытые с головой зеленым или полосатым зиляном. Для хождения в мечеть употребляется настоящий ср.-азиатский халат (чапан).

В качестве зимней одежды употребляется т. н. бешмет—длинная одежда, сшитая слегка в талию, плотно облегающая фигуру и застегивающаяся на пуговицы до талии. Бешметы у крестьян делаются большей частью из овчины и покрываются самой разнообразной, но тяжелой материей. У горожан, особенно богатых, бешмет делается на лисьем меху, кроется черным или синим сукном и по воротнику, полам и подолу обшивается мехом, иногда даже бобра.

Такова одежда татар, причем у богатых она изменяется в сторону усложнения, путем внесения в нее ряда украшений. Так, например, к рубахе пришивается отложной, шитый золотом, воротник, который выпускается сверх казакина, на казакин и бешмет пришиваются

красивые металлические или каменные пуговицы, иногда очень больших размеров. Чаще в богатом быту носится ср.-азиатский халат, иногда делающийся из парчи и расшитый золотом. Нередко здесь— прямой перенос костюма, ввиде подарков из Туркестана.

Мужские головные уборы. Головными уборами татар являются тюбитейки и шапка. Тюбитейка представляет собою головной убор, никогда не снимаемый и прикрывающий бритую, по суннитски, голову татарина. Тюбитейке придают чисто ритуальный характер, хотя на родине ислама, в Аравии, тюбитеек не носят, и этот головной убор, повидимому, употребляется только у мусульман турецкого происхождения. Повидимому, тюбитейка развилась из шапочки, носимой под шлемом турецкими народностями. Татарская тюбитейка представляет собой низкий усеченный конус, который при ношении быстро превращается в полусферу. Тюбитейки богато расшиваются и сообразно рисунку носят различные наименования. Горожане, мещане и купцы, а также и интеллигенция, носят тюбитейки черные, бархатные без вышивки. Свадебные тюбитейки богато расшиваются золотом и жемчугом и нередко представляют ценность в несколько сот рублей. Сверх тюбитейки татары носят шапку. Шапка, носимая горожанами, зажиточными татарами средних лет и молодежью, представляет собою низкий цилиндр из каракуля черного или серого цвета. Этот тип шапки является упрощением турецкого типа шапки вообще, с расширенным верхом. Старики, а также и крестьяне, вообще носят шапки ввиде полусферы слегка вытянутой. Внутри шапка делается меховой и край ее нередко опушается также мехом лисы, зайца, а иногда бобра. Такие шапки носятся круглый год. Только во время полевых работ крестьяне носят войлочные шляпы белого цвета, предохраняющие от действия солнечных лучей. Городская молодежь обычно носит летом европейские головные уборы, чаще всего мягкие шляпы. Чалма употребляется редко, только для хождения в мечеть и то лишь у духовенства и стариков. Чалма всегда почти одевается вместе с средне-азиатским чапаном.

Обувь. Национальной обувью казанских татар являются ичиги, на которые при выходе из дома надеваются галоши, чаще кожанные. Ичиги делаются мягкими, на мягкой же подошве и женские богато расшиваются. Женщины кроме мягких ичиг носят ичиги, сшитые на европейский образец с твердой подошвой и каблуками. Орнаментация ичиг чаще всего достигается сшиванием их из кусков разноцветного сафьяна, вырезанного красивым растительным узором. При этом одновременно делаются заготовки для стольких пар ичиг, сколько цветов употребляется в рисунке, так что вырезанный из одного места рисунок вставляется в другое, причем получается экономия

материала. На местах сшивки делается вышивка шелками или канителью.

Кроме ичиг употребляются туфли из кожи и бархата, богато расшитые. Для хождения по дому употребляются туфли без задников.

Крестьяне обычно носят лапти, так называемого, татарского образца, который представляет по виду и технике изготовления, упрощенный чувашский лапоть. Оборы у татарских лаптей короткие, так как онуч татары носят, заменяя их чулками, сшитыми из грубого войлокообразного сукна белого цвета. На этих чулках оборы лаптей завязываются у щиколотки, не обвивая голени, как это делается при наличии онуч. При входе в дом лапти снимаются и ходят в одних чулках. Кроме лаптей употребляются еще лыковые же галоши и галоши из войлока, в которых выходят на короткое время из дома и при возвращении оставляют их на крыльце. Во время сырой погоды одеваются лыковые «башмаки» на деревянной подошве, или из одного куска, или из двух. Башмаки начали получать широкое распространение, особенно в последние годы и теперь прочно привились, служа предметом кустарного промысла татар.

Детские одежды. Детская одежда представляет копию одежды взрослых соответственного пола, только в миниатюре. Только одеяние маленького ребенка отличается своеобразием, являясь примитивом. Можно отметить только, что одежда девочек нередко приближается по типу к одежде старух, например, на детское платье, на уровне груди, нашиваются оборки, носимые только старухами. Вместо тюбитейки, на самых маленьких ребят, надевается мягкая шапочка-чепчик (чаплашка), на которую спереди нашивается ряд украшений и ритуальных предметов.

Украшения. Татарские украшения представляют значительное разнообразие как по типам, так и по вариациям, представляя крупный интерес для изучения. Татары обоих полов, а особенно женщины, носят огромное количество украшений, одни в качестве постоянных, другие временных. По происхождению, украшения весьма разнообразны. Масса привозных форм, причем некоторые с успехом исполняются местными татарскими и русскими ювелирами. В украшениях имеется огромное число самых разнообразных влияний, вплоть до китайского, хотя вопрос об украшениях мало разработан в научной литературе, где кроме статьи проф. Б. Ф. Адлера «Коллекция Л. О. Сиклера» Каз. Муз. Вестник 1922 г., во всех сочинениях о татарах об украшениях имеются лишь общие фразы. Не вдаваясь в подробный анализ, укажем на типы украшений. Надо заметить, что некоторые типы украшений в нашем крае имеют значительную давность, так, например, сравнивая Болгарские украшения

с современно татарскими, нередко находишь совершенно сходные образцы.

К самому распространенному типу украшений относятся кольца, браслеты и накосные украшения. Кольца большей частью делаются с камнями, причем любимыми камнями татар являются бирюза сердолик, аквамарин и аметисты. Мужские кольца очень часто имеют печатки с выгравюрованной фамилией, причем этого типа кольца незаметно переходят в настоящие печатки, которые очень распространены среди городского населения. Кольца простые, без камней и печаток, встречаются реже. Материалом для колец чаще служит серебро—любимый металл татар, из которого делается большинство украшений. Золотые украшения в настоящее время редки, чаще золотятся серебрянные. Колец носят обычно много, особенно в праздники, надевая по нескольку на каждый палец.

Браслеты носятся женщинами постоянно, начиная с богатых татарок до бедняка. Браслеты бывают нескольких типов. Самым распространенным типом является сплошной браслет без замка, надеваемый путем разгибания его. Такие браслеты из серебра носятся постоянно почти всеми татарами. Далее идут браслеты, сделанные из двух-трех фрагментов. Затем количество фрагментов увеличивается и, наконец, браслет превращается в цепочку из бляшек, а иногда и из колец. Сплошные браслеты орнаментируются чаще растительным орнаментом и надписями, сложные же нередко украшаются сканным (бытрке-серке) рисунком и камнями. Разновидностью браслета является обшлаг, шитый бисером, жемчугом с монетами по краю, носимый богатыми татарками на праздничном костюме. Татарские браслеты представляют типы широко распространенные не только среди турецких народностей, но и даже у финнов, только, конечно, в более грубом исполнении.

Украшение, привязываемое на косу, является также, можно сказать. обязательным украшением татарской женщины. В простейшем виде накосник представляет монету или несколько монет, привязанных на шнурке, вплетаемом в косы. Монеты берутся крупные, чаще русские, Екатерининские рубли, к ним припаиваются ушки, а иногда и пробиваются дырочки. Далее накосник усложняется путем появления металлического остова, к которому прицепляется несколько, иногда много. монет разных размеров. Накосники обычно бывают парные соотвественно двум косам прически татарки, но иногда эти два накосника сцепляются и получается одинарный накосник, привязываемый к обоим косам одновременно. Накосники обычно спускаются немного ниже талии, причем если косы коротки, то удлиняется шнурок накосника. Кроме этих накосников существуют специально

девичьи накосники, ввиде двух лент, соединенных параллельно сшивкой в нескольких местах. На них нашиваются монеты или круглые, величиной с серебрянный рубль, орнаментированные бляхи, так что получается два ряда блях, который заканчивается у одного конца, на месте сшивки лент, одной большой бляхой, под которой нередко зашивается записка амулетного характера. Такие накосники прикалываются к основанию косы и спускаются вдоль косы до конечного накосника.

Серьги очень распространены у татар и являются также украшением постоянно-носимым. Типы серьг очень разнообразны, но чаще попадаются серьги с крупными подвесками сканной работы, иногда с камнями.

К нагрудным и шейным украшениям можно отнести изю, каптарма, хаситэ, ожерелья.

Изю представляет собой нагрудник из парчи и лент, надеваемый на грудь поверх платья, а иногда даже пришиваемый к нему. На изю нашивается целый ряд бляшек, пуговиц, футляров для молитв и т. д. В настоящее время изю уже почти не употребляется, хотя изредка надевается старухами и девочками.

Каптарма или застежки бывают нескольких типов: шейные, поясные, обшлажные и изредка грудные. Самыми оригинальными являются шейные каптарма или каптарма джияка, которая является застежкой воротника. Как уже было сказано, воротники как у женских платьев, так и у мужских рубах делаются низкими, застежками ему служат или простенькие застежки или даже простые европейские крючки. На празничных же платьях надевается отдельно красивый парчевый воротник, к которому пришита застежка, ввиде двух одинаковых блях с крючком и с 5 спускающимися на грудь подвесками из мелких бляшек с камнями, заканчивающихся более крупной и более богато украшенной бляхой. Подвески спускаются до половины груди и представляют не столько шейное, сколько нагрудное украшение. Поясные застежки или бывают той же формы, но только без подвесок или же различных форм, которые можно охарактеризовать как бляху, состоящую из двух половин. Этот тип, через сканные четырехугольные пряжки, переходит в обшлажные, которые отличаются своей небольшой величиной.

Хаситэ представляет собой чисто нагрудное украшение, ввиде перевязи, надеваемой через правое плечо под левую руку. Хаситэ состоит из нашитой для твердости на картон полосы материи, шириною от 5 до 15 сантиметров и длиною в ширину груди. К концам полоса суживается и на спине проходит ввиде ленты, шириною в 2—3 сантиметра. Задняя полоска или пришивается к остову обоими

концами или с одной стороны устраивается застежка. По верхней части остова проходит обычно или позумент, или широкая, металлическая цепочка. Далее по всему полю нашиваются бляхи, амулеты, пуговицы и т. п. мелкие украшения.

Существенной частью является нашивание мешечка с молитвой, а иногда и металлического футляра для молитвы или даже целого корана. Иногда таких футляров нашивается несколько и в них кроме молитв, девушки хранят любовные записки и стихи. Нами замечено, что на хаситэ, нашиваются всевозможные вещи, почему либо памятные обладателю и иногда имеющие малое отношение к украшениям в обычном понимании этого слова. Например, приходилось видеть значки различных ведомств, ключные бляшки от пароходных кают и даже маленький замок от собачьего ошейника. Одним словом, каждая памятная и интересная вещь нашивается на хаситэ наравне с прекрасными образцами украшений. Кроме хаситэ из материи, встречаются хаситэ, сделанные из крупных блях, сцепленных между собою в несколько рядов.

Хаситэ как будто бы украшение, присущее большинству турецких народностей. Есть они у киргиз, у туркмен, а из соседей татар— у чуваш, но у всех перевязь украшена одинаково и с нагрудной и со спинной стороны и только у татар она принимает форму специфически нагрудного украшения.

Ввиду того, что на хаситэ обязательно нашивается или молитва или амулет, происхождение его можно отнести к ритуальному. Просматривая большое количество хаситэ, можно заметить постепенное упрощение хаситэ и превращение его в битю-мешечек с зашитой молитвой или заклинанием, предохраняющим от вредных влияний и надеваемый также как и хаситэ. Таким образом увеличение количества украшений постепенно превращает ритуальный предмет в украшение, хотя ритуальное значение его и сохраняется. Трудно утверждать подобное положение категорически, но изучение этих украшений невольно наводит на такие выводы. В настоящее время хаситэ уже почти не носят и одевают только на девочек в деревнях, но в прошлом столетии это украшение было очень распространенным.

Далее имеется целый ряд украшений, так сказать, второстепенного значения, которые выступают как части описанных украшений, но однако, представляют собой иногда высокохудожественные образцы татарского и вообще восточного искусства. К таким украшениям относятся бляхи, амулеты, футляры для молитв и т. п. мелкие предметы, количество типов которых очень велико.

Бляхи представляют собой богатоукрашенные сканью и камнями предметы различной формы и размеров. Они нашиваются большею

частью на хаситэ, изю, накоснеки, а также на верх старушечьей бобровой шапки.

Амулетами являются украшения различной формы, которые или сделаны из камней, имеющих амулетное значение (сердолик, бирюза) или по своей форме имитируют ритуальные предметы (сердоликовые наконечники стрел, имитирующие настоящие каменные наконечники, которым придается амулетное значение у всех народов края и в частности у татар).

Футляры для молитв, а иногда и для миниатюрного издания корана, имеют также слишком разнообразную форму и отделку, начиная от грубых, едва орнаментированных четырехугольных ящичков, и кончая прекрасными образцами или сканными или сплошными, но с богатым чеканным орнаментом из веток и стилизованных надписей.

К украшениям можно отнести красивые серебрянные или каменные пуговицы, начиная от мелких рубашечных, величиной с зерно чечевицы, и кончая огромными пуговицами для верхнего платья (разм. до голубиного яйца).

Материалом для постройки тетарских украшений служит преимущественно серебро, реже бронза, а еще реже золото. По месту изготовления, украшения слишком разнообразны. Часть их изготовляется на месте татарскими ювелирами, часть даже русскими (Рыбная слобода), но ценные украшения большей частью средне-азиатского, персидского и османского происхождения. Огромные экономические связи, которые имела татарскоя да и до татарская местная буржуазия с Востоком дала прямой перенос предметов роскоши оттуда. От буржуазии же украшения проникли в народные массы, которые усвоили привычные восточные образцы, сделали их своими, изготовляя их на местах, грубо подражая восточным. Огромное количество монет, которые являются непременной частью некоторых украшений (накосники), дают некоторое право говорить о финском влиянии, т. к. в финском быту монета самый распространенный тип украшения, который, повидимому, сменил громоздкий тип древнечудских шумящих подвесок. На те же соображения наводит и ношение в деревнях особых брошей из монет, довольно больших размеров, которые напоминают такие же нагрудные наколки у мари и мордвы. В среду буржуазного класса проникли также украшения общеевропейского образца, но они обычно употребляются в неумеренно в большом числе.

К украшениям же необходимо отнести употребление косметических средств, которое широко распространено среди женщин, начиная с буржуазии и кончая крестьянством, что отмечается почти

всеми авторами, особенно Фуксом (Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях, стр. 31 и далее).

Наиболее широким распространением пользуется, кроме подкрашивания лица, сурмление бровей, для чего употребляются особые красивые бронзовые и серебрянные флакончики с сурьмой, которые есть в каждом татарском доме, а также окрашивание в красный цвет ногтей, иногда и зубов (в черный), (красят только замужние женщины). Крестьянки иногда употребляют для подкрашивания бровей, за неимением сурьмы, мягкие номера карандашей.

Утварь. Дав обзор жилища, одежд и украшений татар, остановимся подробно на предметах жизненного обихода, которые также не менее других факторов характеризуют культуру народа и те навыки, каковые народ приобретает в своей хозяйственной деятельности, будь то инвентарь производства или обихода.

Прежде всего остановимся на утвари, служащей для изготовления и принятия пищи, в связи с кухней народа. Инвентарь, служащий для изготовления пищи, не велик, т. к. огромное число кушаний изготовляется в котле—главной утвари для приготовления пищи у кочевых народоностей вообще и у турецких в частности. Котел, вмазанный в очаг хлебной печи, является в бедняцком быту почти единственным предметом для варки пищи. Глинянные горшки у татар служат только для хранения молока и самими татарами не изготовляются [1]). В быту более зажиточном появляются сковороды, жаровни и т. п., уже европейского образца.

Утварь для хлебопечения состоит главным образом из добленного корыта, в котором замешивается тесто и небольшой кадушечки квашни.

Хлеб печется непосредственно на поду, также как и всеми другими народами края. Для принятия пищи употребляются чашки глинянные и деревянные, а также тарелки. Едят деревянными ложками, вилки не употребляются даже у богатых, кроме живущих поевропейски. В большом употреблении большие фарфоровые блюда, на которых подается плов, резанное мясо и т. п. Широким распространением пользуются чашки китайского образца, частью китайского происхождения, частью вырабатываемые на русских заводах, специально для восточных народностей. В таких чашках подаются пряности, молоко и т. д. Огромное значение у татар играет чай, который

---

[1]) Интересно, что керамические изделия татары не изготовляют сами в настоящее время, хотя раскопки на месте поселения болгар, также турок, дают большое количество керамики местного производства.

пьется и в больших количествах. Чай приготовляется поевропийски и только кое-где, в консервативных семьях, приготовляется чай по киргизскому образцу с жиром и пряностями. Обычно чаепитие происходит из самовара, которых татары, сообразно достатку, имеют несколько и содержат в образцовой чистоте. Чай пьется из маленьких специальных чашек с закругленным дном, которые, вероятнее всего, являются вариантом маленьких китайских чашек, употребляемых другими турецкими народностями. Чашки такого образца в употреблении у всех классов общества, кроме самых бедных, у которых посуда носит случайный характер и богатых, живущих поевропейски, где в употреблении европейская же посуда.

Во время обеда и чаепития, нары покрываются скатертью, большею частью самотканной, с рисунком, ввиде крупной клетки в несколько цветов (красный, желтый, синий). Посуда покрывается особыми покрывалами, ввиде салфетки, богато украшенной вышивкой. Во время еды подаются также салфетки, холстовые с затканным рисунком краями, такими же как у полотенец, распространенных у татар.

Пища татар довольно сложна и разнообразна, так что детальное описаниеее в сжатом очерке дать трудно, тем паче, что с сравнительно этнографической точки зрения этот вопрос еще не разработан. Основными элементами пищи являются: мясо, жиры и тесто. Овощи употребляются сравнительно мало, преимущественно картофель и то лишь в последнее время, под влиянием русских. Национальным мясом татар является, баранина вопреки указаниям многих старых авторов, которые на первое место ставят конину. У всех турецких народностей баранина является любимым мясом, также как и у татар, причем можно указать на тот факт, что татары даже мясо крупных животных разрезают пластинками также как режут кочевые турки баранину, которую иначе резать нельзя. Конина употребляется сравнительно редко и более бедными классами, которые употребляют в пищу лошадь, почему либо негодную к работе. Только мясо жеребенка, особенно окорока, являются любимым и у богатых классов. Интересно отметить, что конина более любимым мясом являлась у финнов (мари, вотяки) до принятия христианства, где в качестве жертвенного животного, в важных случаях, всегда убивается лошадь, мясо которой тут же поедается. Говорить о взаимных влияниях финнов и татар по вопросу о конине трудно, но данный факт необходимо отметить. Далее в большом употреблении мясо кур и гусей, причем гусь является любимой птицей татарина.

Из жиров, употребляющихся татарами в огромных количествах, употребяется коровье масло, сало, баранье и конское, а также растительные масла, преимущественно конопляное.

Тесто, как ржаное, так и пшеничное, употребляется в больших количествах, как ввиде печений, так и ввиде приправы к жидкой пище (салма, лапша) всеми классами татарского населения.

Незначительное употребление овощей, по нашему мнению, об'ясняется преимущественно тем, что овощи вообще не употребляются кочевниками и поэтому татары принести огородничество с собой не могли. Принятие же в нашем крае арабско-мусульманской культуры, с диктуемым ею затворничеством женщин, немогло повлиять благоприятно на развитие огородничества—этого чисто женского занятия. В настоящее время многие татары заводят огороды и отсутствие их до сих пор об'ясняют именно затворничеством женщин, которое немало наносят вреда вообще хозяйственной деятельности татарина—крестьянина.

Основной пищей бедняка татарина является хлеб, преимущественно ржаной и т. н. салма, т. е. небольшие шарики теста, пускаемые в воду и сдобренные каким нибудь маслом. Салма является главной жидкой пищей татарина бедняка и средняка, причем иногда салма делается мясная и тогда мясо вынимается из варева и подается в нарезанном виде с горчицей и хреном, в качестве второго. Утром крестьянин средняк и бедняк обычно пьет чай с хлебом, а иногда с особым сортом кислого молока—катык, который приготовляется в особых кадушечках (абат-челяк). В обычные праздники (пятница) у богатых крестьян утром употребляется т. н. кымак, нечто в роде русских блинов, только более толстых, которые пекутся с большим количеством масла или сала и едят, их снова поливая маслом. Вечером пьют чай с хлебом, с'едают остатки кымака или хлеб и катык, а иногда подается и сливочное масло.

Вообще кухня богатых татар гораздо разнообразнее: появляется плов, кушанье заимствованное из Средней Азии, увеличивается количество печений, которые подаются к чаю (белиш, перемеч, катлама и т. п.), причем все печенья делаются очень сдобными. Однако, особенного разнообразия достигает кухня богача во время больших праздников, напр., Рамазан-Байрам, когда появляется огромное количество печений, даже краткое описание которых в сжатом очерке не представляется возможным. Отметим только губадью—пирог с начинкой в три, четыре слоя (мясо, рис, яйца, изюм) с огромным количеством масла, а также замечательное сладкое блюдо—кактуш или чак-чак, которое делается из маленьких тестяных шариков, сваренных в масле и залитых медом.

Как уже было отмечено, в питании татар большое значение имеет чаепитие, которое производится при досуге очень часто и в огромных количествах. Все путешественники по татарским деревням

отмечают чаевую повинность, которую приходится выполнять почти в каждом доме, посещенном по делу. Правда здесь, играет роль неограниченное татарское гостеприимство, но и в обычном быту чай все же пьется в большом количестве. В качестве сладкого употребляется сахар и мед, причем последний предпочитается. Из напитков употребляется также шербет, мед, пиво и вино, запрещенное официально исламом, но употребляющееся в значительных количествах, в особенности по праздникам, всеми классами татарского общества.

Постель. Постель в быту татарина, как бывшего кочевника, играет значительную роль, являясь не только предметом для спанья, но и до известной степени заменой мебели. Подушка—стул кочевника, у татарина, правда, употребляется редко в этом назначении, но количество их бывает огромное, сравнительно с другими народностями. Подушки бывают двух типов: обыкновенные, как и у русских и большие, виде вытянутого четырехугольника – (тюшек). Кроме того употребляются еще небольшие перины (ястык). Подушки, в богатых наволочках у зажиточных, и в простых ситцевых у бедняков, кладутся горкой или в одной стороне нар, или на кровати, а тюшек и ястык ставятся вертикально и покрываются какой нибудь тяжелой тканью или ковром. К интересным постельным принадлежностям принадлежит т. н. подзор, который спускается с передней стороны кровати и украшается богатой вышивкой. Постель часто закрывается занавесью (чаршау) или белой, или ситцевой с восточным ярким рисунком. На ночь постель стелется так: сначала стелется войлок или ковер, на него ястык, сверху поперек кладется тюшек, поверх которого располагаются обыкновенные подушки, причем ноги спящего почти всегда находятся на войлоке, т. к. ястык делается коротким. Одеваются зажиточные татары стеганными из клинышков одеялами, а бедняки просто бешметом.

Постель является одним из декоративных мотивов татарского жилища, которое вообще более украшено, чем, например, русское, соответственного достатка.

Декоративное убранство было уже отчасти описано при разборе внутренности татарского жилища, но необходимо дать некоторые детали, т. к. это убранство является типичным для татар. Начиная с средняка, присутствие занавесок на окнах и кашага (оборка у матицы) обязательны, при этом они иногда очень затейливо украшаются фестонами и бахрамой.

Украшающие стены, шамаилы-рисунки мусульманского типа представляют значительный интерес, как единственный вид изобра-

зительного искусства у татар, у которых живопись вообще слабо распространена.

Шамаилем называется у татар всякие рисунки и их можно разделить на два типа: во-первых мусульманские рисунки без живых существ, изображающие или священные места, или мечети, во вторых надписи, исполненные красивой вязью, иногда в виде фигур, например, корабля библейских отроков. Содержание надписей по большей частью религиозное, но иногда в качестве их употребляются народные пословицы и т. п. изречения. Шамаили употребляются в значительном числе и потребность на них вызвала особый кадр ремесленников-каллиграфов и рисовальщиков. Рисунки и надписи раньше в большом числе издавались татарскими издательствами, например, бр. Каримовых.

Кроме шамаилей, по стенам вешаются полотенца холстовые, с красивыми рисунчатыми концами. Эти полотенца с одной стороны являются хозяйственным предметом, с другой—декоративным и, наконец, с третей—ритуальным, т. к. употребление их особенно широко развито при наличии религиозных омовений. В домах зажиточных татар имеются зеркала (по нескольку штук), а также часы, любимые с кукушкой и перепелом, которые также вешаются понескольку штук в одной комнате.

Остановимся несколько на сундуках, которые являются главной, а иногда и единственной, передвигающейся мебелью в доме и которые имеются везде, т. к. шкафов у татар, кроме богатых, совершенно нет и вся одежда хранится в сундуках. Сундуки русского производства, окованные жестью, часто раскрашенные на лицевой части сундука. Сверху сундуки покрываются или ковром, или особым покрывалом (курпэ), таким же как и курпэ на нарах. Курпэ нередко делаются из клинышков и тогда получают название курама курпэ.

Среди домашней утвари имеется целый ряд предметов ритуального назначения, из которых ярче всего бросаются в глаза при беглом осмотре кумганы и тазы для омовения. Кумганы представляют собой кувшины с узким горлом и длинным носиком и ручкой. Приготовляются они большею частью местными ремесленниками и делаются из меди и оцинкованного железа. У буржуазии встречаются кумганы персидского образца, плоские без носика, покрытые богатым, преимущественно растительным, орнаментом. Тазы делаются или железные крашенные, или медные, диаметром до метра. При омовении употребляется два типа полотенец, длинные для лица и рук и короткие для ног, которые обычно и вешаются около таза на стене. Полотенце является также принадлежностью свадебного ритуала и совместно с свадебными онучами (аякчу) дарится жениху невестой.

Такие полотенца очень богато расшиваются и обычно без всякого употребления хранятся всю жизнь в сундуках. К ритуальным же предметам необходимо отнести коврик для моленья (намазлык), который, правда, употребляется и как декоративное украшение комнаты. Намазлык представляет собой кусок ткани, длиной в 1½ метра, шириною в 80—100 сантиметров, богато расшитой с трех сторон так, что самая середина и одна узкая сторона остаются свободными. Намазлыки делаются шелковые, шерстяные и суконные, всегда на подкладке. Иногда вместо шитых намазлыков употребляются специальные коврики, вывозимые из Персии и Турции паломниками. Намазлыки употребляются как постилка при совершении молитвы (намаз), но обычно для этой цели употребляются более простые типы; богато же расшитые намазлыки вешаются на стену на особо устроенном вдоль глухой стены, шесте и являются украшением.

Вышивки. Заканчивая обзор домашней утвари татар необходимо остановится несколько на вышивках и художественном тканье. Отсылая к вопросам чисто художественного анализа этого рода искусства к книге П. М. Дульского «Искусство казанских татар» Москва 1925 г., рассмотрим их с чисто этнографической стороны. У татар орнаментированные вещи употребляются очень часто, причем все их можно разделить на две группы: художественное тканье и вышивка.

Художественное тканье проявляется во первых в скатертях, которые ткутся рисунком, ввиде разноцветных полос, из которых получается крупная клетка, во вторых в полотенцах, у которых рисунчатыми делаются концы. Самым простым тканьем является заткание конца красным геометрическим рисунком по белому полю, причем тканье ведется так, что на белой основе ткется красной ниткой и поэтому обратная сторона дает негатив лицевой, т. е. то, что на обратной красное и наоборот. Тканье таким образом полотенца и салфетки, имеют огромное распространение у всех классов татарского населения и при изучение оказываются одинаковыми с финскими (вотскими и мордовскими), заимствованием у каковых, вероятно, они и являются.

Далее идет сложное тканье в несколько цветов, подбираемых сообразно вкусу татар. Подобное тканье ведется так, что отдельные места основы заплетаются цветными нитками, причем обе стороны являются одинаковыми и только при переходе из тона в тон по горизонтали (считая горизонталь по ткацкому концу) появляется щель. Такое тканье производится не на станке, а на пяльцах. Полотенца с таким узором имеют тот же геометрический орнамент, но в несколько тонов.

Татарский ткацкий станок похож на русский, но рама у него ниже так что сидеть приходится почти на полу и длина рамы больше.

К статье Н. И. Воробьева
Казанские татары.

Крестьяне—средняки в д. Ряси, Арского Кантона.

Тататарская беднота—крестьяне на заработках в Казани.
Из фот. фонда Центр. Музея ТССР.

В остальном же это—вполне развитой станок великоросского› типа с некоторыми отличительными деталями, но совершенно непохожий ни на станок других турецких народностей, ни на финский.

Гораздо богаче и разнообразнее техника вышивки, где допускается большая вариация орнамента и техники. Самой широко распространенной среди татар техникой шитья является тамбур, заимствованый из Средней Азии, причем у татар он получил целый ряд вариаций, начиная от великолепного шитья, не уступающего средне-азиатскому, и кончая тамбуром с крупными петлями, каковой употребляется у крестьян, а также для шитья незначительных предметов. Тамбурная вышивка имеет очень широкое применение, причем гамма тонов у татар гораздо разнообразнее, чем у средне-азиатской вышивки, и дает более изящное впечатление.

Далее идет вышивка синелью, которая применяется для шитья колпаков и свадебных полотенец. Наконец, надо отметить технику шитья золотой и серебряной канителью, которой вышиваются колпачки, туфли, тюбитейки, причем татарские вышивальщицы в шитье золотом достигают большого совершенства. Реже употребляется вышивка гладью, в которой татарки далеко не могут конкурировать с русскими вышивальщицами. Иногда при шитье употребляется смешанная техника. На тамбурной основе шьется и синелью и золотом.

Вообще вышивка в татарском быту занимает очень большое место. Вышивается многое и очень богато, даже в семьях малой зажиточности. Возможно развитие этого рукоделия зависит от затворничества женщин, что можно подтвердить тем, что в последние годы, когда затворничество уничтожается, вышивка перестает быть занятием почти каждой женщины и превращается в кустарный промысел немногих специалистов. Подобный же процесс наблюдался в русском быту в XVIII столетии, когда, после раскрепощения женщины, вышивка сосредотачивается почти исключительно в монастырях, где она, вместе с затворничеством, процветает и до настоящего времени.

Переходя к обзору занятий казанских татар, необходимо заранее оговорится, что автор не задается целью дать экономический очерк татарского населения, т. к. этому посвящается другая статья в сборнике, а целью автора является этнографический анализ хозяйственных навыков татар, рассматривая занятия также с точки зрения бытового уклада.

Основным занятием сельского татарского населения является земледелие или точнее хлебопашество, которое является основным занятием большинства населения. Не касаясь обеспечения землей, как в количественном, так и в качественном отношении, остановимся главным образом, на способах ведения хозяйства.

Сельское хозяйство татарина построено в общих чертах одинаково со всеми народностями края. Применяются одни и те же системы землепользования (трехполье), сеются те же хлеба (рожь, овес, греча, реже просо и пшеница, а также полба), из технических растений сеется лен и конопля, употребляется тот же главный хозяйственный инвентарь, так что, на первый взгляд, хозяйство татарина ничем не отличается от хозяйства русского крестьянина. Однако, при ближайшем рассмотрении, можно заметить, что татарин ведет свое хозяйство менее интенсивно, почему хозяйство экономически гораздо слабее, чем у русского. Земля возделывается более небрежно, инвентарь хуже и, конечно, урожаи также слабее. При настоящем состоянии знаний, трудно категорически называть причины этого явления, но с некоторой долей вероятности можно назвать следующие: 1) худшее качество земли, чем у русского, не дает возможности обеспечить себя исключительно сельским хозяйством, благодаря чему приходится иметь посторонний заработок, на который постепенно переносится центр тяжести и сельское хозяйство начинает являться второстепенным. 2) Вышеуказанная переброска искони городского населения в села, где оно, сохранив привычные городские навыки, не смогло, конечно, хорошо вести свое хозяйство. 3) Затворничество женщин, благодаря чему женщины почти совершенно устраняются от полевых работ, что, конечно, слишком большой тяжестью ложится на мужчин, особенно в небольших семьях. Только последнее время женщина начинает принимать участие во всех работах, как русская и чувашка, но как это отразилось на земледельческом хозяйстве татар, сказать трудно, за краткостью времени.

Скотоводство у татар находится также почти в том же положении, как и у русских, т. е. скот разводится только в количестве, потребном для ведения хозяйства. Из животных татары разводят: лошадей, коров, овец, коз; из птиц: кур, уток, и гусей (особенно много гусей). Породы скота те же, что и у соседних народностей. Уход за скотом, особенно за лошадью, по нашему мнению, немного более тщательный. Татарская лошадь немного слабее русской, но лучше чувашской и марийской. Однако, любовь кочевника к лошадям сказывается и у давно оседлого татарина. При малейшей возможности, татарин заводит выездную лошадь, которая служит для него предметом гордости и величайших забот. Скотоводства, как занятия, среди татар совершенно нет. Для передвижения летом служит, главным образом, телега, т. н. «черемисского» образца, отличающаяся от русской крестьянской телеги более высокой спинкой. Для поездок без клажи татары употребляют или узкие дрожки, или тарантас, в который набивается сено и кладутся подушки. Зимой употребляются,

обычные для нашего края, розвальни. Сбруя татарина, особенно выездная, гороздо богаче, чем у русского. В праздники (Сабан-туй, Джиин), а также во время свадьбы, у татар есть обычай кататься на лошадях, причем одевается хорошая кованная сбруя, запрягается две лошади (если нет своей, занимается у соседа), подвязываются бубенцы и колокольчики. Проехать по соседней деревни быстро и с шумом так, что бы изо всех ворот выглянули сотни женских глаз и врассыпную бежали за экипажем стая мальчишек и собак, представляет предмет гордости богатых татар.

Из других сельско-хозяйственных занятий надо отметить огородничество и садоводство. Огородничество, как уже было отмечено ранее, слабо развито у татар и только картофель садится последнее время очень часто и в больших количествах, но не в огороде, а в поле. Интересно отметить, что почти в каждом татарском дворе имеется садик, но плодовых деревьев, за исключением рябины, в этих садиках почти никогда не встречается, только у мулл, у учителей и более прогрессивных богатых крестьян, иногда можно видить несколько молодых плодовых деревьев. Каковы причины этого явления, автор не имеет данных, [1]) но факт приходится отметить. Отсутствие садоводства, тем паче странно, что фрукты, как свежие, так и сухие употребляются татарами очень охотно, но всегда как покупной материала.

Последним видом сельско-хозяйственных занятий татар является пчеловодство, значительно развитое в деревнях, причем большие пасеки сравнительно очень редки, чаще встречаются отдельные группы ульев во дворах. Например, в Арском кантоне почти в каждом дворе имеется от 2 до 15 ульев, пасек же вне села совершенно нет. Пчеловодством занимаются в большинстве случаев старики, ведущие его очень охотно. Системы ульев встречаются разные, но рамочные, в последнее время, определенно преобладают над колодными, причем техника ведения дела у татар та же, что и у других народностей Камско-Волжского края.

Кустарные промыслы. Слабая обеспеченность землей и слабая постановка сельского хозяйства, требуют от татарина почти обязательно приработка каким либо другим способом. Отдельные лица, сообразно их способностям и склонностям, ведут этот приработок

---

[1]) По мнению некоторых татар историков, отсутствие садоводства у татар об'ясняется частыми переселениями, которые приходилось совершать татарам в связи с русской колонизацией и миссионерской деятельностью, почему у татарина не было уверенности в прочности поселения. По данным С. Г. Вахидова, любезно сообщенным автору, некоторые татарские семьи, в течении нескольких поколений, проделали до 6 таких переселений.

различными путями. Все посторонние заработки населения можно разбить на три группы: кустарный промысел, отхожие промыслы (сюда надо отнести и извозный) и торговля, которой занимаются или в селе, или выделяя членов семьи для торговли в городе.

Наиболее широко распространенным кустарным промыслом татарского крестьянства является обработка кожи, путем ли выработки шкур, или приготовления обуви из выделанной кожи. Обработка кожи изстари отмечается, как промысел турецкого населения местного края. Еще в Болгарскую эпоху, кожевенное производство было настолько значительным, что Болгария была поставщицей кожи на мировой рынок. Считать, что в Болгарскую эпоху были крупные кожевенные производства капиталистического типа, трудно и большинство кожи вырабатывалось, несомненно, кустарями. Этот старинный промысел процветает и в настоящее время. Правда, рост капитала и развитие фабрично-заводской промышленности в последнее столетие перенес главный центр тяжести на фабричную выделку кожи, но все же кустарная выделка овчин и козлин широко практикуется среди крестьянского населения. Пошивка же из готовой кожи обуви, как азиатской, так и сандалий, почти монопольно находится в руках татарских кустарей-крестьян.

Далее, в качестве кустарного промысла надо отметить обработку металлов. Из металлистов на первом месте стоят ювелиры, которыми выделываются огромное количество татарских украшений по восточным образцам. Далее, идут слесаря и часовщики, которые обслуживают местное, и не только татарское, население. Интересно отметить, что несмотря на значительное количество металлистов, среди татар почти не встречаются кузнецы и в Арском, например, кантоне кузнецы в татарских деревнях поголовно русские.

Деревообделочный промысел у татар развит слабо и выражается в выделке лаптей, лыковых башмаков и веретен, но в этом деле татары не могут конкурировать с своими соседями, например, с марийцами.

Важным кустарным промыслом татар является текстильный промысел, который, с одной стороны, выражается ввиде кустарного приготовления тканей, холста и полотенец, а также ввиде пошивочного ремесла. Среди татар имеется значительная группа портных, которые шьют не только для своих односельчан, но и ходят по другим деревням в качестве бродячих портных, так что этот вид промысла является отхожим. Можно отметить еще чисто женский промысел— вышивание, но здесь, как и в обработке металлов, количественно большее число ремесленников приходится на городское население, а не на крестьянство.

Несмотря на значительное развитие кустарных промыслов у татар, слабая экономическая мощь все же заставляет огромное количество сельского населения искать заработка отхожим промыслом в городе или в больших селах. Осенью города края, особенно Казань, наводняются крестьянами, преимущественно татарами, из которых большинство берется за всякую черную работу, чаще распиловку дров, а знающие ремесло, как плотники, каменщики и т. д., ищут соответствующей работы. Проработав некоторое время, крестьяне возвращаются обратно в свои деревни. В качестве отхожего промысла также сильно распространен извозный промысел, которым занимаются крестьяне, имеющие лошадей. Извозный промысел ведется или артельно, по перевозке грузов по грунтовым дорогам края, или же в качестве ломовых извозчиков в городах, где группа односельчан работает в качестве извозчиков, ведя общее хозяйство. В течение зимы, количество этих временных извозчиков под общей кличкой «барабуз», в Казани очень велико и они работают за чрезвычайно низкую плату.

Некоторые группы татар крестьян находятся, так сказать, в постоянном отхожем промысле, работая в городах, но не нарушая хозяйства в деревне, куда они выезжают сами, или члены их семьи, во время работ. К таковым относятся рабочие на заводах, в мастерских, ремесленники, постоянные извозчики и, наконец, прислуга (дворники, служителя и т. п.), которые всю жизнь живут на постоянной службе в городе, не порывая связи с сельским хозяйством, но все же постепенно переходя в ряды городского населения с его рабочими навыками.

Зажиточные и богатые татары крестьяне и горожане занимаются торговлей или как основным занятием, или в качестве подсобного к сельскому хозяйству. Многие крестьяне, особенно больших сел, ведут те или другие торговые операции, большею частью ввиде заготовки сырья, которое перепродается затем уже настоящим торговцам из города. Почти каждый торговец сельско-хозяйственными продуктами или фабрикант Татарии имеет значительную агентуру в деревне, где богатые крестьяне скупают для него нужное сырье, например, кожи и яйца скупаются почти монопольно деревенскими кулаками и перепродаются в город настоящим торговцам, которые ведут торговлю иногда даже за пределами государства[1]). Городское татарское население состоит, преимущественно, из рабочих на различных производствах, мелких ремесленников и торгов-

---

[1]) Эти данные относятся к дореволюционному прошлому, но в некоторой мере наблюдаются и теперь, хотя в небольших размерах.

цев различных типов. Среди т. н. татарского мещанства, значительное количество лиц ведет мелочную торговлю различными товарами или в маленьких лавках, разбросанных по городу, или в разноску. Татарская буржуазия ведет уже крупную торговлю не только в пределах края, но и вне его, особенно на Востоке, а к моменту Октябрьской Революции часть буржуазии уже выступила в качестве крупных промышленников.

Заканчивая краткий этнографический очерк материальной культуры татар, можно сказать, что в изучении татарского быта имеется неограниченное поле для работ исследователя, так-как большинство вопросов только намечено и ни один из них нельзя считать разрешенным сколько нибудь удовлетворительно. Изучение татар, ведшееся, за исключением немногих исследователей, под углом необходимости доказать преимущество русской культуры, над татарской, дало очень незначительные результаты для беспристрастного анализа, ибо фактов очень немного и многие из них искажены. Из беспристрастных работ надо указать на работы Фукса и его фактами в значительной степени пользовались последующие ученые. Большое количество сырого материала по татарскому быту имеется в татарской беллетристике, напр., в сочинениях Исхакова, Ибрагимова и др., но к сожалению эти произведения незнакомы русским работникам, из-за незнания татарского языка, а переводов на русский язык, кроме отрывков, нет.

Настоящий очерк, конечно, бледен и далеко не охватывает вопросов изучения, но он является первой сводкой по татарскому быту, написанной после революции на русском языке. В этом очерке использовано много новых фактов, добытых в последние годы и еще неопубликованных, а литературные материалы подвергались значительной критике. Конечно, при такой работе недостатки обязательны, но это первая попытка обзора татарской этнографии после освобождения татар от миссионерско-капиталистического гнета, и вхождения их, в качестве равноправного члена, в семью народов Советского Союза.

Очерк духовной культуры автор надеется дать в следующем сборнике, когда можно будет привести в порядок весь, заново добытый, материал.

Н. В. Никольский.

ЧУВАШИ.

Чуваши в пределах Татреспублики имеются в следующих кантонах: в Казанском, Лаишевском, Свияжском, Спасском, Тетюшском, Чистопольском, Бугульминском и Мензелинском.

Общее количество их таково.

№№	КАНТОНЫ	ЧИСЛО СЕЛЕНИЙ							
		Число душ обоего пола	Всех, в кот. живут чуваши.	С чувнасел. исключител.	С пер. чув. над русск.	С преобл. нас. русск. над чуваш.	С преобл. чув. нас. над татар.	С преобл. тат. насел над чуваш.	Смешан.
1	Арский	1.000	2	1	—	1	—	—	—
2	Лаишевский	600	2	2	—	—	—	—	—
3	Свияжский	5.000	5	2	—	2	—	1	—
4	Спасский	38.500	24	11	10	3	—	—	—
5	Тетюшский	88.000	61	46	5	4	2	4	—
6	Чистопольский . . .	123.000	88	41	16	13	3	6	9
7	Бугульминский . . .	51.000	48	29	10	5	—	—	4
8	Мензелинский	85.000	66	49	6	2	—	7	2
	Всего по 8 кантон. .	392.100	296	180	47	30	5	18	15

Чувашское население Татреспублики, выраженное в процентах, составляет лишь 4,7 при 51,1% татарского и 40,9 русского. Главная масса чуваш живет в губерниях Поволжья и Сибири. В отношении языка они составляют массу, так называваемых, низовых чуваш, т. е. укающих: пуран, (верховое: поран), турт, (верх. торт), но в смысле примесей языкового характера, здесь следует отметить большое количество элементов татарского языка у чуваш Тетюшских, Бугульминских, Чистопольских и Мензелинских. Руссинцизмы встречаются у чуваш Свияжских, Казанских, Спасских и Лаишевских.

По внешнему виду чувашин Татреспублики представляет некоторое разнообразие. Свияжский, Тетюшский, Арский чувашин выглянет здоровее, энергичнее и более рослым, чем чувашин Чистопольский, Лаишевский, Мензелинский.

Одежда. В национальном костюме замечается большая устойчивость у чувашина Тетюшского, Свияжского, некоторые колебания в сторону татарского—у чувашина Чистопольского, Мензелинского, уклон в сторону русского костюма—у чуваш Арского, Спасского, и Лаишевского кантонов. В культурном отношении чувашин остается верным себе в кантонах: Свияжском, Тетюшском, Лаишевском и обнаруживает тяготение к чисто русской культуре в кантонах: Арском, Лаишевском и Спасском. Некоторый уклон в сторону татарской культуры делают чуваши Чистопольские и Мензелинские.

Грамотность и просвещение среди чуваш Татреспублики представляются в таком виде.

В 1920 году чуваш грамотных было мужчин 36,9%, женщин 10,7%, обоего пола 22,2% и чуваши стояли несколько выше татар, 21,8) и мари (18,4) и значительно ниже русских (м. 54,6%, ж. 26,7%, обоего пола 38,3%).

Занятия. Главным занятием и средством существования чувашина Татреспублики является земледелие. Возделывает он свою землю по—старинному, «как отцы и деды завещали». Везде трехполье. В большинстве случаев орудием обработки служит соха. Плуг заведен, главным образом, у закамских чуваш. Травосеяния пока нигде нет.

Скотоводство развито в слабой степени и ограничивается потребностями крестьянского хозяйства. Считается хорошим хозяйство, если имеются: 1 лошадь, 1 корова, 2—3 овцы, 1—3 свиньи, 5—10 кур, В настоящее время таких хозяйств немного. Безлошадных хозяйств почти на-половину. Пчеловодство заметно среди чуваш Казанских, Свияжских и Тетюшских; очень мало развивается у чуваш Чистопольских и Мензелинских. Ульи обыкновенно рамочные. Торговое дело среди чуваш ТССР не развивается. Если чувашин выступает на рынке, то исключительно со своими сельско-хозяйственными сырыми продуктами. Лесоводством и лесным промыслами занято около 1000 чел., т. е. 0,25%. Рыболовство и охота отвлекают еще менее рабочих сил среди чуваш.

Кустарные промыслы за последние годы начинают привлекать к себе больше и больше сил. Однако их нельзя считать существенным занятием чуваш. Кустарным промыслам чуваши уделяют лишь время свободное от сельско-хозяйственных занятий.

В зачаточном состоянии находятся промыслы кожевенный, скорняжный, шорный. Сравнительно более развиты льняная пряжа и ткани.

Прядением и сучением льняных ниток, тканием холста, полотенец и т. п. занимаются в каждом чувашском доме для собственного потребления; если же эти изделия поступают в продажу, то лишь за удовлетворением домашних потребностей. Промысел этот состоит в переработке льна в пряжу, из которой ткут холст для домашнего употребления, причем промысел обнимает собою все производство от начала до конца. Женщины и несовершеннолетние девушки почти преимущественно работают в зимнее и весеннее время и всегда в жилых помещениях. Вытканный холст белят на солнце, т. е. его несколько раз обмакивают в воде и растилают на траве или развешивают на заборе.

Около 0,05% чуваш производят войлочные изделия: выделка шляп, теплой обуви, подхомутин, кошем, полостей и потников. Портняжный промысел у чуваш составляет 0,07%. Промысел этот состоит в шитье кафтанов, портов, полушубков, рукавиц, азямов и прочей крестьянской одежды и обнимает собою все производство вполне, во всех его частях. Сапожное мастерство идет рука об руку с кожевенным производством и занимает очень ограниченный круг лиц. Бондарный промысел занимает 0,5% всего мужского населения. Этот промысел состоит в выделке бочек, кадок, ульев, ведер, коромысел, обручей, лоханок, квашен. Тележным промыслом занято 0,02%. Столярным и плотничным делом занято около 1% чуваш. Готовят мебель, оконные рамы и т. п. Немного меньше занято выделкой ложек, чашек, солонок, ночевок, корыт, деревянных лопат, зыбок, лукошек, граблей.

Жители местностей, ближайших к лесам, выделывают всевозможные предметы из лучины, прутьев и корней: кузова для тарантасов, саней и плетушек; коробов для вывозки навоза; из коры—приготовление бураков (для держания жидкостей), лаптей, рогож, решет, пещеров (подранца); из лучины—приготовление корзин и половиков.

Бюджет чувашина ниже среднего, сравнительно с русским или татарским. Если средний бюджет русского мы примем в 250 р., то чувашский будет составлять сумму в 210 р. с промыслами, а без промыслов около 150 р.

Пища чуваш очень незатейлива и в ежедневной пище чувашина преобладает черный хлеб, картофель, каша (пшенная и полбенная). Очень редко употребляется масло, мясо, сыр, молоко, т. к. нет средств приобрести всего этого на рынке, а тем более выработать у себя в хозяйстве.

Обычное право чувашина представляется в таком виде. Право наследования принадлежит прямым потомкам по мужской линии. В видах предотвращения ссор между наследниками, отец заранее распределяет между ними свое имущество. Чисто распорядительное зна-

чение имеют чувашские завещания. Завещаниями налагается на наследника: кормить осиротелых жену и дочерей, честно похоронить и поминать; сестер кормить до замужества и выдать замуж. Если муж, за неимением детей, завещал свое имущество жене, родственники мужа могут отобрать у нее это имущество при выходе ее вторично замуж.

Собственность в старину обозначалась пятнами, знаменами, тамгой. Теперь эти знаки встречаются очень редко.

Если кто-либо построит что-нибудь на чужой земле или посеет, и строение, и посев, и посадка принадлежит собственнику земли. Но он обязан вознаградить за материал и труд. Случаи общего владения движимым или недвижимым имуществом между чувашами нечасты. Сообща владеют, напр., банями, колодцами.

Усадебная земля, как и поле, может подлежать переделам одновременно с переделом поля. Поля, леса, луга делятся по наличным душам мужского пола, а в самое последнее время, по едокам.

Известны случаи запрещения действий, не наказуемых; наоборот, некоторые действия, подлежащие наказаниям по закону, народ не считает преступными, напр., лесные порубки.

Замечается снисходительное отношение у чуваш к тем, кто укрывает следы преступления, или преступника, или вещи, добытые преступлением. Доносить обычно боятся, т. к. доноситель потерпит значительный вред от преступника. При различных взысканиях размер определяется состоятельностью виновного, его семейным положением и семейными повинностями.

К лицам, бывшим под уголовным судом, но не наказанным, чуваши относятся с меньшим уважением, чем к прочим. И вообще крайне неохотно принимают людей, отдаваемых под их надзор после отбытия наказания в местах заключения. Исключения делаются только относительно лиц, невинно пострадавших.

Ссылки по приговорам обществом наблюдаются редко, в крайних случаях. К этой мере прибегают, когда данное лицо заявило себя со стороны неспособности жить в согласии с обществом, уважать его имущественные права. Имущество ссылаемого продается; выручка отдается на путевые издержки высылаемому лицу.

Общественные преступления караются очень редко. Оскорбление должностного лица рассматривается как нетерпимое, но заслуживающее снисхождения. Ропот неудовольствия раздается там, где принуждают членов схода по отдельности подавать голоса. Случаи подкупа для подачи на сходе голоса в определенном направлении вызывают апелляции к суду волостному.

Недозволенное врачевание не считается преступлением. Знахари пользуются большим авторитетом, чем врачи. Равнодушно относится народ и к непринятию мер предосторожности против заразы скота и против скотских падежей.

Заключение и совершение договоров обыкновенно сопровождается могарычами, молитвой, рукобитием. После молитвы договор считается окончательно закрепленным. Договоры, касательно земли, ценных вещей, облекаются в письменную форму.

Займы между чувашами практикуются нечасто. Заимодавцы обеспечивают себя залогом, берут, например, женские украшения.

Наем пастуха происходит на сходе. Если бедняк согласился пасти, он угощается пивом, водкой. Дары, которые получает пастух при выгоне скота, несложны. Дарят иногда платки, одежду. Попастушный счет ведется по череде. Крупная скотина: корова, быки составляют каждая полный черед, свиньи, овцы—части череды. Плата пастухам производится иногда до вступления ими в отправление своих обязанностей.

Помочи практикуются при общественных работах, при полевых, при вывозке леса для крестьянских построек, а в особенности после пожара или каких-либо общественных бедствий.

Бывают помочи общие, т. е. сначала помогают одному, потом другому и т. д.

Помогают за одно угощение. О каком-нибудь вознаграждении не заводят речи. Есть обычай соединяться нескольким хозяевам лошадьми, телегами для общей работы.

Артели существуют для приобретения сообща сырого материала на изделия, для производства и сбыта последних.

Преступление в народе считается важнее, чем грех. Обычай мстить виновному за преступление существует среди чуваш в такой форме. Мстителем является прежде всего потерпевший; если он не достиг желаемого результата, то приглашает к мести все общество или часть его. Чтобы наказать того, чья лошадь совершила потраву, берут ее кал, сжигают или наговаривают. Такая лошадь, по воззрениям чувашина, непременно умрет.

Обычай признает за потерпевшим от преступления право на вознаграждение за причиненный ему преступлением вред, не только за вред имущественный, но и за иные случаи вреда, напр., увечье. Отвечают вознаграждением также подговорщики и помогавшие преступлению.

Семейный быт. Браки совершаются или по взаимному уговору с невестой и ее родителями или путем похищения. Свадьба, по всем правилам старины, стоит очень дорого для крестьянина, (калым пла-

тится от 40 до 400 и более рублей). Для сокращения калыма и свадебных расходов совершаются браки через похищение. Жених и невеста договариваются о дне похищения. Невеста вручает сурбан (головную повязку) жениху.

С похищенной невестой брачные церемонии совершаются на-скоро. Пирушка небольшая. И этим кончается дело.

Насильственное похищение совершается в тех случаях, когда невеста упорно отказывает жениху в согласии. Жених, совместно с другими парнями, подкараулив где-либо невесту, усаживают ее на телегу или тарантас и везут в дом жениха, для отправления краткого брачного ритуала. После этого невеста уже теряет право возвращаться домой.

Браки по прямой восходящей и нисходящей линии кровного родства у чуваш запрещаются. По боковым линиям кровного родства брак запрещается до 6-й и даже до 7-й степени. Нельзя жениться на родной сестре, на двоюродной или троюродной сестре по отцу; на двоюродной или троюродной сестре матери жениться можно. Нельзя жениться на племяннице до троюродной включительно. В других видах родства (2-х и 3-х кровного) браки допускаются в близких степенях.

Позволяется жениться на жене своего умершего брата, на своячинице после смерти 1-й жены. Нельзя жениться двоим братьям на двух родных сестрах. Позволяется жениться на племяннице умершей жены.

Количество браков у чуваш не установлено. Можно жениться по нескольку раз. Двоеженство допускается с согласия первой жены, при неимении от нее сыновей или бездетности. Преобладающим положением будет пользоваться первая жена.

Власть в семье распределяется так. Внешняя распорядительная власть принадлежит отцу—хозяину, а внутренняя, контрольно исполнительная, матери—хозяйке.

Приобретение материалов, уход за скотом—все это относится к обязанности мужчин. Мужчина же совершает и религиозные моления. Если женщина совершает их, то надевает на голову мужнину шапку или держит ее под мышкой или за пазухой.

Имущество женщин отделено от имущества мужей и семьи. Все заработки женщины принадлежат ей. Приданное снох является их собственностью. Прежняя скотина есть собственность матери семейства. Лошади их работают на всю семью, но приплоды считаются собственностью снох.

К статье Н. В. Никольского.
Чуваши.

Чувашки.
Из фот. фонда Центр. Музея ТССР.

В. Т. Соколов.

МАРИ.

Мари, живущие на территории Татреспублики, народ финского племени, относящийся к приволжской группе, а по языковым признакам они стоят ближе к восточным марийцам, чем луговым. В Татреспублике они живут в северо-восточной части, в кантонах: Арском, Мамадышском, Елабужском и Мензелинском. Их в настоящее время насчитывается здесь около 18 тысяч.

Когда марийцы поселились на занимаемых ими местах и откуда переселились, трудно сказать, нет пока исторических данных, но их история безусловно тесно связана с историей вообще мари и в частности вятских, уржумских и уфимских. Если верить народным преданиям, то они, повидимому, переселились сюда из Уржумского и Краснококшайского уездов.

Марийцы в Татреспублике территориально не составляют компактной массы, они разбросаны среди татар, русских и вотяков, встречаются и смешанные деревни из марийцев и татар. Марийские деревни по количеству дворов сравнительно небольшие, обыкновенно в них от 40—100 дворов. Дома идут в два ряда, по обеим сторонам улицы и образуют обычно одну или две улицы, смотря по тому, где и как расположена деревня. Улицы прямые, часто усажены деревьями, обыкновенно отличаются чистотой. Дома строятся по русскому образцу—по-белому с карнизом и на улицу в два-три окна. Внутренность марийского дома по существу от русского ничем не отличается, также по стенам стоят лавки, в переднем углу божница, посредине избы, ближе к заднему углу, кухонная или русская печь, на стенах нередко висят картины, даже на окнах появляются цветы. Но изредка в глухих деревнях встречаются избы и по-черному. Около избы располагаются и другие хозяйственные постройки: сени, амбары, хлева, сарай, конюшни и «кудо». Амбары у мари обыкновенно бывают двухэтажные, нижний этаж для хранения зерна, муки и т. д., а верхний—для одежды.

Особенностью марийского двора является «кудо», который представляет из себя ничто иное, как самый обыкновенный деревянчатый сруб, крытый тесом, без пола и потолка, с дымовым отверстием в крыше. Он, повидимому, является пережитком древнего жилища марийца, каковым он является и в настоящее время, служа у многих в качестве летнего помещения [1]). Марийцы после 8—9 месячного пребывания в душной избе, с наступлением лета перекочевывают в «кудо». Здесь они варят себе пищу, едят, работают, принимают гостей, совершают религиозные обряды и т. д. Одним словом, летом вся жизнь марийца проходит в «кудо». По своему внутреннему устройству и обстановке «кудо» отличается крайней простотой, даже первобытным характером. Вдоль стен устроены лавки, вместо стульев и скамеек употребляются чурбаны (тур пукен), в переднем углу стоит стол. Посреди «кудо» устроен очаг для костра, над которым висит деревянный крючек для котла. Кудо среди марийцев Татреспублики в настоящее время уже выводятся, по крайней мере вновь уже никто не строит.

Бани у всех построены по-черному. Марийский двор всегда отличается чистотой, мариец каждую соломинку, каждый сучек убирает со двора. Но совершенную противоположность представляет внутренность дома—здесь поражающая грязь и пыль. Марийская женщина не научилась еще соблюдать чистоту. Марийцы являются большими любителями зелени, как бывшие лесные жители, поэтому и неудивительно, если их деревни утопают в зелени.

В отношении костюма марийцы, более сохранили самобытность, особенно женщины. Правда, влияние татар чувствуется в некоторых местах, как, напр., в Мамадышском и Мензелинском кантонах. Здесь нередко можно встретить марийцев в бешмете, камзоле и в татарской шапке. Обычным костюмом марийца является белый или черный кафтан из самодельного сукна, а летом—белый холщевый кафтан с борами. Нижнюю одежду составляет вышитая на груди, плечах и спине длинная холщевая рубаха. Женская рубаха только тем отличается от мужской, что она длиннее, шире и богаче вышивками и украшениями. Поверх рубахи женщины носят еще шобыр (род балахона), расшитый кругом по краям шелком или шерстяными нитками; подпоясываются самотканным лентообразным шнуром, украшенным кисточками, серебрянными монетами и бисером; кроме того, подпоясываются еще кушаком. Праздничный костюм, как мужской,

---

[1]) Что «кудо» действительно был первобытным жилищем видно из того: марийцы и в настоящее время дом называют кудо. По мордовски дом—кудо, по фински—Kota.

так и женский, шьется из белого тонкого холста, вышивки и украшения богаче и красивее. На ноги женщины навертывают черные шерстяные онучи, а мужчины—белые портянки. Лапти носят двух сортов, по будням—семилычные (шым ниан), а по праздникам, главным образом женщины,—девятилычные (индэш ниан). За последнее время мужчины, особенно молодежь, по праздникам начинают носить сапоги, а девушки ботинки. Нужно заметить, что русский костюм все более и более начинает проникать в марийскую массу.

Нагрудные и шейные украшения особенно отличаются своеобразностью, хотя здесь тоже не менеее сильно сказывается влияние соседей, особенно турок. Для украшений, в том числе и грудных, употребляют бисер, серебряные, металлические монеты и раковины (cyrtea moneta), которые пришиваются на холщевые ленты, надеваемые на шею или на четырехугольный лоскуток кожи, прикрепляемой к груди. Чем больше на груди носит серебра, тем женщина считается богаче. На руках носят браслеты, кольца, в ушах серьги. На голове носят местами тюрики, но не на затылке, как в Уржумском уезде, а над лбом, а местами—шымашавич, род полотенца, которым оберты вается голова, а концы спускаются сзади.

Главное занятие марийцев Татреспублики составляет земледелие. Сеют они рожь, овес, гречу, полбу, лен и коноплю. Занимаются также огородничеством и скотоводством, но это имеет только побочный характер, оно не служит серьезной доходной статьей в хозяйстве, поэтому оно и ведется кое-как. Любимым занятием многих марийцев является пчеловодство, которое развилось у них в силу исторических и экономических условий. Хозяйство у марийцев ведется почти первобытным способом, простая соха пока прочно держится у них, о многопольной системе хозяйства только за последнее время начинают думать, но до практического осуществления еще далеко. Вообще ведение хозяйства желает много лучшего. Ремесла среди марийцев мало развиты, редко можно встретить среди них сапожников, столяров, слесарей, кузнецов, шорников и т. д. Все благополучие его основано на урожае, уродился хлеб—он богат, не уродился—бедствует.

В пище марийцы невзыскательны, они довольствуются скромным столом, их обычной пищей является картофельный суп или щи с черным хлебом, или кислая капуста (зимой) с овсяными лепешками. В летнее время любят употреблять кислое молоко. В праздничные дни пекут ватрушки, пироги с разнообразной начинкой—из мяса, рыбы, гороха, творога, свеклы и блины разных видов. Оригинальным и любимым блюдом у них является «шорбал», приготовляемое из кипяченого молока. Мяса употребляют сравнительно мало, и то только в период молений, т. е. осенью, когда, после полевых работ,

начинаются жертвоприношения, как общественного, так и семейного характера. При этом нужно отметить любовь марийцев к лошадиному мясу. Конь—лучшая и высшая жертва богу и конина—лакомое блюдо для самого марийца. Как на особенность нужно указать на приготовление колбасы из конины. Берут свежую, еще теплую, в момент закалывания животного, кровь, мешают с крупой, потом прибавляют сала и набивают этой смесью кишки, затем варя и готово любимое блюдо «шакта».

Другого рода колбасу, так называемую «каж», готовят таким же образом, но без крови и крупы, т. е. из сала и мяса. То и другое является лакомым блюдом для марийца.

Еженедельным праздничным, или днем отдыха, является пятница. Также празднуются во многих местах и церковные праздники, как напр., Пасха, Рождество, Троица, Петров день и др. Кроме того есть и чисто марийские праздники, напр., Ага-пайрам (полевой праздник) и сурэм, празднуются: первый в мае месяце, а второй около Петрова дня. Тот и другой сопровождаются жертвоприношениями, угощениями, играми и бегами (состязаниями). Нельзя не указать и на зимний праздник «Шорык иол» (в переводе на русский язык овечья нога), он празднуется около Рождества. Почему он получил такое название, пока невыяснено. «Шорык иол» празднуется в течение целой недели, он тоже сопровождается молениями, играми и представлениями.

В семейном отношении у марийцев еще до последнего времени не изжита патриархальность. Нередко можно встретить и теперь семьи в 12—15 человек, возглавляемые стариками. Старики не только главы семьи, но и религиозные руководители, жрецы, иногда даже для целого рода. Семейный быт во многом еще сохранил следы седой старины. Взять хотя бы те обряды, которые сопровождают рождение, смерть, погребение и свадьбы, все они свидетельствуют об историческом прошлом марийского народа. Брачные обычаи и номенклатура родства (ача, коча, ава, кова, йэнга, пӧрж, изи-вэнэ, кугу вэнэ) дают нам возможность взглянуть в историю марийской семьи, которая, повидимому, пережила все формы семьи, начиная от коммунального брака, кончая современной моногамией. Взаимные отношения членов семьи миролюбивые. Почитание старших считается признаком воспитанности. Мир и согласие в семье есть идеал каждого марийца—семьянина.

В связи с семейной организацией находится и общественная. Современная община представляет из себя ничто иное, как разросшуюся семью. И в настоящее время родственные отношения, между отдельными марийскими семьями, упорно поддерживаются. Обычаи когда-то одной семьи теперь стали достоянием целого рода, общества.

Каждый марийский род характеризуется присущим ему обычаем, напр., некоторые роды отличаются гостеприимством, другие религиозностью и т. д.

Есть такие обычаи, которые свойственны всем марийцам, напр., решать дела в порядке обычая, семейным, общественным путем. Мариец, выдавая дочь замуж, наделяет ее приданым по принятому обычаю, дележ имущества происходит по обычаю, прежде чем выехать пахать весной, общество советуется. Кроме того у марийцев существуют свои общественные организации, хотя они религиозного характера. В религиозном отношении марийский мир разделен на отдельные округи, начиная с отдельной семьи, кончая всем марийским миром (семья, род, деревня, округ 5—10 дерев., область—уезды или губернии и мир). Эти деления не совпадают с административным делением территории. Все вопросы, касающиеся устройства моления, решаются «миром», тут нет единоначалия.

В культурном отношении марийцы Татреспублики стоят очень низко. Среди них 80% неграмотных, а женщины почти все неграмотны. В настоящее время их обслуживают 15 школ 1 ст., школ повышенного типа нет и учащихся в таковых школах нет. Все школьные работники с нисшим образованием. Чувствуется острая нужда в марийских работниках.

К статье В. Т. Соколова.
Марш.

Марийские женщины.

Из фот. фонда Центр. Музея ТССР.

М. Е. Евсевьев.

Мордва Татреспублики.

Мордвы в пределах нынешней Татреспублики всего около 42 тысяч душ обоего пола. Из них Эрзи около 32 тысяч, а Мокши около 10 тысяч. Эрзя живет по преимуществу на левой стороне Волги (на правой стороне эрзянских селений всего три: Красное Поле, Безсоновка Вышка), а Мокша на правой стороне, (на левой стороне мокшанских селений только два—Базарные и Лесные Юрткули). Левобережная эрзя, по данным Перетятковича и других исследователей Приволжского Края, переселилась сюда из Симбирской и Нижегородской губерний в XVII и XVIII веках, а относительно нагорной мокши и эрзи, откуда и когда она здесь появилась, печатных данных пока не имеется. Имеющиеся о мордве сведения в истории завоевания Казани говорят, что она после основания г. Свияжска посылала вместе с чувашами и черемисами знатных людей в Москву и дала клятву в верности русскому царю, а затем, в следующем году, вместе с теми же племенами участвовала в восстании против русских, эти сведения весьма неопределенны и неполны. Какая именно мордва здесь фигурировала, Засурская или живущая теперь на нагорной стороне? Допустить, что это была Засурская, трудно потому, что она живет слишком далеко от Свияжска и Волги и беспокоиться ей из-за Свияжска было незачем, однако и предки теперешней нагорной мордвы Татреспублики, по своей малочисленности, не могли играть указанной в истории роли: если их сейчас только до 10 тысяч, то при завоевании Казани, т. е. 375 лет тому назад, их, без сомнения, было не более 100—150 душ обоего пола. Очевидно, утверждение исследователя мордвы И. Н. Смирнова, что восточной границей мордвы до XVII века была река Сура и что за Сурой мордовских селений до этого времени не было, неверно. В пределах тогдашнего Казанского царства, а следовательно на восток от Суры, жила какая то мордва и в довольно значительном количестве, но после падения Казани, она в главной своей массе куда-то исчезла, а из оставшейся части, приблизительно в количестве 100—150 душ обоего пола, размножилась та мордва, которая в настоящее время живет на нагорной

стороне Волги, в пределах Татреспублики. Это вполне подтверждается и добытыми мною этнографическими, лингвистическими и историческими материалами.

Ввиду новизны и важности этих данных для истории Казанского царства, я позволю себе не только привести их здесь, но также указать и тот путь, каким я их добыл.

В 1891 году я был командирован Харьковским учебным округом в Пензенскую и Тамбовскую губернии для изучения говоров мордовского языка и составления учебников для мордовских школ. Изучение мордвы я начал с эрзи Саранского уезда Пензенской губернии. Здесь на первых же порах мне удалось записать четыре старинных мордовских песни о построении города Казани. Впоследствии еще одну, по счету пятую, я записал в селе Кажай-Максимове, Белебеевского у. Уфимской губ., ныне Башреспублики, но при дальнейшем изучении языка и обрядов этого села, выяснилось, что Кажай-Максимовцы—выходцы из Саранского же у., из деревни Турдаково. Первая из этих песен записана мною в деревне Пырма; краткое содержание ее заключается в следующем.

Одно мордовское селение задумало построить город Казань и начало совещаться, на чем ее основать, т. е. что положить в основание Казани. Они рассуждали так: если положить живую рыбу, то город будет текучий, трудно будет удержать его на месте; если положить корову, город будет слишком вялый, нежизненный; если—собаку, город будет злой. Тогда решили положить в основу Казани красную девицу, единую дочь у отца—матери, чтобы город был красив и весел, как девица.

Вторая песня записана мною в селе Сабаеве, отстоящем верстах в 12 от Пырмы. Она более подробна (заключает в себе 240 стихов). В ней строителями Казани является уже не целое общество, как в первой, а отдельные лица: Ивака и Вельмака. Из них Вельмака богат и работает при постройке Казани своей казной, а Ивака—умен, он работает своею головою. В последней песне сама Казань просит себе жертвы, иначе не дается строиться. Точно определяет жертву: она должна быть «девица—семи братьев сестра единая, семи снох золовка». Остальные песни тождественны с первой.

В Сабаеве же я встретил очень интересный девичий праздник: «тейтерь пива»—девичье пиво. Этот праздник устраивался раньше и у чуваш Тетюшского уезда. В Сабаеве он устраивается осенью, по окончании полевых работ. Девицы разбиваются на группы и снимают отдельные дома. Приносят туда крупы, муки, масла, яиц и по петуху. Переселяются сюда, варят пиво, колят петухов, приготовляют кушанья и пируют целую неделю, не расходясь по домам.

Затем я здесь-же собрал несколько своеобразных свадебных обрядов с немордовскими названиями. Особенно интересны из них следующие, которых не имеется у остальной эрзи Нижегородской, Симбирской, Самарской и Саратовской губ. На свадьбе, для проводов невесты в дом жениха, устраивается на обыкновенной телеге или санях кибитка из прутьев. Сверху кибитка покрывается рубашками невесты и украшается разноцветными шелковыми лентами; внутри вешается зеркальце и помещаются туалетные принадлежности невесты. Эта кибитка называется непонятным теперь для мордвы словом «он-ава», т. е. жена хана (от он—в древнем произношении чуваш слова хан-хон и мордовского - ава—мать, жена, женщина).

Девицы при передаче невесты поезжанам просят «воявор» (по об'яснению проф. Г. С. Губайдуллина, это сложное слово означает «дай цену, плату»). Молодушка после свадьбы в течении 5—6 месяцев продолжает носить девичий головной убор и одну косу и некоторые другие мелочи.

В языке здешней эрзи также оказалось несколько татарско-чувашских слов, которых у прочей мордвы не имеется; например, сюге—стерлядь, чув.—çĕкĕ (с'ög'ö), тат. чугэ; козгалав или козгалак—щавель, тат. кузгалак (у всей прочей мордвы эрзи и мокши—умбурав); улов—покойник, татар. ӳлек; цилим—трубка, чув. ҫилĕм; корпыцек—вальдшнеп, у чув. (село Орауши, Ядр. у.) кăрăпҫак.

Кроме того при дальнейшем изучении языка выяснилось, что три больших села в этой группе: Сабаево, Давыдово и Качалаево, расположенные у Суры (от Казани за Сурой), имеют мокшанское происхождение, хотя сами себя называют эрзянами и говорят теперь по-эрзянски, тогда как остальные, расположенные дальше от Суры на запад,—все эрзянские.

Кстати замечу, что и женский головной убор мордвы Саранского уезда по своей форме сильно напоминает головной убор казанских татарских женщин, так называемый колпак.

При дальнейшем изучении я встретил еще одну небольшую группу мокшанских селений с кибиткой «он-ава» на свадьбе (Парапино, Вечкино, Дракино и др.) на реке Мокше в Наровчатском уезде.

После этого «он-ава» и песни о построении Казани окончательно заинтересовали меня. Для меня стало ясно, что вновь открытые мною три мокшанских села: Сабаево, Давыдово и Качалаево Саранского у., а также и те селения Наровчатского уезда, которые устраивают «он-аву» на свадьбе,—жили когда то вблизи Казани, вместе с чувашами и татарами. А если это так, думал я, то они должны были иметь связи и с мордвой, оставшейся здесь в Тетюшском уезде.

Поэтому на следующий год я поехал к этой последней. Оказалось полное тожество здешней мордвы с вышеуказанной мордвой Саранского и Наровчатского уездов, как в отношении свадебных, так и заимствованных слов из татарско-чувашского языка. Не оказалось здесь лишь песен о построении Казани. Причем оказалось, что селения Сабаево, Давыдово и Качалаево больше сохранили общих черт с казанской мордвой, чем Мокша же Наровчатского уезда. Таким образом мои предположения вполне подтвердились. После этого оставалось только точнее определить время и место совместного жительства этой мордвы и причины их разделения. Для этой цели я направился в центральные архивы и после долгих исканий нашел в одном из них документ, который дает возможность решить и последние два вопроса. Таким документом оказалась рукопись, хранящаяся в Моск. главн. архиве министерства юстиции под названием: «Свияжскъ. Книга писцовая и межевая письма и меры и межевания Никиты Борисова с товарищы 7073, 7074 и 7075 годов № 485». На корешке рукописи напечатано: «Подлинная писцовая книга. Свияжскъ 7073, 7074 и 7075 годы № 432 «Рукопись скреплена по листамъ дьякомъ Федоромъ Кузьминымъ [1]).

В этой писцовой книге имеются указания на обширные земли в пределех Свияжского уезда, которые ранее принадлежали мордве, а во время описи и межевания уезда в 1563 году они уже все были пустопорожними. «Мордва же, по замечанию писца, разошлись по своим старым улусам, по вотчинам и по ухожьям в Мордву и Мокшу и по р. Суре». Таких пустопорожних мордовских земель в книге насчитывается до 24, причем некоторые из них находились весьма близко от Свияжска, например, на месте нынешнего села Савино—верстах в 8 от Свияжска. В книге об этом говорится так: «За Савкою же за Кондратьевым, да за его сыном Левкою да за Доронькою за Акундиновым мельница большое колесо их поставления на реке на Сулице, выше мордовского селища Савины деревни» (стр. 111). По данным этой же книги, во многих местах и селениях мордва жила вместе с татарами и чувашами: «да в тех же селах и деревнях (Енасалы и двое Буртасов) с татары и с чувашею прежде сего жила мордва и та де мордва разошлася по своим старым улусам; а иные де мордва и татарове и чуваши вымерли, а иные выбиты, и которые места на том поле пахивали и сено кашивали не врозводе, смесь».

---

[2]) Список с этой писцовой книги, как выяснилось впоследствии, имеется и в библиотеке Казанского Ун-та. В 1909 году он был издан в виде отдельной книги Церк.-Историч. Обществом Каз. Епархии, но до сих пор, насколько мне известно, никем еще не был использован. В дальнейшем я буду ссылаться на страницы этого печатного издания.

Это сообщение и несколько других таких же, важны в том отношении, что дают об'яснение тому, каким образом в язык мордвы Саранского у. попали вышеприведенные татарские и чувашские слова.

Оставленные мордвою земли в 1563 году были измерены и отданы в поместья боярским детям и монастырям, а до этого времени они находились на оброке или у крестьян соседних деревень и у полоняников. Это указывает на то, что мордва, жившая в Свияжском у. до покорения Казани, разошлась по своим прежним улусам по Суре и на Мокшу, вскоре после водворения русской власти в Казани, потому что ко времени межевания земель в 1563 году, т. е. после взятия Казани русскими, в Свияжском уезде не остовалось мордвы, а на многих из прежних мордовских владений ко времени размежевания уже были поставлены чувашские деревни. В писцовой книге (стр. 108) так сказано: «В Свияжском же уезде деревни и займища новые, которые поставили чуваши у государевых оброчных деревень на порозжих мордовских землях и на выморках безграмотно, а ясаков и оброков с земли в государеву казну не давали». И еще на 109 стр.:—«Деревня новая, а в ней 3 двора, что поставили ту деревню темешевские чуваши Яншикай да Охметяк да Кебяк на порозжей на мордовской земле у государевы и оброчные деревни у Нороваша вверх речки Нороваша».

Вместе с татарами и чувашами мордва жила, между прочим, и в деревне Нурдулатове (нынешнее Нурлаты?), где было и поместье Казанского хана Махмед—Амина, царствовавшего в Казани с 1487 по 1496 г. и во второй раз—с 1502 по 1518 годы. В писцовой книге на 104 ст. говорится:—«За Свияжским за стрелецким сотником за Булатом за Ивановым сыном Шерапова в Свияжском уезде по книгам и по разделам окольничего Борисова и Кикина в татарской и чувашской деревне в Нурдулатове порожжие земли, что была царевская Магмет—Аминовская да в той же деревне порожжая земля, что была мордовская, а пахали прежде обои земли царевскую и мордовскую с татарскими и чувашскими землями смесь по полосам, а после Казанского взятия ту землю пахали полоненники»...

Это сообщение важно еще и в том отношении, что оно дает об'яснение, откуда у мордвы появился обычай употреблять на свадьбе кибитку «он-ава» и почему она названа—женой хана.

Мордва живя бок о бок с ханским поместьем, без сомненья, не один раз видела, как жена хана приезжала в свое поместье в кибитке, Это она переняла и перенесла в свой свадебный ритуал, и подобно русским, которые называют во время свадьбы своих молодых «князем и княгинею», и мордва называла невесту «он-ава», жена хана, а впоследствии, когда было уже забыто подлинное значение этого слова,

она перенесла это название на кибитку, устраиваемую подобно кибитке жены хана.

Возникает еще один вопрос: не была ли та мордва, которая бросила свои земли и ушла после завоевания Казани за Суру и на Мокшу, пленниками татар. Ведь пленников (как говорит история) ушло из Казанского царства около 60 тысяч. Но согласно точным историческим данным все эти пленники находились не в провинции, а в самой Казани в услужении у разных князей и богатых татар и самостоятельных хозяйств пленные не имели. Между тем, мордва жила целыми селениями в Свияжском уезде, владела обширными полями, лесами и сенокосными лугами, которые в писцовой книге называются мордовскими. Эта мордва, без сомнения, после построения Свияжска, вместе с другими племенами, жившими по соседству, присягала в верности русскому царю, а впоследствии, при взятии Казани, вместе с русскими войсками воевала против татар, т. е. она действовала вполне самостоятельно, чего пленные не могли делать. Кроме того, при освобождении 60 тысяч пленных, она не ушла вместе с ними на свою родину, а спустя несколько месяцев после завоевания Казани, вместе с другими старыми жителями этого края—чувашами и мари, принимают участие в восстании против русских. Это обстоятельство тоже говорит за то, что мордва, жившая во время завоевания в Казани и в Свияжском уезде, были свободными старыми жителями этого края, а не пленниками. Мордва эта ушла за Суру и на Мокшу по всей вероятности тогда, когда начались волнения на луговой стороне и частью на нагорной, которые продолжались целые четыре года, т. е. до 1556 года.

Таким образом, указанная писцовая книга, а также добытые мною этнографические и языковые материалы, пополняя друг друга, совершенно определенно устанавливают, что до покорения Казани в пределах Свияжкого у. жила в значительном количестве мордва—мокша и частью эрзя, которая после падения Казани, вследствие происходивших здесь волнений, ушла на запад и, пройдя через Симбирскую губернию, осела в нынешней Пензенской губернии в Саранском, а частью в Наровчатском уездах. В Казанской же губ. осталось их лишь незначительная часть в Тетюшском и бывшем Симбирском уездах (ныне Буинский кантон Татреспублики).

В виду того, что стены Казани, как это видно из истории, не один раз разрушались русскими войсками, то возможно, что в восстановлении их принимала участие и мордва, жившая тогда близко к Казани, а затем, по уходе отсюда, в воспоминание об этом, она сложила песни о построении Казани. Доказательством того, что песни о построении Казани сложены не здесь, служит то обстоятельство, что оставшаяся на месте мордва в Тетюшском и Симбирском уездах, этих песен не имеет

Язык. По языку мордва Татреспублики делится на эрзю и мокшу. Как уже было замечено выше, эрзя живет преимущественно на левой стороне Волги, а мокша—на правой. Язык эрзи, т. е., прибывшей сюда позднее и живущей на левом берегу Волги, совершенно одинаков с языком эрзи Симбирской и южной части Нижегородской губерний. Язык же (старой) эрзи, живущей на нагорной стороне Волги в селениях: Бессоновке, Вышках, и Красном поле, значительно отличаются от языка прочей эрзи. Также равно и язык здешней мокши отличается от языка мокши Пензенской и Тамбовской губерний. Нагорная эрзя и мокша, живя в течении нескольких веков бок о бок и имея между собой постоянную связь, как экономическую, так и семейную, перемешали свои языки: мокша внесла в свой язык множество эрзянских слов, эрзя—мокшанских. Так в Урюме (мокша)—ложка называется по эрзянски пенч, (а не куцю), бог—шкай-пас, икона—паз-ава, овца—реве и проч. В Бессоновке (эрзя) наоборот—стол называется по мокшански ширя; цеп—теляма; веник—теньф; конопля—каньеф и проч. Но и то и другое наречия сохранили свои притяжательные окончания, по которым они главным образом и различаются друг от друга, например, эрзяне Бессоновки, Красного поля и Вышек говорят: кудом—мой дом, кудот—твой дом и проч. Мокша (Урюм, Кильдюшево и проч.) говорят: кудзе—мой дом, кудыце—твой дом и т. д. При встрече здешних эрзи и мокши, каждый говорит на своем наречии и прекрасно друг друга понимают, но мокшу Пензенской и Тамбовской губерний—с большим трудом.

Одежда. В других губерниях мокша и эрзя, кроме различий в языке, имеют различие и в женских одеждах, но в пределах Татреспублики такого различия в женских одеждах между мокшей и эрзей нет: мокшанские женщины и девушки здесь не имеют своих особых костюмов и головных уборов; они то и другое носят эрзянское, хотя впрочем женские костюмы на левой стороне Волги значительно отличаются от костюмов, обитающих на правой стороне. Как видно из прилагаемых рисунков головной убор левонабержной эрзянки, «панго», имеет спереди форму, подобную архиерейской митре, от которой сзади на спину спускается плоский, широкий и длинный назатыльник, называемый «панго-пуло». В недавнее еще время, как передняя часть убора, так и назатыльник, богато украшались узорами, которые вышивались разноцветными шерстяными нитками; но в последние годы вышитые узоры на головных уборах, требовавшие большого искусства, заменились перетянутыми медными цепочками, разноцветными пуговицами, монетами, блестками, бусами, бисером, вследствие чего весь головной убор сильно увеличился в весе и достигает иногда до 6—7 фунтов.

Головной убор женщин, живущих на правой стороне Волги, как у мокши, так и у эрзи имеет совершенно иную форму: он ниже и шире, чем у левобережных; его верхняя часть вдавлена и по сторонам его справа и слева выдаются как бы закругленные крылья. Шьется он обычно или из белого холста, или красного кумача; никаких украшений на нем не бывает, кроме узкой полосы узора на нижней части его, над лбом. Для устойчивости формы убора, внутрь его вставляется соответственно изогнутый прут. В узорах на рубашках, при сходстве самых орнаментов (геометрического характера) имеется то различие, что в левобережных преобладают красные цвета, а правобережных темные, причем по своей технике работы узоры жителей нагорной стороны грубее, чем на луговой. Наконец, на правой стороне, как мокшанки, так и эрзянки очень любят различные нагрудные украшения и потому носят их в изобилии, тогда как на левой стороне те и другие менее пристрастны к ним.

Религия. По религии мордва к настоящему времени, как в Татреспублике, так и в остальных местах их жительства вся (и эрзя и мокша) православная. Она 180 лет тому назад обращена из язычества в христианство и в большинстве случаев насильственно, вопреки их протестам и даже угрозам. Хотя материалов о крещении мордвы собственно в пределах нынешней Татреспублики в моем распоряжении не имеется, но, принимая во внимание, что ее обращал в христианство главным образом миссионер Дмитрий Сеченов, впоследствии епископ Нижегородский, и что приемы при крещении употреблялись повсюду одни и те же, я позволю себе привести здесь выдержку из неопубликованного до сих пор интересного документа по этому вопросу, а именно, из прошения мордвы 8 деревень, Нижегородской губ. Терюшевской вол., принадлежавших грузинскому царевичу Баккару Вахтингеевичу, поданного своему владельцу в апреле 1743 года, где «прявты» (старосты) этих деревень писали:—«А мы нижепоименованные, сироты ваши, христианской веры принять не можем, а желаем быть в своей старой мордовской вере по—прежнему, а мечетев у себя никаких не имеем, а молимся по своей старой мордовской вере в полях и лесах. А ежели паче чаяния нас, сирот ваших, будут принуждать к крещению неволею, то мы, сироты ваши, оставя домы свои, будем бегать и укрываться по лесам и по другим местам, как и напредь дедов и отцов и сродников наших к крещению приводили, отчего они, домы свои оставя, резбежались и поныне жительство имеют в дворцовых волостях, також и ныне, домы свои и пожитки зажигать будут и сами, собрався семьями, пожгутся или всякими виды себя к смерти приводить будут, которые образцы и являются и крестившиеся из под-неволи в Арзамасском уезде предали себя удавлению,

також и в нас во многом находиться будет от чего мы, сироты ваши, во всеконечное раззорение придем, и ее императорского величества подушных и вашего высочества оброчных денег и всяких сборов взыскивать будет не на ком... Просим ваше высочество, чтобы нас сирот ваших, не повелено было из-под неволи крестить и прислать в. в. указ, чтобы к нам в Терюшевскую волость для крещения никого не впущать, дабы нам быть по-прежнему за вашим высочеством и дабы ее имп. величества подушные и вашего высочества оброчные деньги и всякие сборы по окладу в указанные сроки платить без доимочно»...

Таково это характерное и типичное прошение мордвы, которое ярко показывает, какими насильственными мерами проводилось среди них христианство, как относилось к ним мордовское языческое население и какие печальные разультаты нередко давали эти насильственные меры, как для самого населения, так и для экономики государства.

Мордва, живущая в пределах нынешней Татреспублики, в язычестве молилась так же, как и нижегородская «на полях и при лесах», а мы прибавим—и под полом. Богов у мордвы было множество: они все были человекообразны, телесны, обладали способностью принимать различные виды животных, птиц и рыб. Людям боги показывались редко и только в том случае, когда их ожидало какое либо несчастие: смерть взрослого человека, пожар.

Богов эрзя называет или словом «пас»—бог, или словом «ава»—мать; «вере пас»—верхний, небесный бог; «мастор-пас»—земной или подземный бог; «керень шочконь-пас»—бог лубка и бревна, т. е. дома; «норов-ава»—богиня плодородия; «ведь-ава»—богиня вод, а мокша—словом «шкай» или также, как и эрзя—словом «ава».

Тем богам и богиням, от которых зависело благосостояние мордвы, она устраивала моления и угощения. Моления устраивались общественные, всем селом, когда имелись ввиду интересы всего общества, например: урожай, дождь, сохранение общественных стад; и семейные, когда имелись ввиду интересы только одной семьи, дома, двора, овина и т. д.

Общественные моления всегда совершались за деревней у ручья или родника, а так как в старое время леса находились всегда близко к деревне, то моления обычно происходили у опушки леса под дубом, вязом, липой, березой или сосной, но осину и ель мордва избегала. На одних молениях участвовали одни только мужчины, или только одни женщины, а на других могли участвовать те и другие вместе.

Жрецов, для совершения обрядов, у мордвы не было. Семейные моления совершались старшими в доме, обычно хозяйкою дома; а на общественных молениях, для совершения обрядов и чтения молитв,

каждый раз выбирались особые старики или старухи. Обычно выбирались одни и те же лица. Моления мокши и эрзи Татреспублики большею частью одинаковы, лишь некоторые из них отличались своими названиями. Напр., у эрзи, жившей на левом берегу Волги, одно из женских молений называется «бабань-каша»—бабья каша, а у мокши и эрзи, живших на правом берегу, это же самое моление называется татарским словом «баламэк-озкс»—моление кашицы. Ввиду того, что все моления обоими племенами в пределах Татреспублики совершались одинаково, то для характеристики их я приведу здесь описание молений лишь одного какого-либо села. Возьму мокшанское село Урюм.

В Урюме совершалось до 8 языческих общественных молений и несколько семейных. Моления эти были следующие:

Общественные: 1) Керет озкс—моление плуга, 2) Лифтима сувафтэма озкс—моление выгона скота, 3) Вель-озкс—мирское моление, 4) Баламык озкс—моление кашицы, 5) Лайма озкс—моление сенокоса, 6) Сараз озкс—моление кур, 7) Айгыр озкс—моление жеребца, 8) Грань озкс—моление на грани.

Случайные: 1) Стака озкс—тяжелое моление, устраивалось при появлении в деревне какой нибудь эпидемии на людях или скоте.

2) Таста озкс—моление саранчи, устраивалось в случае появления на полях саранчи.

Семейные: 1) Куд-авань озкс—моление богине дома, 2) Сэдь алкс озкс—моление в подполье, 3) Калдаз озкс—моление двора, 4) Авня озкс—моление овина и др.

Остановлюсь более подробно на каждом из вышеперечисленных молений.

I. Моления общественные.

1. *Кереть озкс—моление плуга.* Это первое весеннее моление, остальные устраивались уже после него. Совершалось оно в конце села на лужайке под старыми вязами, один из которых стоял еще на месте во время моего последнего посещения этого села в 1915 г. В настоящее время место этого моления находится уже почти в середине села, но оно не застроено.

На молении резали селезня, из которого тут же варили суп. Из каждого дома выносили по короваю хлеба, которые все расставлялись в ряд на разостланой травке. В некотором отдалении от короваеев расстилали белую скатерть, на которую ставили хлеб-соль, приготовленные в доме старосты и вареного селезня. Назначенные для моления старики становились возле скатерти, лицом к востоку и один из них произносил вслух следующую молитву:

Шкай нпс, корьманей! Тряй пас, тиряней! Тоньдеть минь ознытама, пидинь-панинь кши марта: акша алынь ейшниця, эрик вайме сывельне и траксынь и ревынь; ознытама, алэв сюк пре макстама, тон примак минь сюк пренекень. Маряк маряй пилисыт, вант нее сельмысыт, панчк келий кенкшцень, варжак валда вальмават, макст тенек шаче сёра. Мезе видихть мастэр ланкс, мезе зёрна ёрдайхть, макст келий коренне, эчке шужерьне, кувака колоске, пешксе зёрнане. Макст, шкай корьманей, вярьде пиземне, лембе онфке. Минь вяштяма кувака валда ши, ознытама шаче сёрынь кис, раштай скотнань кис, шачинь-касынь кис, аф машты эрмень кис. Мокшень ыла ветятама, мезе вештяма, сень макст, мезьде пельтяма, сень эста ванымазь: вант чопыда ведет, вант валда шидет, плахой часттэт, пувай вармадэт.

(Шкай пас кормилец, тряй пас кормилец, тебе мы молимся с печеным хлебом, с яичницей из белых яиц, с мясом живой души и с коровьим и с овечьим. Молимся, вниз поклоны делаем, ты прими наши поклоны, услышь твоим слышащим ухом, взгляни видящим оком твоим, открой широкую твою дверь, взгляни в светлое окно свое, дай нам урожай хлеба, что посеют в землю, какое зерно бросят—дай им широкий корешок, толстую соломушку, длинный колосок, полное зернышко. Дай, шкай кормилец, сверху дождичка, теплую росицу. Мы просим у тебя долгий светлый день. Молимся за урожай хлеба, за размножающийся скот, за родящихся и растущих, за некончающееся богатство. Молимся, мокшанский обряд ведем, чего просим, того дай, чего боимся, от того храни. Храни нас в темную твою ночь, храни и в светлый твой день от плохого часа твоего, от дующего ветра твоего [1]).

По окончании молитвы обходили все принесенные короваи, вырезывали из них по кусочку «озэндэма пал»—моленный кусок, складывали все это в корзину, туда же клали кусок мяса от селезня и вешали на стоящий тут же вяз. После окончания этой церемонии, участники моления разбирали свои короваи и десятками (на которые обычно делится земля) садились обедать. После обеда назначали день, когда выезжать на посев и лицо, которое должно первым выезжать. Для этого обычно выбирали счастливого человека, у которого хлеб лучше родится и нога легкая. Старосте дают наказ, следить за тем, чтобы другой кто-либо не выехал раньше выбранного и затем расходятся по домам.

[1]) Приведенная молитва, а равно и описание молений мною сделано со слов 70-ти летнего урюмского старика Ивана Петровича Исаева, который всегда выбирался для ведения молений. Во время моего последнего посещения Урюма, общественные моления уже не совершались в этом селе, а Исаев замаливал свои старые грехи за жречество: два раза ходил в Новый Иерусалим, Киев и в Троице-Сергиевскую Лавру.

Вышеприведенная молитва произносится обычно и на всех остальных молениях, также повторяется на всех молениях и обряд с кораваями:. Поэтому, при описании следующих молений, я не буду их повторять, а ограничусь лишь указанием характерных особенностей.

2. *Лифтима-сувафтыма озкс-моление выгона скота.* Совершалось на выгоне, в конце деревни. На моление собиралась вся деревня; сюда же пригоняли и скот, кроме свиней. Огонь в этот день во всех домах заливался водою. На месте моления прежде всего добывали трением сухих деревянных брусков новый огонь «од тол» и разводили костер. От этого костра каждый домохозяин брал себе в горшочек огня и поддерживал его в горнушке целый год, до следующего моления. Тут же расчищали вырытую издавна яму, устраивали на столбах из досок помост через нее и покрывали помост дерном. Во время моления на середину помоста ставили горшок с новым огнем и под ним прогоняли по яме три раза скот. В остальном моление совершалось в обычном порядке: резали овцу, раскладывали в ряд кораваи и проч. В последнее время на этом молении впутывались и христианские святые, читали, например, следующую молитву:— «Иляс керемедь, тоньдет сюкынятама, тоньдет ознытама, макст скотнаньди шумбра ши, шевте тишине, кельмя ведьне, тикшети-меньф, таньфке. Коромсь дюрц молеза. Флор-Лавер,—алашень пас, Лась святая—траксэнь пас, Настасия—ревынь пас, алашатьне работаст, эльдетне вашияст, икелий молест, раштаст; тракснэ ловцыяст, вазыяст, ревэтьне—поныяст. Зосей святой—мекшень пас! Лифни мекшне медьне кандэст; лифнест, нарваст, велет панист.

Иляс кереметь, тебе мы кланяемся, тебе молимся, дай скотине здоровья, мягкую травку, холодную водицу; траве—спорину, сладость. Флор-Лавер (считается за одно лицо),—лошадиный бог, Лась святая (Власий святой)—коровий бог, Настасия—овечий бог! Лошади работали-бы, кобылы жеребились-бы, размножались, коровы были-бы молочны и телились-бы, овцы имели-бы густую шерсть. Зосей (Изосим) святой—пчелиный бог, чтобы пчелы летали, мед таскали, детву разводили, рои гнали.

3. *Вель озкс—мирское моление.* Моление это было самым торжественным и многолюдным. Продолжалось оно 3 дня, начиная с Петрова дня. В первый день кололи быка, во второй—телку, варили пива. Первые два дня молились верде-шкаю о здоровье сельчан и урожае хлебов, а в последний—о здоровье солдат, находившихся в это время на военной службе, чтобы верьде шкай дал им легкую службу, чтобы начальники не обижали их и чтобы они вернулись домой здоровыми. Для этого дня оставляли бочку пива и варили кашу. Моление совершалось на том же месте, где и кереть-озкс; на молении

участвовали и мужчины и женщины и дети. По выполнении этого моления народ не расходился по домам до позднего вечера. Старшие пили общественное пиво, а молодежь заводила игры. Причем непременно исполнялся обычай, называемый «сюкырынь ласьфтеме»—бегство за лепешку. Вызывались бегуны и попарно пускали их бежать. Одному из них давали сдобную лепешку под мышку и он пускался бежать вперед, а другой должен был его догнать. Если догонял, то брал у него лепешку себе. В противном случае лепешка оставалась у первого.

4. *Баламык озкс—моление кашицы.* Совершалось на лужайке под березами. Участвовали на нем только женщины и девицы. Его оеобенность заключалась в том, что на нем приготовляли особое кушанье—баламык—из муки, крупы, яиц и масла. Моление совершалось в июне. Прекратили его лет 60 назад и теперь в памяти участниц его осталось только название того сладкого кушанья, которым их угощали в детстве на этом молении. Лишь одна старушка, лет 74, могла сообщить нам несколько слов из произносившейся на молении особой молитвы. Судя по этому отрывку можно предположить, что на нем просили главным образом о рождении детей: «шачи-касы улеза», чтобы были родившиеся и ростущие.

5. *Лайма озкс—луговое моление.* Совершалось на косогоре, обращенном к Волге, под которым находились заливные луга. Резали двух овец, молились о том, чтобы шкай помог скосить сено и сметать его в стога и чтобы сено пошло на здоровье скоту, чтобы скот тучнел от него. Теперь на месте этого моленья разведены фруктовые сады. Это же моление иногда называлось «акша-кал озкс»—моление белой рыбы (лещ, судак, и др.)

6. *Сараз озкс—моление курицы.* Получило свое название от того, что на нем приносились в жертву куры из каждого дома по одной. Кур кололи на месте моления и варили в общих котлах. Кровь спускалась в специально для этого вырытую яму; пух и перья жгли на огне, а кости бросали в воду. Моление совершалось после посева яровых хлебов: просили у вердье шкая, чтобы все посеянное уродилось, чтобы солома была толстая, колос длинный, зерно полное. Чтобы людям небесный бог дал здоровья, родились бы дети, размножался бы скот. Моление совершалось на берегу речки. Перестали совершать лет 25 тому назад, но в 1922 году, по случаю бывшего голода, снова совершали его в некоторых селениях.

7. *Айгыр озкс—моление жеребца.* Называется так потому, что на нем в прежние времена, когда мордва была языческой, кололи жеребца. Впоследствии, когда мордва стала христианами, на нем кололи быка. Оно совершалось осенью, после посева озимых. Молились

о здоровье и размножении лошадей и вообще скота. Моление совершалось в овраге, в полуверсте от деревни. Раньше это место покрыто было большим лесом, который сейчас вырубили и обратили под пашню. Оставлены были только две старые липы, под которыми и совершалось моление. На одну из них вешали шкуру заколотого быка, а под другой происходило моление. Мясо тут же варилось и съедалось, а шкура оставалась висеть на месте. Когда ее срывало ветром, она валялась тут же на земле и никто к ней не прикасался. Айгыр озкс совершался в три года раз, а именно в тот год, когда на этом поле, где находилось место моления, сеялись озимые хлеба. На этом молении участвовали только мужчины, женщины же не допускались.

8. *Грань озкс—моление на грани.* Совершалось на грани, отделявшей поля от соседних селений. Молились «норов-аве»—богине плодородия—об урожае хлебов и о спорине в хлебе, без которой хлеб мало питателен и чтобы спорина эта не ушла к соседям на поля. По мнению мордвы спорину могут взять к себе на поля соседние деревни, для этого стоит только перенести к себе частичку земли. Она же может быть передана соседям нечаянно и своими односельчанами во время пашни, напр., частичка земли может упасть от плуга за грань и от колес.

II. Моления случайные.

1. *Стака озкс—тяжелое моление.* Совершается в случае появления в селе падежа скота или эпидемии на людей. Совершается оно ночью на одной из околиц. Участвует на этом молении всего человек 5—6 во главе с сельским старостою. К околице выносятся все приготовленные в доме старосты припасы, раскладываются на скатерти и просят «стака паза» — тяжелого бога — смилостивиться, снять с деревни тяжелую болезнь и уйти обратно туда, откуда он пришел. «Стака пас, казув нас, сюк пре тоньдеть макстама, примак сюк пренекень, сэтьмак, штак-нардак велеста-сядыста велень-сядынь урмать. Коволда саеть, коволда педеть—тов-тук». (Тяжелый бог, сердитый бог, кланяемся тебе, прими наши поклоны, притихни, смой и вытри с деревни общественную болезнь. С какой стороны пришел, с какой стороны пристал—туда и уходи обратно). После этого проводят вокруг села черту железной лопатой или сохой, которую везут на себе, возвращаются опять к этому же месту, где молились, закусят немного, часть кушанья зарывают в землю тяжелому богу и расходятся по домам. Моление совершается втихомолку, молитва произносится шопотом, наблюдают также, чтобы и в деревне в это время не было шума. Жители предупреждаются об этом с вечера.

К статье М. Е. Евсевьева.
Мордва ТР.

Мордовки- каратайки.

Мордва эрзя левой стороны Волги.
В средине замужн. женщина, а по сторонам девушки.
Фот. автора.

К статье М. Е. Евсевьева.
Мордва Татрсспублики.

„Он—ава" из Саранского уезда, Пенз. губ.
Фот. автора.

Мордовка Тетюшского кантона ТССР.
Из фот. фонда Центр. Музея ТССР.

2. *Тасто озкс—моление о саранче.* Совершалось в случае появления на полях саранчи. Молятся среди поля. Просят шкай паза усмирить пущенных им птиц (саранчу), которые поедают хлеб и траву.

«Шкай пас, тоньдет ознытама, тоньдет сюк пре макстама. Сэтьмафты тоньпень нолдафт нармытьнинь, сёрынь-салынь сэвитьнинь, улеза милосце, прощеньеце». (Шкай пас, тебе молимся, тебе поклоны делаем, усмири посланных тобою птиц (саранчу), поедающих нашу хлеб-соль, пусть будет твоя милость к нам и прощение).

III. Моления семейные.

1. *Юртава озкс—моление богине дома.* Совершается глубокой осенью в каждом доме отдельно, когда семья со двора и поля возвращается на зимнее житье в дом. К этому молению колят овцу, варят брагу и приготовляют разную стряпню. Перед иконами зажигается (теперь) свеча, на стол ставится полный горшок каши и вся стряпня. Старший в доме, обычно хозяйка дома, становится перед столом и начинает вслух читать молитву. Остальные члены семьи становятся за нею и стоят молча. Произносит она следующую молитву: «Шкай пас, корьмакай, трей пас тирякай! Тоньдет ознытама валда свеча марта, пидень-банень кши-сал марта. Акша кеца, пара мельца пидюф паньф. Ва каша сякане пидинекь. Мзяра эынза ямске, салнэ, сняра макст эряма-аштема шине, ули парыне, афмаштувикс эрьме, шаче сёрыне, раштай скотнане. Вант, оцю шкай пас, корьмакай, сякэй вастэда, стямста-прамста, ютамста-потамста. Вант, оцю шкай пас, шопыда вене, валда шине, карча вастэмста—парыть—карча; аф парыть вакска». (Шай пас, кормилец, Трей пас, кормилец! Тебе молимся со светлой свечой, с разной стряпней. Приготовлено белыми руками, с добрыми мыслями. Вот сварили горшок каши. Сколько в нем крупинок, соли, столько дай нам для жизни добра, нескончаемого имущества, урожайного хлеба, размножающегося скота, детей. Храни нас, великий шкай пас, на всяком месте, во время лежания и хождения. Храни нас во время темной ночи, светлого дня. Добрый пусть идет навстречу, а злой мимо». По окончании этой молитвы, хозяйка берет по частице от каждого кушанья, складывает на горбушку хлеба и кладет на божницу, это—верьде шкаю, а сама с двумя-тремя членами семьи забирает из чулана новые кушанья и вместе с ними спускается в подполье. Там к заваленке прикрепляет свечу, раскладывает кушанья и повторяет тоже самое, что было в избе, изменив лишь в молитве обращение «Шкай пас» на «Юрт-аву». По возвращении из подполья семья садится за стол и начинается обед.

2. *Калдамаз озкс—моление двора.* Совершается осенью, когда с летнего пастбища скот возвращается домой на зимовку. По сере-

дине двора ставится стол, покрытый белой скатертью, на нем расставляются разные кушанья. Произносятся молитвы, обращенные к «кардо-сярко»—богу двора—о сохранении скота. По окончании молитвы оставляются кусочки стряпни в хлевах и возвращаются домой обедать.

3. *Авия озкс—моление овина.* Совершалось в четверг на Пасхе. Утром в этот день в овине кололи петуха, голову и кровь спускали под овин, а петуха приносили домой варить. В обед выносили на гумно ведро пива, вареного петуха и другую стряпню. Если овин был общий, то с такой же стряпней выходили и из тех домов. Здесь благодарили овин за то, что он не сжег хлеб, когда его сушили в нем. Просили и впредь не жечь. Выпивали и с'едали все принесенное и возвращались домой.

Свадебные обряды мордвы.

Свадебные обряды мордвы ведут свое начало от глубокой старины. Мордвин, передвигаясь в поисках удобной и привольной земли с одного места жительства на другое, неизменно переносил с собою и свои обряды. Они, т. е. обряды, кроме этнографического, имеют значение и историческое. Путем сравнительного изучения их можно восстановить не только полную картину прошлой жизни мордвина, но и проследить те пути, по которым он передвигался. В пределах Татреспублики мордовская свадьба изучена мною в шести селениях а именно: в Урюме, Новольяшеве (Мардовская Тайба), Каратаях, Бессоновке, Красном Поле и Кутее. Размеры статьи не позволяют дать здесь полного описания свадьбы, хотя бы одного из перечисленных выше селений, поэтому я ограничусь приведением лишь некоторых, более характерных моментов из нея.

1. *Устройство кибитки для невесты «он-ава».* В урюме, а равно и во всех остальных селениях нагорной стороны Волги, как мокшанских, так и эрзянских, невеста отправляется в дом жениха в особой, специально для этого устроенной, кибитке, которая называется «он-ава». Устраивается эта кибитка из прутьев—зимою на санях, а летом на телеге. Покрывается она широкой простыней из белого холста «чарчав»; украшается кистями из разноцветной шерсти, розетками из золотисто - желтого позумента и бусами. Один конец простыни скускается над входом в «он-аву» в виде занавески, чтобы невесты не видно было из он-ава. Он-аву устраивают братья невесты, а простыню шьют и украшают подруги невесты. На следующий день по приезде невесты в дом жениха, он-аву сжигают в печи вместе со щепками, о которых будет сказано ниже. Невеста, садясь в он-аву, причитает: «Белая он-ава—красота, белая он-ава—доброта! Если буду я счастлива, в вышину сделайся выше, в

ширину—шире, на лицо—краше. Если же буду несчастна, в вышину сделайся ниже, в ширину—уже, на лицо—желтее».

2. *Встреча свадебною поезда в доме невесты.* Как только послышатся звуки колокольчиков свадебного поезда, братья невесты бегут к воротам и запирают их. У ворот начинается торг. Братья за пропуск просят рубль «Оцю куда» — старший поезжанин—дает гривенник. На другривенном обычно соглашаются и ворота отворяются. Встречать поезд из дома невесты выходит женщина с кораваем в руках. К ней подходит сваха жениха, тоже с кораваем, и обе женщины начинают плясать с кораваями, поднимая их все выше и выше над головами. Наплясавшись, женщина из дома невесты передает свой коровай жениховой свахе и обе входят в избу. За ними входят и поезжане, кто с боченком пива, кто с вином. В избе встречают их родители невесты, а невеста в это время сидит на кутнике, за устроенной на этот случай занавеской. Стол занимают подруги невесты. Сваха жениха отвешивает низкий поклон родителям невесты и в пении начинает просить разрешение сесть за стол отдохнуть, т. к. они проехали длинный путь и сильно устали. Родители разрешают, но девицы из-за стола не уходят, просят «воявэр»—«Оцю куда» кладет на стол 20 к. и девицы встают. Стол занимают поезжане и начинают пировать, угощать привезенными с собою припасами родных невесты. Попировав немного, сваха встает из-за стола и в пении напоминает поезжанам,—зачем они присланы сюда хозяевами. Дружка и полдружка (ярцка) выходят из-за стола, подходят к свахе и затем втроем отправляются к невесте, чтобы посмотреть какова она и поставить на ней свою метку. Невеста в причитаниях просит подруг не выдавать ее—не допускать башкирскую женщину к ней: у ней рога, как у бодливой коровы, ноги, как у лягающей лошади, рогами она забодает ее, заколет, ногами—залягает, убьет. Но подруги получают по копейке от ярцка и открывают занавеску. Сваха вынимает из кармана браслет, разделяет им волосы на лбу невесты на две стороны и поет:—«передвигаю твои волосы на лбу направо—роди семерых сыновей, передвигаю их налево — роди семь дочерей». После этого передает невесте стакан браги с браслетом. Невеста браслет берет себе, а стакан с брагой передает любимой подруге и та выпивает брагу. После этого невеста начинает прощаться в причитаниях с родными, с печкой и с домом. В дар печке она кладет на шесток кольцо и в причитаниях благодарит ее за то, что она поила и кормила ее. В дар богу дома (куд-ава) вешает на стену полотенце, за то, что он хранил ее от злых сил. После прощания, братья выносят ее на руках во двор и сажают в он-аву. Здесь она, стоя перед он-авой, прощается с богом двора: «кардо-сярко» и со всем народом. Затем передает свое девичество любимой подруге и поезд трогается.

3. *Лемдима—наречение имени.* Обряд этот заключается в том, что молодушке по приезде в дом жениха дают новое имя, которым потом ее называют все посторонние и семейные, кроме мужа, свекрови и свекора, до конца жизни. Таких имен сохранилось у эрзи и мокши нагорной стороны—четыре: «аш-ава» (белая женщина), «пар-ава»—хорошая женщина; «маз-ава»—красивая женщина и «веж-ава»—младшая женщина.

В других местах эрзя повсюду оставила этот обычай и имена эти забыла. Но мокша Тамбовской и Пензенской губерний, этот обычай до сего времени соблюдает. Там таких имен пять: «мазай»—красивая, «павай»—счастливая, «тезяй»—(значение утрачено), «тетьвай»—(тоже) и «вежей» — младшая. Первой снохе у эрзи обычно дается «аша-ава», второй—«пар-ава», третьей—«маз-ава», четвертой—«веж-ава», причем младшей снохе, будет ли она второй или третьей, всегда дается последнее имя. У мокши старшей снохе дается обычно «мазай», второй—«павай» и т. д. в том порядке, в каком они перечислены. Свекор и свекровь называют сноху словом «урьва»—сноха, а муж к жене обращается при помощи местоимения «ты», «эй, ты».

Обряд наречения имени в Урюме и во всех прочих селениях нагорной стороны совершается следующим образом. Назначается для этого особое лицо—мужчина или из родственников или чужих. Мужчина этот надевает на себя чапан, подпоясывается кушаком, за кушак затыкает топор, за пазуху кладет коровай, который дает ему свекровь, на голову надевает старую шапку и затем влезает на печку, там двумя ударами топора откалывает от третьего бревна потолка щепку. Слезает с печи и отколотую щепку кладет на голову молодушке, которая в это время стоит перед печкой, лицом к народу под покрывалом, затем вынимает из-за пазухи коровай и три раза ударяет им по голове невесту, приговаривая каждый раз: «аш-ава», «пар-ава», «эрям лемце маз-ава»—т. е. «аш-ава», «пар-ава», а в жизни имя твое «маз-ава». После этого коровай опять кладет к себе за пазуху, туда же кладет и щепку с головы молодухи и начинает обходить всех присутствующих в это время в доме, спрашивая каждого: «скажи, как зовут молодушку, а то изрублю топором», и при этом ударяет топором об пол. Каждый из присутствующих должен повторить: «аш-ава, пар-ава, эряма лемце-маз-ава». Таким образом откалывает три щепки и каждый раз повторяет одно и тоже. После окончания обряда щепки кладет на шесток, а коровай берет себе. Невеста подносит ему стакан пива и кланяется в ноги. На следующий день эти щепки вместе с прутьями он-авы жгут в пече и пекут три небольших лепешки, которые берут с собою потом, когда молодушку выводят к воде, показывать ей дорогу к последней.

В. М. Ермолаев.

Сельское хозяйство Татарской Республики.

Главным занятием населения ТССР и основным источником средств их существования издавна является сельское хозяйство. Хлеб, важнейшие пищевые продукты, материал для одежды, строительные материалы и топливо—все это, столь необходимое для удовлетворения наиболее настоятельных человеческих потребностей, население ТР получает от сельско-хозяйственной промышленности. Все другие виды промышленности, наука и искусство нашего края в своем процветании зависят всецело от степени развития сельского хозяйства. Ценность производства различных отраслей сельского хозяйства здесь далеко превышает ценность производства фабрично-заводской промышленности, $^2/_3$ производства которой принадлежат опять-таки предприятиям; занятым обработкой сельско-хозяйственного сырья—мельницам, крупорушкам, шерстобиткам, кожевенным заводам и т. п. В дореволюционный период более половины годовых оборотов торговли приходилось на операции по купле-продаже сельско-хозяйственных продуктов. Кроме того, значительное число жителей занято перевозкой сельско-хозяйственных продуктов гужевым, железнодорожным и водным путями, а также кустарной и ремесленной обработкой сельско-хозяйственного сырья. В преобладающем значении сельско-хозяйственного промыса в экономике ТР убеждает нас также распределение земли в Республике по угодьям. Действительно, 68% всей земли в ней занято пашней, лугом, выгоном и садами с огородами, т. е. как раз сельско-хозяйственными угодьями, а также и то обстоятельство, что 92,3% всего населения этого края обитает в сельских местностях и, следовательно, имеет то или иное касательство к сельскому хозяйству.

На первом плане из всех отраслей сельского хозяйства мы видим—*полеводство*. Но полевое земледельческое хозяйство здесь тесно связано со скотоводством. Действительно, при обработке земли нет возможности обойтись без рабочего скота. Далее, для истощенной почвы необходимо унаваживание пашни в целях восстановления

ее плодородия. А для этого необходим земледельцу тот же скот, который доставляет необходимый навоз для удобрения полей. Скот необходим и для покрытия продовольственных потребностей населения—в мясе, молочных продуктах. Поэтому необходимым дополнением к полевому хозяйству ТР является скотоводство. А это последнее вызывает потребность в образовании кормов для содержания домашних животных в потребном количестве. А так как основным кормом скота в нашем краю является сено, которое получается почти исключительно лишь с естественных лугов, то луговодство, или луговое хозяйство, составляет в ТР особую немаловажную отрасль сельского хозяйства. Существенным дополнением к только что перечисленным нами трем отраслям сельского хозяйства является огородничество и садоводство, также имеющие у нас в ТР не малое значение. Наконец, в качестве специальных отраслей скотоводства нашего края, необходимо выделить птицеводство и пчеловодство.

Как известно, отличительной чертой сельско-хозяйственной промышленности является ее прямая и непосредственная связь с землей. И именно потому свой очерк сельско-хозяйственного промысла в ТР мы должны начать с описания территории этого края и распределения этой территории по угодьям. Затем нам необходимо выяснить особенности земельного строя ТР, так как в том или ином строе земельных отношений несомненно отражаются многие важные характерные черты хозяйственной и политической жизни края. Мало того, и самое развитие производительных сил в стране находится в зависимости от тех или иных форм землевладения и землепользования, от особенностей в распределении земельного фонда и т. д. Поэтому посмотрим, как велики размеры наличного земельного фонда ТР, как он распределен по угодьям среди населения и, наконец, в какие формы вылилось пользование этой землей.

Территория. Вся территория ТР равняется 58.823,7 кв. верстам или 6.127.478 каз. десятинам. Таким образом, площадь этого молодого государственного образования превосходит по своим размерам площади Голландии (имеющей 19.000 кв. в.), Бельгии (26.000 кв. в.), Дании (35.000 кв. в.), Швейцарии (36.000 кв. в.), Эстонии, Латвии и некоторых других Западно-Европейских государств. Если же сравнить ее с площадью всего Союза СС Республик, занимающею 18.417.718 кв. верст, то окажется, что ТР равняется всего лишь 1/313 части всей торритории СССР.

Вся территория ТР в административном отношении делится на 12 кантонов. Их названия и площади легко усмотреть из следующей таблицы.

Площадь кантонов ТССР [1]).

Название кантонов	Размер площади в абсолютных числах:		
	Казен. десят.	Квад. верст	в %%
Арский	738.685	7.091.4	12.1
Бугульминский	793.012	7.612.9	13.0
Буинский	257.925	2.476.1	4.2
Елабужский	360.375	3.459.6	5.9
Лаишевский	447.807	4.298.9	7.3
Мамадышский	452.759	4.346.5	7.4
Мензелинский	492.681	4.729.7	8.0
Свияжский	310.835	2.984.0	5.1
Спасский	467.665	4.489.6	7.6
Тетюшский	302.677	2.905.7	4.9
Челнинский	651.243	6.251.9	10.6
Чистопольский	851.812	8.177.4	13.9
Итого по ТССР	6.127.478	58.823.7	100

Очевидно, по величине занимаемой площади все кантоны ТР далеко не одинаковы и могут быть разбиты на три группы. Первую группу составляют наибольшие по величине кантоны: Чистопольский, Бугульминский, Арский и Челнинский; вторую—кантоны средней величины: Мензелинский, Спасский, Мамадышский и Лаишевский и, наконец, в третью группу входят кантоны с наименьшими площадями: Елабужский, Свияжский, Тетюшский и Буинский.

Распределение земельной площади ТР по угодьям. Татарская Республика находится в лесостепной полосе. Еще до распространения в этом крае земледельческой культуры, вся северная ее часть была занята сплошными лесами, а южная покрывалась степью. В наши дни физономия растительного ландшафта ТР резко изменилась. Там, где когда-то шумел лес, теперь остались о нем лишь одни воспоминания. Бесконечные пашни вытеснили его, как равно совершенно погубили они и степные пространства ТР. Уничтожив большую часть

[1]) Цифры настоящей таблицы вычислены по данным межевого архива Татнаркомзема, а также на основании специальных статистических обследований и относятся к 1925 году.

коренной растительности в ТР с тем, чтобы на освободившейся таким образом территории возделать полевые злаки, огородные и садовые растения и также устроить свое жилище, человек невольно для себя способствовал также развитию полукультурной растительности—заливным и суходольным лугам и выгонам.

В результате такой деятельности человека мы видим, что в настоящее время культурные формы растительности в пределах ТР занимают 60,2% всей земли ТР, из них на пашню падает 58,8% и на сады с огородами 1,4%. На полукультурные формы растительности приходится 10,4% всей земли, или на сенокос 6,5% и выгон 3,9%. Площадь же леса составляет лишь 17,6% всей территории ТР.

Очевидно, по составу угодий ТР является тем краем, где хлебопашество и вообще сельское хозяйство является явно преобладающим занятием жителей.

Нижеприводимая таблица показывает, как распределяется земельная площадь ТР по угодьям и, следовательно, каким образом размещаются в этом крае различные формы растительности.

Распределение земельной площади ТССР по угодьям (в казенных десятинах)

НАЗВАНИЕ УГОДИЙ	В абсолютных числах	В %%
Пашня	3.605.816,18	58,8
Сенокос	395.423,82	6,5
Лес	1.079.614,80	17,6
Выгон	241.272,41	3,9
Усадьба	219.050.86	3,6
Сады и огороды	83.907,61	1,4
Прочие удобные земли	6.970,57	0,1
Всего удобной земли	5.632.056,25	91,9
Всего неудобной земли	469.290,75	7,7
Земли не распред. по угодьям	26.131,00	0,4
Итого	6.127.478	100

Таким образом, в настоящее время в растительном ландшафте ТР определенно преобладает пашня, которая занята различными видами хлебных культур.

Лес же, еще так недавно бывший основным типом растительности и покрывавший собою не только места наших пашен, но и долины рек, где теперь господствуют заливные и суходольные луга, этот лес в наши дни занимает довольно скромное место.

Далее посмотрим, как главнейшие виды угодий распределяются по отдельным кантонам ТР.

Начнем с пашни.

Таблица дает нам возможность видеть, как распределяется общее количество пашни ТР, равное 3.605.816 десятинам, по отдельным ее кантонам.

Площадь пашни по кантонам ТССР
(в казенных десятинах)

КАНТОНЫ	Общая площадь пашни	В том числе в крестьянских хозяйствах
Чистопольский	530.749,75	493.242,38
Арский	439.987,58	430.338,94
Бугульминский	405.985,91	395.386,00
Челнинский	379.785,34	377.611,00
Спасский	301.525,06	270.540,71
Лаишевский	282.270,43	261.342,40
Мензелинский	253.421,41	250.024,00
Мамадышский	247.152,92	242.668,34
Тетюшский	205.456,48	201.923,18
Свияжский	201.451,76	192.618,50
Елабужский	183.857,89	181.819,45
Буинский	174.171,65	172.405,00

Как видно, площадь пашни по отдельным кантонам распределена далеко неравномерно. Это, конечно, зависит прежде всего от величины всей территории того или иного кантона. Но интересно также выявить степень распаханности земель по кантонам ТР.

И по степени распаханности земель кантоны Татарии далеко не одинаковы. Если высчитать, сколько десятин пашни приходится на каждые 100 десятин земли в разных кантонах, то мы получим следующую таблицу.

На 100 десятин земли приходится пашни.

КАНТОНЫ	Десятин
Елабужский	51,0
Бугульминский	51,2
Мензелинский	51,4
Мамадышский	54,6
Челнинский	58,3
Арский	59,6
Чистопольский	62,3
Лаишевский	63,0
Спасский	64,5
Свияжский	64,8
Буинский	67,5
Тетюшский	67,9

Очевидно, наибольшая распаханность земель наблюдается в юго-западном углу ТР. Отсюда, в направлении на северо-восток, степень распаханности земель постепенно уменьшается, причем в этом отношении все кантоны ТР образуют пять поясов. Первый пояс, с максимальной распаханностью, составляют кантоны Буинский, Тетюшский, второй — Свияжский и Спасский кантоны, третий — Лаишевский и Чистопольский, четвертый — Арский, Челнинский и Мамадышский и пятый пояс, с минимальной распаханностью земель, состоит из Мензелинского, Бугульминского и Елабужского кантонов. (Эти пояса мы увидим на прилагаемой картограмме). Но относительному количеству хлебопахатных земель Татреспублика стоит значительно ниже, чем центральный—земледельческий район России, где пахотные земли составляют в среднем 66,0%, равно как и Малороссийский (66,9%), Новороссийский (68,9%). Но распаханность земель Татарии несколько больше, чем это мы видим в других районах, так называемой, производящей полосы Европейской России и безусловно значительно выше, чем в каждом из районов «непроизводящей» полосы.

Интересно также сравнить % распаханности земель, с таким же процентом главнейших Зап. Европейских государств. Оказывается, что во Франции этот % равняется 59,4, в Германии—48,7, Италии—44,2, Австрии—37,5, Англии—12,9.

Распределение *лесной* площади по кантонам ТР представляется нам в следующем виде.

Площадь лесов по кантонам ТР.

КАНТОНЫ	Казенных десятин
Чистопольский	180.391,22
Бугульминский	179.703,17
Челнинский	123.530,08
Мамадышский	108.072,53
Арский	108.512,77
Лаишевский	101.442,80
Спасский	91.017,30
Свияжский	55,242,48
Елабужский	47.928,14
Мензелинский	45.231,81
Буинский	25.658,77
Тетюшский	12.883,73
ИТОГО по ТР.	1.079.614,80

Таким образом, наибольшей площадью лесов обладают кантоны: Чистопольский, Бугульминский и Челнинский. Затем идут Арский, Мамадышский, Лаишевский и Спасский. Сравнительно немного лесов в Свияжском, Елабужском и Мензелинском кантонах. Минимальными площадями лесов располагают кантоны Буинский и Тетюшский.

Какова же насыщенность отдельных кантонов лесами?

Об этом позволяют нам судить такие цифры.

На каждые 100 десятин земли приходится десятин леса.

КАНТОНЫ	Десятин
Тетюшский	4,3
Мензелинский	9,2
Буинский	9,9
Елабужский	13,3
Арский	14,7
Свияжский	17,8
Челнинский	19,0
Спасский	19,5
Чистопольский	21,2
Бугульминский	22,7
Лаишевский	22,7
Мамадышский	23,9

Как видно, наиболее насыщены лесами кантоны, расположенные в центре ТР. Действительно, кантоны Мамадышский, Лаишевский, Бугульминский и Чистопольский имеют максимальную степень распространенности лесов. Велика насыщенность лесами и в примыкающих к ним кантонах—Спасском, Челнинском и Свияжском, равно как и в Арском и Елабужском. Минимум степени распространенности лесов мы видим в трех остальных кантонах—Буинском и Мензелинском и Тетюшском.

Если сравнить обеспеченность лесами ТР с такою же обеспеченностью большинства губерний и областей Европейской России, как в ее черноземной, так и нечерноземной части, то мы должны признать, что ТР, относительно, бедна лесами.

Общая площадь лугов ТР, равная 395,423,82 десятинам, распределяется по отдельным кантонам таким образом:

Кантоны.	Общая площадь лугов.	В том числе в крестьянских хозяйствах.
Арский	31.441,06	28.230,97
Бугульминский	27.604,19	24.077,61

Буинский	5.179,93	4.592,17
Елабужский	31.130,51	30.452,31
Лаишевский	48.860,64	41.897,90
Мамадышский	19.565,50	18.073,48
Мензелинский	59.115,91	57.985,60
Свияжский	28.285,82	25.347,00
Спасский	38.104,24	27.795,77
Тетюшский	10.656,83	9.481,30
Челнинский	24.369,35	23.645,95
Чистопольский	71.109,84	58.631,17
По ТР.	395.423,82	350.211,23

Таблица показывает, что луговые площади по отдельным кантонам распределены далеко неравномерно. Очевидно, наиболее богаты лугами Прикамские кантоны—Чистопольский, Мензелинский, Лаишевский, Спасский и Елабужский. Здесь по преимуществу заливные луга, расположенные в пойме р. Камы. Несколько меньше, но все же довольно значительные луговые площади, мы видим также в Арском, Свияжском, Бугульминском, Челнинском и Мамадышском кантонах. Луга в этих кантонах сосредоточены по долинам рек Волги, Свияги, Казанки, Меши, Камы и Вятки, хотя много здесь и суходолов.

Беден лугами юго-западный угол ТР, занимаемый Тетюшским и Буинским кантонами. Суходольные луга здесь почти все распаханы, а заливных лугов очень мало.

Большую часть лугов ТР, именно более 60% их, составляют луга заливные, расположенные в долинах, как больших рек—Волги, Камы и Вятки, так и малых рек и речек—Свияги, Меши, Казанки и др. Остальную часть лугов составляют, так называемые, «материковые»—низинные (болотистые) и суходольные.

По степени насыщенности лугами кантоны ТР можно расположить в следующем порядке.

Кантоны	На 100 десятин земли приходится десятин луга.
Буинский	2,0
Тетюшский	3,0
Бугульминский	3,5
Челнинский	3,7
Мамадышский	4,3
Арский	4,3
Спасский	8,2
Чистопольский	8,3

Елабужский	8,6
Свияжский	9,1
Лаишевский	10,9
Мензелинский	12,0

Таким образом, наибольшую насыщенность луговыми угодьями имеют Мензелинский и Лаишевский кантоны, равно как и Свияжский, Елабужский, Чистопольский и Спасский. Прочие кантоны ТР имеют незначительные луговые пространства.

Интересно отметить, что % общей площади кормовых земель (т. е. лугов и выгона вместе) по ТР совпадает со средним % такой же площади всей Европейской России и он больше, чем в среднем по всей нечерноземной полосе Европейской России, (где кормовая площадь составляет 16,3% всех угодьев) и меньше, чем в черноземной полосе этой последней (где кормовая площадь равняется 7,5%).

Если же мы сравним ту же площадь кормовых земель ТР с такой площадью в главнейших странах Западной Европы, то окажется, что Татария в этом отношении равняется лишь Франции (кормовая площадь в ней равняется 10,5%) и значительно уступает таким государствам, как Германия (где кормовая площадь достигает 16,0% всех угодий), Австро-Венгрия (23,8%), Италия (25,0) и Англия (65,8%).

Наконец, не безинтересно проследить и степень распространенности по кантонам ТР также и плодовых садов.

Всего плодовых садов в сельских местностях ТР насчитывается 6.030,11 каз. десятин. По отдельным кантонам эта площадь разбивается таким образом:

Площадь под плодовыми садами в сельских местностях ТР.

КАНТОНЫ:	Десятин плодового сада
Свияжский	2.878,00
Тетюшский	2.126,87
Елабужский	186,00
Челнинский	151,00
Спасский	146,67
Лаишевский	139,00
Мамадышский	131,75
Арский	102,87
Буинский	64,58
Чистопольский	63,66
Мензелинский	31,46
Бугульминский	8,25
Итого по ТР	6.030,11

Очевидно, садами отдельные кантоны ТР насыщены далеко не одинаково. Первое место в этом отношении занимают Свияжский и Тетюшский кантоны, в которых сосредоточено 83% всей садовой площади Татарской Республики. По остальным кантонам сады распространены довольно редко, можно видеть также и из следующей таблицы:

На 1000 десятин земли приходится десятин сада:

КАНТОНЫ.	Десятин.
Бугульминский	0,01
Мензелинский	0,06
Чистопольский	0,07
Арский	0,14
Челнинский	0,23
Буинский	0,25
Мамадышский	0,29
Лаишевский	0,31
Спасский	0,32
Елабужский.	0,52
Тетюшский	7,03
Свияжский	9,26

Особенно ярко представляется нам эта неравномерность распределения площади садов по кантонам ТР на прилагаемой картограмме.

Нам кажется, что нужно сказать еще несколько слов о так называемых «неудобных» землях. Под этой категорией земель обычно принято понимать земли, находящиеся под болотами, песками, оврагами, дорогами, кладбищами, бечевниками и т. д. Большинство этих «неудобных» земель в действительности далеко не является непригодными в хозяйственном отношении. Многие из этих земель, при известном желании, при поднятии культурного уровня населения, несомненно превратятся в культурные площади (болота осушатся и превратятся в прекрасные луговые или пахатные площади, пески и овраги засадятся деревьями и т. д.). Поэтому эти «неудобные» земли нужно считать, как земельный сельско-хозяйственный фонд, которым наш земледелец не преминет воспользоваться при переходе на интенсивные формы сельского хозяйства. В общем же % неудобных земель в ТР довольно незначителен и в сравнении со всей Россией и с главнейшими странами Зап. Европы даже мал. Вспомним, что в Голландии % неудобных земель равняется 26,9, в Швеции—36,2, Сербии—46,5, Норвегии—74,7, во Франции—14,3 и в СССР—17,6.

Такова территория Татарской Республики и так делится она по отдельным угодьям.

В конце прошлого XIX столетия вся земля, лежащая на территории Татарии, была распределена между Казанью, удельным ведомством, крестьянскими общинами и частными собственниками различных категорий, среди которых находились дворяне, церкви, монастыри и др.

Это распределение, по нашим исчислениям, может быть представлено в следующем виде.

Из общего количества поземельной собственности приходилось на долю:

Частных собственников (лиц, обществ и компаний).	13,9%
Крестьянских общин	60,7%
Казны	21,8%
Удельного ведомства	2,9%
Остальных владельцев	0,7%
Всего	100%

Как видно, крестьянское землевладение было господствующим в нашем краю и занимало $^3/_5$ площади нашей ТР. Львиную долю отхватывала себе казна, во владении которой было более $^1/_5$ всей земли нашего края. Третье место занимали в этом отношении частные собственники. На долю их приходилось почти 14% общего количества земли. Около трех процентов земли было во владении удельного ведомства.

В настоящее время мы видим уже совершенно иную картину. Вся земля, после Октябрьской Революции, является собственностью государства. Правом пользования (не владения!) землею принадлежит ныне или «землеробам, которые самолично обрабатывают землю, получая таковую по определенной норме, не превышающей норму рядового крестьянина» или самому государству. Поэтому в настоящий момент мы видим две категории землепользователей:

1. Государство (эксплоатирующее земли советских хозяйств, промышленных учреждений и т. п.), которое имеет в своем пользовании 21,7% всей земли ТР (в том числе госуд. леса и городск. земли 0,4).

2. Земледельцы, на долю которых падает 78,3% всей земли ТР.

Таким образом, огромное большинство земель ТР находится в распоряжении земледельцев.

Закон о переходе всей земли в собственность государства, однако, не предрешает форм пользованая землей. Современное законодательство допускает любые формы *трудового* пользования землею: общинное, подворное, артельное и товарищеское.

Главную массу земледельцев Татарии составляет трудовое крестьянство, которое также, как почти повсеместно в России, пользуется

землей на *общинных* началах. В этом случае правом распоряжения землей принадлежит группе крестьян, составляющих, так называемую, земельную общину; пользование же распределяется между членами этой группы на пропорциональных уравнительных началах, в зависимости от численного состава семей, входящих в общину.

За последнее время, правда, еще в небольших размерах, стало появляться также коллективное и коммунистическое землепользование, при которых земледельцы, соединившиеся в трудовые сельскохозяйственные *артели и коммуны*, обрабатывают землю и пользуются ее плодами сообща. К концу 1921 года в Татреспублике имелось 199 трудовых сельско-хозяйственных артелей, обрабатывающих 20.525 десятин и 23 коммуны с 1.381 десятиной земли. В настоящее время трудовых артелей значится 307, пользующихся 11554 дес. земли и 36 коммун с 2546 десятин земли.

Особой формой современного землепользования является эксплуатация земли государством помощью *советских хозяйств*, образованных из лучших помещичьих имений и имеющих своим назначением быть «маяками» среди агрономически неграмотной крестьянской массы в деле практического ознакомления землеробов с улучшенными системами различных отраслей сельского хозяйства. В настоящее время таких советских хозяйств в пределах ТР насчитывается 110. В их распоряжении находятся 52587 десятин земли.

Без сомнения, было бы весьма важно и интересно знать, как отдельные формы землевладения распространяются в ТССР, которые из них отмирают и, наоборот, которые имеют тенденцию к развитию. Но, к величайшему сожалению, в нашем распоряжении нет необходимых статистических материалов, позволяющих произвести подобную характеристику.

Установив земельный фонд ТР и существующие формы землевладения, мы должны выяснить еще один весьма важный вопрос, а именно—как обеспечены крестьянские хозяйства отдельных кантонов ТР землею.

Крестьянские хозяйства ТР различных кантонов обеспечены пахотной землей далеко не одинаково. В наиболее благоприятных условиях в этом отношении находятся Закамские кантоны: Спасский, Челнинский, Бугульминский, Чистопольский и Мензелинский. На втором месте, по обеспеченности пахотной землей, стоят Прикамские кантоны: Лаишевский, Мамадышский, Елабужский и Арский.

Минимальное количество пашни на 1 хозяйство приходится в 3-х Заволжских кантонах: Свияжском, Тетюшском и Буинском. Это легко усмотреть из следующей таблицы:

Обеспеченность крестьянских хозяйств пашней.

КАНТОНЫ	На 1 хозяйство приходится десятин пашни
Спасский	9,4
Челнинский	8,4
Бугульминский	8,2
Чистопольский	7,7
Мензелинский	7,6
Лаишевский	7,6
Мамадышский	6,8
Елабужский	6,6
Арский	6,3
Свияжский	6,3
Тетюшский	5,9
Буинский	5,7
По ТССР	7,2

Повторяем, на территории ТР сами собою намечаются три района, отличающиеся различной степенью обеспеченности крестьянских хозяйств пашней.

Что касается обеспеченности крестьянских хозяйств ТР лугами, то об этом нужно сказать следующее.

Как и следовало ожидать, наиболее обеспеченно крестьянское хозяйство лугами в тех кантонах, в которых эти угодья составляют значительный процент среди других угодий. Такими кантонами являются Мензелинский, Лаишевский, Елабужский, Чистопольский, Спасский и Свияжский. В прочих кантонах на одно кр. хозяйство приходится весьма малое количество лугов, причем минимум мы видим в юго-западном углу ТР, как мы уже знаем, наиболее распаханном. Вот табличка, которая убеждает нас в только что сказанном.

Обеспеченность крестьянских хозяйств ТР лугами.

КАНТОНЫ	На 1 кр. хоз. приходится в среднем десятин луга
Мензелинский	1,8
Лаишевский	1,2
Елабужский	1,1
Чистопольский	0,9
Спасский	0,9
Свияжский	0,8
Челнинский	0,5
Мамадышский	0,5

Бугульминский	0,5
Арский	0,4
Тетюшский	0,3
Буинский	0,2
По ТССР	0,7

Но следует оговориться, что в тех кантонах, где мы видим наибольшую распространенность лугов, а следовательно, и большую обеспеченность ими крестьянских хозяйств, этот вид угодий далеко не одинаково распределен по отдельным волостям таких кантонов. Луговые пространства концентрируются преимущественно около берегов рек Волги и Камы, а также и многочисленных притоков.

Говорить об обеспеченности крестьянских хозяйств лесными угодьями довольно трудно. Можно лишь сказать, сколько, теоретически, приходится десятин лесу на 1 кр. хозяйство в том или ином кантоне. И это вот почему. Как известно, главная масса лесов находится в непосредственном ведении самого государства. В пользовании самих крестьян имеется сравнительно небольшие пространства лесных угодьев.

Какое же количество леса падает на одно кр. хозяйство в разных кантонах?

Табличка ясно говорит нам об этом.

КАНТОНЫ	На 1 кр. хоз. приходится десятин леса
Бугульминский	3,7
Спасский	3,2
Мамадышский	3,0
Лаишевский	2,9
Чистопольский	2,8
Челнинский	2,7
Свияжский	1,8
Елабужский	1,7
Арский	1,6
Мензелинский	1,4
Буинский	0,9
Тетюшский	0,4
По ТССР	2,3

Как видно, только что приведенные цифры находятся в самой тесной связи с цифрами, приведенными нами выше и указывающими степень распространенности лесов в кантонах ТР. Действительно, в тех кантонах, в которых мы видим максимальную распространенность лесов, приходится и максимальное количество десятин лесу на 1 кр. хозяйство.

Такова средняя обеспеченность землею крестьянского населения различных кантонов ТР.

Но, в силу исторически сложившихся обстоятельств, татарское крестьянство оказалось далеко не одинаково наделенным землею в сравнении с русским крестьянством. Русские пришельцы, отбросив туземное татарское население от крупных рек, захватили в свои руки и большее количество земель и в результате татары-крестьяне имели и имеют в настоящее время надельной земли в среднем, и на хозяйство и на душу населения, меньше, чем русские. Данные выборочной разработки материалов сельско-хозяйственной переписи 1920 года определенно говорят нам об этом. Оказывается, что в этом году в среднем на 100 хозяйств приходилось десятин обработанной пахатной земли в каждом из следующих кантонов:

	у татар	у проч. нац.
Лаишевский	488,1	612,6
Мамадышский	456,8	528,4
Свияжский	340,4	498,0
Спасский	475,6	597,8
Тетюшский	405,8	529,0
Чистопольский	478,6	589,3
Мензелинский	440,7	512,9
Челнинский	541,2	598,8
В среднем по 8 кантонам	466,9	555,3

Материалы других источников подтверждают только что отмеченное явление. О меньшей обеспеченности землей крестьян татарской национальности говорят и данные земской статистики. Известный экономист-статистик В. В. Перцев в своем труде «Крестьянское землевладение Казанской губернии» [1]) приводит следующие интересные цифры:

	На одну душу мужск. пола падает к 1907 г. десятин удобной земли	Тоже на одну семью к 1907 г.
У русских крестьян . . .	2,8	7,9
У татарских крестьян . . .	2,5	7,2

Переход помещичьих и казенных земель в руки трудового народа внес мало изменения в этом отношении.

[1]) Выпуск 13, стр. 124.

Данные кантонных Земельных Отделов говорят нам следующее.

Землепользование в ТССР после Октябрьской Революции по отдельным кантонам и национальностям (данные 1922 года).

Приходится десятин надельной земли в среднем на едока у крестьян.

КАНТОНЫ	Татар	Русских	Чуваш, мордвы, мари и вотяков	ВСЕГО
Арский	1,64	1,47	1,32	1,59
Свияжский	1,14	1,75	1,30	1,66
Лаишевский	1,54	2,11	—	1,87
Спасский	1,57	1,70	1,57	1,64
Тетюшский	1,18	1,58	1,30	1,42
Мамадышский	1,27	2,21	1,56	1,62
Чистопольский	1,56	1,56	1,56	1,56
Буинский	1,08	1,70	1,51	1,27
Бугульминский	2,28	2,61	1,81	2,38
Елабужский	1,70	2,01	1,91	1,85
Мензелинский	2,10	2,39	1,97	2,16
Челнинский	1,68	2,09	1,67	1,90
Итого по ТР . .	1,63	1,87	1,52	1,75

Как можно усмотреть из этой таблицы, во всех кантонах, за исключением Арского и Чистопольского, средняя обеспеченность надельной землей русских крестьян большая, чем у крестьян татарской национальности. Только в Арском кантоне мы видим диаметрально противоположное соотношение. В Чистопольском же кантоне землеобеспеченность русских и татар одинаковая.

Полеводство.

Как известно, состояние земледельческого промысла обычно характеризуется: во-первых, площадью посева, во-вторых, распределением этой площади по отдельным культурам, в третьих, урожайностью этих культур, в четвертых, системою земледелия и, в пятых, техникой обработки почвы.

Площадь посевов и ее изменения. Размеры посевной площади на территории ТССР на протяжении лет подвергались различным изменениям. Проследим эти изменения, начиная с 1901 г. и по 1924 г., для чего приведем следующую таблицу:

Площадь полевого посева по ТССР с 1901 по 1924 г. (в границах на 1 января 1925 г.).

Площадь посева (в каз. десятинах).

Г О Д Ы	В абсолютных числах	В %
1901	2.034.756	100
1902	2.031.296	99,8
1903	2.038.068	100,2
1904	2.040.892	100,3
1905	2.068.306	101,6
1906	2.023.456	99,4
1907	2.212.150	108,7
1908	2.065.652	101,5
1909	2.067.947	101,6
1910	2.116.991	104,0
1911	2.052.605	100,9
1912	2.059.681	101,2
1913	2.011.711	98,9
1914	2.198.528	108,0
1915	2.111.442	103,8
1916	1.941.378	95,4
1917	1.992.897	97,9
1918	2.049.736	100,7
1919	1.710.132	84,0
1920	1.719.581	84,5
1921	1.358.576	66,8
1922	1.034.963	50,9
1923	1.542.586	75,8
1924	1.789.671	88,0

Очевидно, весь рассматриваемый нами ряд лет, мы можем разделить на три периода: во-первых, период довоенный (с 1901 по 1914 г.), во-вторых, период военно-революционный (с 1915 по 1920 г.) и, в третьих, период голода и борьбы с его последствиями (с 1921 по 1924 г.).

Период довоенный проходит под флагом увеличения посевной площади. Начиная с 1901 г. эта площадь имеет определенную тенденцию к расширению и достигает своего максимума в 1914 г., превышая по своим размерам площадь 1901 г. на 8%.

Но с началом империалистической войны началась сокращаться и площадь посевов в пределах ТР, сохраняя эту тенденцию, начиная с 1915 г. и по 1920 г. Большое увеличение посевной площади за этот период мы видим лишь в 1918 г., когда солдаты, бросив фронт империалистической войны, вернулись домой и, таким образом, уве-

личили рабочую силу крестьянской массы ТР. Этим и об'ясняется, безусловно, только что указанное расширение посевной площади в 1918 г. Но гражданская война потребовала молодых земледельцев в ряды Красной Армии. И это вызвало новое понижение посевной площади в следующем 1919 г.

Кончилась гражданская война, земледелец вернулся к мирному труду, к мирному строительству, к укреплению своего пошатнувшегося хозяйства. Но этого неудалось ему осуществить. Наш край, как и большую часть России, охватило в 1921 г. неслыханное бедствие: «Белым саваном покрытый, рот оскалив во всю ширь, по Руси на тощей кляче проехал голод-богатырь» (Демьян Бедный). Мрачная година окончательно разрушила, подточила и без того слабое мужицкое хозяйство, и прежде всего вызвала новое необычайное сокращение посевной площади в ТР. В 1922 г. крестьяне могли засеять всего лишь 51% площади, равной засеву 1901 г. И катастрофическое падение посевной площади продолжалось бы и дальше, если бы не были приняты героические усилия, благодаря которым эта площадь начала вновь расширяться и в 1924 г. она привысила уже размеры посевной 1920 г. Будем надеяться, что эта установившаяся тенденция к расширению посевной площади будет имет место и в последующие годы, уничтожая постепенно необычайно большие площади недосева. При нашем, правда кажущемся, малоземелье преступно иметь большие площади незасеянных, пустующих земель. Поэтому дальнейшее всемерное расширение посевной площади должно являться актуальнейшей задачей нашего края в настоящее время.

Полевые культуры ТР. Теперь посмотрим, как распределяется посевная площадь ТР по отдельным культурам.

Полевое хозяйство нашего края является по преимуществу зерновым. Максимальное количество всей посевной площади находится под зерновыми хлебами. Другие культуры, как-то: масляничные растения, картофель, кормовые травы и бобовые, все вместе взятые, занимают сравнительно скромное место в полях ТР. Среди зерновых культур в нашем крае доминирует рожь. Она занимает половину всех посевов в ТР. В яровом клину господствует овес, охватывающий своими посевами около 50% ярового клина. Среди остальных культур назовем: пшеницу, гречу, полбу, просо, горох, чечевицу, ячмень, овес, картофель, лен и коноплю.

Рассмотрим географическое расположение и одновременно с этим степень распространенности полевых культур в ТР.

Основная полевая культура Татарии—*рожь*, распространена повсеместно в нашем краю довольно равномерно. Почти неизменно во всех кантонах, волостях и поселениях ею засеваются почти весь

озимой клин, величина которого находится в прямой зависимости от величины общей посевной площади ТР. Итак, половину всех посевов на полях ТР занимает рожь.

Посевы *овса* распространены по отдельным частям Татарии далеко неравномерно. В отдельных волостях ТР овес занимает от 10 до 90% ярового поля. Эта культура господствует на севере Татарии и кантонах: Арском, Мамадышском, Елабужском, Челнинском и Мензелинском, отчасти на севере Лаишевского и Чистопольского кантонов. Довольно распространена эта культура и в Заволжских кантонах: Свияжском, Буинском и Тетюшском. На юге овес уступает свое место другим полевым культурам. Минимальный процент в яровом поле (менее 40%) он составляет в южных волостях Арского, Лаишевского, Чистопольского, Мамадышского и Бугульминского кантонов. Спасский кантон отличается особой бедностью засевом овса.

На протяжении многих лет, в зависимости от различных обстоятельств, интерес к этой полевой культуре был несколько различен, что можно легко усмотреть из следующих цифр. Овес в 1913 г. занимал 60,7% всего ярового поля. В 1917 г. этот процент уже поднимается до 57,8; в 1920 г. до 56,2; в 1921 г. процент повышается до 58,7; в 1922 г. вновь понижение и довольно сильное того же процента до 35,1 и следующие два года несколько повышают тот же процент до 43,4 (в 1923 г.) и до 41,0 (в 1924 г.). Очевидно, овес время от времени вытесняется другими культурами. Но, несмотря на это, он все-же никогда не уступает своего первого места среди всех остальных культур ТР в яровом поле.

За последнее время серьезным конкурентом для овса является *просо*. По данным переписи 1920 г. оно распространяется, в противоположность овсу, больше в южных частях Татарии. Его царством является Спасский кантон, где в двух волостях (Спасской и Трехозерской) процент проса в яровом поле превышает 40. Остальные волости этого кантона также богаты просом. Довольно значительны посевы этой культуры в Бугульминском, Чистопольском, Челнинском, Мензелинском, Лаишевском и во всех Заволжских кантонах. Захватываются посевами проса также южные части кантонов: Арского, Мамадышского и Елабужского. Весь север Татарии—большинство волостей Арского, Мамадышского и Елабужского—почти вовсе не имеют посевов проса: в среднем на волость от 0,01 до 0,9% всего ярового клина.

В довоенное время просо занимало довольно скромное место среди остальных культур. Так в 1913 году оно составляло едва лишь 3% всего ярового клина, но, начиная с 1917 г., этот процент начинает расти. Действительно, в 1917 году просо занимает 3,7% яро-

вого клина, в 1920 г.—9,5%, в 1921 г.—10,3% и в 1922 г.—33,8%. Такое необычайное увеличение посевной площади проса об'ясняется исключительно тем, что крестьяне инстинктивно стремятся к засеву засухостойчивых растений на своих полях. Такой-то засухостойчивой культурой и является просо. Но этот хлеб весьма малоценен, чем и об'ясняется наблюдающееся за последние два года тенденция наших крестьян к сокращению посевов проса, что можно только от души приветствовать. Действительно, в 1923 г. эта культура уж занимает собою лишь 19% ярового клина, а 1924 году 15,5%.

Довольно распространенной культурой в ТР является *гречиха*. По отдельным кантонам и волостям посевы ее располагаются довольно равномерно. Однако мы можем совершенно ясно определить два центра Татарии, где посевы гречихи значительно увеличиваются в своих размерах, по сравнению с другими местностями ТР. Такими гречушными районами являются почти все волости Бугульминского кантона и прежде всего Бугульминская, Михайловская, Шугурская, а также юго-западные волости Челнинского кантона: Акташевская, Кузайкинская и Заинская, равно как и северо-западная Афанасовская, вместе с соседящей с ней волостью Мамадышского кантона—Омарской. Вторым гречушным районом являются волости, близлежащие к Казани: Ильинская, Куле-Киминская и Пестрецинская, Арского кантона и волости Нарманская, Сараловская, Чирковская, Пановская, Тюлячинская, Лаишевского кантона и Мамалаевская, Мамадышского кантона. Минимальное количество посевов гречихи мы видим в трех южных волостях Чистопольского кантона.

В общем же, в среднем на волость, процент посевов гречихи от 0 до 45 всего ярового клина.

В 1913 году греча занимала 8% всего ярового поля. После войны интерес к ней значительно возрастает. Так в 1917 г. она уже занимает 10,6% ярового поля, а в 1920 г. 11,6%. В 1921 году этот процент понижается до 8,1, но уже в 1922 г. снова возрастает до 12,5, в 1923 г. снижается до 11,6 и в 1924 г. поднимается до 12,9.

Одна из ценных культур, высеваемых в пределах ТР—*пшеница* распространена здесь довольно слабо и распределяется по территории нашего края далеко неравномерно небольшими и разбросанными пятнами, которые имеются во всех кантонах без исключения. Но посевы максимальных размеров мы видим в трех южных волостях Чистопольского кантона—Чулпановской, Егоркинской, Старо-Челнинской и отчасти в Кривозерской. Здесь посевы пшеницы занимают более половины всего ярового поля. Значительные посевы пшеницы мы видим в Свияжской волости, Свияжского кантона, в Атнинской —Арского, Левашовской—Спасского и в Салиховской—Бугульмин-

ского кантона, но есть волости в ТР, где пшеница или совсем не разводится или разводится в чрезвычайно мизерных размерах (от 0,01 до 0,9 процента ярового поля в среднем на волость).

Как же развиваются посевы пшеницы на протяжении лет? В 1913 году пшеница занимала 4% ярового поля; в 1917 году 7,4%; в 1920 г. 4,6%; в 1921 г. 4,7%; в 1922 г. 8,4%; в 1923 г. 8,7% и 1924 г. 7,2%. Можно думать, на основании данных цифр, что интерес крестьянина к этой ценной культуре заметно растет и этот интерес необходимо всемерно поддерживать там, где произрастанию пшеницы благоприятствуют климатические и другие условия.

Горох также распространен далеко неравномерно по отдельным волостям и кантонам ТР. Во многих волостях кантонов мы видим или полное отсутствие посевов этой культуры, или они столь незначительны, что не имеют никакого серьезного хозяйственного значения. (От 0 до 0,9% ярового клина в среднем по волости). Особенно его мало разводят в Арском и Елабужском кантонах, т. е. как раз в волостях, лежащих вблизи двух значительных фабрично-заводских центров—Казани и Елабуги. Довольно большой процент в яровом клину (до 23%) занимают посевы гороха в южных волостях Спасского кантона: Юхмачинской, Кузнечихинской, Алькеевской и Матаковской, а также в соседящей с ними Старо-Альметьевской волости, Чистопольского кантона. Следует отметить выделяющиеся в этом отношении и Больше-Тарахоновскую, Городищенскую и Дрожановскую волости Буинского кантона, Балтаевскую и Кильдуразовскую волости Тетюшского кантона и Алькеевскую, Бугульминского кантона.

В довоенный период горох занимал 4,9% площади ярового поля, в 1917 году его процент понизился до 2,9% с тем, чтобы в 1920 г. достигнуть 4,3%. Годы 1921 и 1922 дают новое снижение процента гороха—в 1921 г. 3,7% и в 1922 г. 2,2%, но в последние два года засевы гороха вновь увеличиваются и горох получает место, которое он занимал в довоенный период—в 1923 г. его посевы составляют 3,9%, а в 1924 г. 5,1% всех яровых посевов.

Чечевица занимает строго очерченное место в ТР. Ее царство—Прикамские и Заволжские кантоны: Мамадышский, Лаишевский, Арский, Свияжский, Тетюшский и Буинский, где чечевица занимает до 11% всего ярового поля. В Закамье эта культура почти совсем нераспространена. Действительно, в кантонах Мензелинском, Н.-Челнинском, Бугульминском и Чистопольском, также в Елабужском посевы чечевицы столь незначительны, что о них не приходится и говорить (от 0 до 0,9% всего ярового клина на волость). Весь северо-западный угол Арского кантона также имеет малые посевы чечевицы. Из всех Закамских кантонов в этом отношении некоторое исключе-

ние составляет Спасский кантон, в большинстве волостей которого мы видим более значительные посевы чечевицы, чем в других кантонах Закамья.

Динамика посевной площади чечевицы такова. В 1913 г. эта культура составляла около 2-х процентов всего ярового поля. 1917 г. этот процент понижается до 1,7, как равно и в 1920 г.—до 1,5%. 1921 г. дает небольшое повышение—до 1,8%. Голодный год свел почти на нет эту культуру. Действительно, в 1922 г. мы видим, что чечевица занимает всего лишь 0,1% ярового поля. Но последующие годы вновь повышают процент чечевицы. В 1923 г. чечевица составляет 1,1%, а в 1924 г.—2,9% посевов всех яровых культур.

Ячмень имеет районом своего распространения лишь кантоны Прикамские. Но и в них не все волости имеют в достаточной мере посевы этой культуры. Ячмень захватывает собою преимущественно северные части Арского, Лаишевского, Мамадышского и Елабужского кантонов, где ячмень составляет в среднем до 7% всех яровых посевов. Небольшими островками посевы ячменя разбросаны также в некоторых волостях Свияжского, Чистопольского, Бугульминского и Мензелинского кантонов. В большинстве же волостей кантонов Закамья и Заволжья мы видим чрезвычайно малые посевы ячменя (менее 0,9% всего ярового поля).

В довоенный 1913 г. ячмень занимал скромное место—1,7% всей площади ярового поля. В последующие годы он уступает место другим культурам и только после голодного года процент его в общем составе яровых культур несколько повышается, а затем снова начинает падать, достигая в 1924 г. почти довоенных размеров. В справедливости только что сказанного можно убедиться из следующих цифр.

Ячмень занимал процент ярового поля: в 1913 г.—1,7%, в 1917 г.—1,0%, в 1920 г.—0,6%, в 1908 г.—0,8%, в 1922 г.—4,1%, в 1923 г.—3,5%, и в 1924 г.—1,9%.

Полба распространена также далеко не одинаково по отдельным волостям и кантонам ТР. Полбенным районом можно назвать почти весь Чистопольский кантон и несколько волостей Спасского, примыкающих к Чистопольскому и Бугульминскому кантонам. Здесь посевы полбы составляют до 35% всей площади яровых посевов. В этом же отношении можно выделить и волости Мензелинского кантона: Мензелинскую, Ново-Мазинскую и Муслюмовскую, а также северную волость Бугульминского кантона. В остальных кантонах полба распространена довольно незначительно. В волостях же, примыкающих к Волге и на правом берегу Камы, имеется минимальное количество посевов полбы (менее 0,9% всех яровых посевов).

В довоенный период полба среди остальных яровых культур занимала довольно почетное место, имея даже больший процент ярового клина, чем греча. Но с течением времени ее значение все больше и больше уменьшается, в чем легко убедиться при рассмотрении следующих цифр.

Полба занимала процент ярового поля: в 1913 г.—10,1%, в 1917 г.—8,8%, в 1920 г.—6,4%, в 1921 г.—6,0%, в 1922 г.—0,1%, в 1923 г.—2,4%, и в 1924 г.—4,0%.

Технические культуры *лен и конопля* имеют распространение также не во всех волостях Татарской Республики. Ими заняты преимущественно южные волости, прилегающие к Казани, Арского кантона, все волости Лаишевского, Мамадышского кантонов, некоторые волости Елабужского, западная половина Челнинского, несколько северных волостей Чистопольского, почти весь Тетюшский и Свияжский кантоны. Таким образом, техническими культурами занимаются жители срединной части Татарии. Юго-восточные же, северо-западные и юго-западные окрайны нашей Республики проявляют малый интерес к льну и конопле.

Но там, где культура льна и конопли уже привились, жители хорошо понимают выгоду разведения этих растений, а потому даже в самые неблагоприятные для земледелия годы лен и конопля имели сравнительно устойчивый процент в яровом клину. Действительно, в яровом поле составляли проценты посевы:

	В 1913 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Льна . .	1,8%	1,4	2,5	2,1	1,6	1,6	2,1
Конопли	1,2	0,7	0,9	1,2	0,9	0,7	1,0

К великому сожалению, культура *картофеля* также имеет не повсеместное распространение. Эта культура имеет свой определенный район, центром которого является столица Татарии—Казань. Наибольшая площадь ярового поля (до 50%) занята в Воскресенской и Столбищенской волостях Арского кантона, как известно, лежащих недалеко от только что названного городскодо центра. От этого ядра, картофельного царства, идет «картофельное» влияние и на соседние, довольно многочисленные, волости Арского, Лаишевского, Свияжского, Тетюшского и отчасти Буинского кантонов. Таким образом, картофельный район составляет вся западная часть Татарии. В восточной части культура картофеля распространена весьма незначительно. Посевы ее здесь можно встретить лишь в огородах и на приусадебных землях, только для себя, в незначительном количестве. В яровом же клину посевы картофеля здесь не превышают 0,9%. С удовлетворением можно отметить, что среди населения за последние годы, особенно после войны, замечается стремление к расширению площади посева картофеля. Действительно, в то время как в 1913 г. карто-

фель занимал собою 2,4% ярового клина, в 1917 г. ее процент уже 3,1. Гражданская война и голод не свели на нет площадь посева картофеля. В 1920 г. картофель занимает 1,9% ярового поля, в 1921 г.—2,6% и 1922 г.—1,2%. Наученные горьким опытом голодных лет, крестьяне за последние два года значительно расширяют посевы картофеля. И мы видим, что в 1923 г. картофель занимает уже 3,6% всего ярового поля, а в 1924 г.—5,6%.

Прочие культуры, как мы уже говорили, развиты в ТР чрезвычайно мало. Площадь их столь незначительна, что говорить о ней едва-ли следует.

Такова площадь полевого посева и так распределяется она по отдельным культурам.

Обеспеченность крестьянских хозяйств посевом.

Теперь посмотрим все ли крестьяне в равной мере пользуются только что описанной нами посевной площадью.

Оказывается, что в этом отношении средняя обеспеченность посевом крестьян в разные годы была далеко не одинакова. Так на 100 душ населения приходилось посева в разные годы следующее количество казенных десятин:

1917 г.—72,1, 1920 г.—59,8, 1921 г.—47,5, 1922 г.—38,7, 1923 г.—58,2 и 1924 г.—67,8.

Таковы средние числа. В действительности же многие крестьянские хозяйства не имеют в настоящее время посева, некоторые из них имеют в среднем на одно хозяйство минимальное количество этих посевов, но есть хозяйства и с максимальной посевностью. Вот табличка, которая позволяет нам усмотреть распределение крестьянских хозяйств в ТР по обеспеченности посевом за ряд лет.

Распределение крестьянских хозяйств ТССР по обеспеченности посевом с 1917 по 1924 г.г. в %%.

№№ по пор.	Группы хозяйств по посевности (десят. на 1 хозяйство).	Количество хозяйств в %%					
		1917 г.	1919 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
1.	Без посева	13,74	4,77	2,72	5,36	1,82	1,18
2.	До 1,0	4,59	7,57	5,54	24,27	13,60	6,64
3.	1,0 до 2,0	14,24	15,86	19,15	29,96	24,76	16,14
4.	2,1 до 4,0	26,32	36,88	42,18	30,51	38,79	38,73
5.	4,1 до 6,0	19,13	21,63	21,59	7,44	14,72	23,11
6.	6,1 до 8,0	10,62	8,79	6,33	1,80	4,53	9,43
7.	8,1 до 10,0	3,64	3,14	1,78	0,46	1,18	3,27
8.	10,1 до 16,0	4,85	1,35	0,70	0,19	0,57	1,41
9.	Свыше 16	0,87	0,01	0,01	0,01	0,03	0,09
	Итого	100	100	100	100	100	100

Из сравнения цифр можно усмотреть, что под влиянием революции и социализации земли значительно уменьшился кадр безпосевных хозяйств, уничтожилась группа крупных посевщиков и сильно увеличились группы мелких и средних хозяйств. Следовательно, резкие грани классового устроения крестьянства, имевшее место в нашем крае до Октябрьской Революции, стерты этой последней в значительной мере.

Урожайность культур ТР. Чрезвычайно большое значение для земледельца имеет урожайность его полей, т. е. то количество хлеба и других продуктов полеводства, которое он получает со своей нивы. В этом отношении наш земледелец находится в чрезвычайно неблагоприятных условиях, урожайность его полей, как можно усмотреть из прилагаемой таблицы, весьма невелика. Это положение нам будет еще более ясно; значение цифр только что указанной таблицы будет еще понятнее, если мы сравним их с данными об урожайности в некоторых государствах Западной Европы. Приведем с этой целью следующую таблицу [1]):

ХЛЕБА и ГОДЫ СТРАНЫ	РОЖЬ					ПШЕНИЦА				
	1910	1911	1912	1913	1914	1910	1911	1912	1913	1914
	Средний урожай в пудах с 1 каз. десятины									
Татарска Республика	42	18	78	66	36	38	15	29	53	53
Англия	—	—	—	—	—	142	154	136	149	147
Бельгия	147	154	138	147	149	146	175	175	168	156
Германия	113	118	123	127	110	130	137	156	157	132
Голландия	114	119	118	122	98	152	173	173	160	170
Швейцария . . .	139	128	120	123	116	149	154	135	158	143
Швеция	107	103	98	94	117	152	147	135	161	147

[1]) Цифры заимствованы частью из «Сборника Статистико-Экономических сведений по с/хоз.» 1916 г. ст. 115.

Цифры говорят сами за себя и едва ли требуют каких-либо коментарий. Ясно, что земледелец Татарской Республики по каким-то причинам (а о них мы скажем ниже) в 4—5 раз собирает меньше с каждой своей десятины хлебов, чем его западно-европейский товарищ.

Какая масса хлеба, а следовательно и богатства, попало бы в руки нашего землероба, если бы он умел достигнуть тех же результатов, какие достигает на своих полях англичанин, бельгиец, немец, голландец и др.! Имея в своем распоряжении огромные площади посева, Казанский край мог бы быть настоящей и неисчерпаемой житницей серых хлебов, кормилицей многих миллионов людей промышленных областей.

Наши урожаи не только низки, по сравнению с урожаями Западной Европы и Америки, но и крайне неустойчивы. Наш земледелец ежегодно весной не может быть уверен даже в том, что он соберет с своего поля затраченные на посев семена. Смена урожайных лет неурежайными и даже голодными годами представляет для нас своего рода закон: в течение ряда хронологически соседних лет один год бывает отмечен сильным неурожаем хлебов. Эта смена урожайных лет неурожайными, известная не только у нас в ТР, но и по всей России, оказывает огромное влияние на всю нашу экономическую жизнь. Например, достаточно появиться двум хорошим урожаям, чтобы промышленность сдвинулась с мертвой точки, начала развиваться.

Нет сомнения, что эта смена неслучайная, а закономерная и имеет целый комплект причин. Среди этих последних мы видим культурность страны, широкую агрономическую грамотность сельского населения, технику земледелия, характер рельефа, почву и т. д. и т. п.

Более же всего на урожай влияет климат данного года.

Вышеуказанная закономерность в появлении у нас урожаев и неурожаев была впервые указана Карлом Марксом. В своем письме к Николаю—ону. К. Маркс дает следующее об'яснение этому явлению.

«Почва, будучи непрерывно истощаема и не получая путем растительного, животного или искусственного удобрения элементов, но предоставленная лишь изменчивым влияниям более или менее благоприятной погоды и других независящих от человека обстоятельств, будет все же продолжать жатвы очень различного изобилия, хотя при обзоре целого периода лет, например, с 1870 по 1880 г., застойный характер земледельческого производства выступает перед нами с поразительной ясностью. При таких обстоятельствах, благоприятные климатические условия только пролагают путь *голодному году*, вследствие быстрого потребления и освобождения еще скрыв-

шихся в почве минеральных оплодотворителей и, наоборот, голодный год, а еще более ряд неурожайных годов, позволят свойственным почве минералам накопиться сызнова и обнаружить при новом возвращении благоприятных климатических условий. Этот процесс совершается, конечно, повсюду; однако, *в других местах* (т. е. в Западной Европе и Америке! В. Е.) сдерживается видоизменяющим вмешательством самого земледельца, но он становится *единственным регулирующим фактором* всюду, где человек перестал быть дополнительною «силою», просто по недостатку средств.

Так вы (русские! В. Е.) имели прекрасную жатву в 1870 г., но этот год был, так сказать, *климактерическим* (a climax-year), за которым, как за таковым, немедленно последовал очень плохой год 1871. Этот 1871 г., с его очень плохой жатвой, может рассматриваться, как отправной пункт для ного маленького цикла, приводящего нас к новому климактерическому году, 1874-му, за которым непосредственно идет опять голодный 1875 год. Затем снова начинается движение вверх, завершающееся еще худшим голодным годом 1880-м.

Сводка результатов отдельных годов за весь этот период показывает нам, что среднее годовое производство за этот период оставалось на одной и той же высоте, и что отличия в характере отдельных годов и маленьких годовых циклов были результатом исключительно одних только естественных факторов».

Таким образом, К. Маркс еще в 70-х годах прошлого столетия установил периодическое колебание урожаев в России и предсказал их неизбежность до тех пор, пока единственным фактором наших русских урожаев останутся стихийные силы природы.

Подобных колебаний урожает почти совершенно не наблюдается в наиболее культурных государствах Западной Европы и Америки. И в этом заключается одна из сильнейших сторон земледелия этих стран.

Достигается же эта устойчивость исключительно умением обрабатывать землю. Усовершенствованная агрономическая техника и устойчивый, тщательный труд культурного западно-европейского и американского земледельца побеждает и климатические условия. Знания, технические навыки и умение позволяют ему все более и более совершенно использовать силы природы. Наш же невежественный земледелец с его допотопной сохой, сквернымн семенами, плохой обработкой неудобренного поля, из года в год засеваемого зерновыми хлебами, является рабом окружающей его природы.

Нет сомнения, что на высоту урожая влияют не только указанные у К. Марксом три фактора—климатические условия, естественные силы почвы и вмешательство в процесс самого человека, нет,

число таких естественно-исторических и социально-экономических факторов значительно больше и они тесно сплетены друг с другом. Но задача нашего настоящего небольшого очерка заключается совершенно не в том, чтобы выяснить, описать все это множество и многообразие факторов, создающих величину урожая. Нет, перед нами лежит более скромная задача—показать читателю, что и в нашем краю, в ТР, существуют колебания урожаев хлебов и что в этих колебаниях наблюдается известная закономерность.

Обратимся к фактам.

Статистическое Управление ТССР располагает богатым материалом по статистике урожая хлебов в кантонах ТР. Мы имем цифры урожайности (средний валовой сбор с десятины) по крестьянским хозяйствам в границах ТР, по 1924 год. Материалы эти унаследованы от Земских Статистических Бюро и пополняются за последнее годы результатами наблюдений ТСУ.

Проанализируем сначала движение урожаев ржи.

Урожаи первых 7-ми лет, с 1885 г. включительно, представляют из себя определенный законченный цикл. Неурожайный 1884 год обуславливает собой резкий под'ем урожайности в первых двух годах рассматриваемого нами цикла—в 1885 и 1886 г.г. Но достигнув своего культурного пункта в только что указанный 1885 год, урожайность начинает падать из года в год и это падение совершается довольно энергично и, наконец, завершается неурожайм 1891 года. Следующие 7-мь лет (с 1892 по 1898 г. включ.) составляют новый цикл урожаев. Картина движения урожаев ржи за этот период времени паразительно похожа на только что описанное движение предыдущего 7-ми летнего цикла. И здесь мы видим вслед за неурожайным 1891-ым годом быстрое повышение урожайности в течение первых лет описываемого цикла—1892 и 1893 г.г., причем в 1893 г. урожайность достигает своего максимума. Но вслед за этим миксимумом урожайности неуклонно и энергично падает и это падение заканчивается вновь сильным неурожаем 1898 года.

Третий урожайный цикл состоит уже из 8-ми лет: 1899—1906 г.г. Движение урожаев за годы этого цикла несколько непохоже на движение предыдущих 2-х циклов. Действительно, после неурожайного 1898 года, урожайность резко поднимается в следующем 1899 году с тем, чтобы в 1900, а затем 1901 г.г., снова значительно понизиться. С 1902 года по 1904 год начинается новое повышение, причем в 1904 году урожайность достигает небывалых еще за последние 50 лет урожаев. Но 1905 год делаем резкий скачек в сторону уменьшения, а в 1906 году мы снова видим неурожай ржи.

Четвертый цикл урожайных лет состоит только из 5-ти лет: 1907—1911 г.г. При этом по движению урожаев он имеет характерные отличия от первых трех описанных урожайных циклов. Так, после неурожая 1906 года, в течение следующих 3-х лет—1907, 1908 и 1909 урожайность непрерывно повышается, но затем в следующие 2 года падает до значительного неурожая, который имеет место в 1911 году.

Пятый урожайный цикл продолжительнее всех предыдущих—он состоит из 10-ти лет: 1912—1921 г.г. Данный цикл отличается недостаточностью урожаев и почти ежегодными колебаниями в сторону повышения и в сторону понижения. Действительно, недородный 1911 г. ведет за собой богатый урожай 1912 года, после которого урожайность вновь резко падает в 1913 и 1914 г.г. с тем, чтобы снова в 1915 году достигнуть размеров урожая 1912 года. Затем снова понижательная тенденция в 1916 и 1917 г.г. Небольшой под'ем урожайности в 1918 г. Последние годы пятого урожайного цикла дают катастрофическое падение урожайности в ТР и цикл заканчивается, пожалуй, небывалым еще в истории края ужасным голодом 1921 г.

Шестой урожайный цикл только еще начался—мы имеем лишь первые его четыре года 1922, 23, 24 и 25. Сколько длинен будет этот цикл, каково в течение его будет движение урожаев, сказать сейчас затруднительно.

Что же касается урожаев овса, то движение их рисует нам почти ту же картину, какую мы видели в движении урожаев ржи. Те же шесть урожайных циклов, те же годы неурожаев. Разница лишь в том, что у овса амплитуда колебаний урожайности больше, резче. Кроме того в некоторые годы относительное повышение в среднем подесятинном сборе ржи не совпадает с таким же повышением подесятинного сбора овса. Иногда здесь мы, наоборот, наблюдаем случаи понижения урожайности. Но таких случаев, на протяжении разсматриваемых нами сорока лет, немного и они нисколько не нарушают указанное совпадение в движении урожаев ржи и овса.

Такую же, приблизительную, картину можно установить и в отношении других яровых культур. Комбинируя цифры погодных урожаев ржи и овса, мы можем установить еще одну закономерность в наших урожаях. Действительно, если мы сгруппируем урожаи по четырехлетиям и выведем среднюю урожайность каждого четырехлетия, то в результате получим следующую любопытную табличку, дающую нам возможность сделать чрезвычайно интересный и важный вывод.

Урожайность ржи и овса по ТССР за 40 лет по 4-хлетиям.

ПЕРИОДЫ	Рожь	Овес
1885—1888	54,9	40,4
1889—1892	29,5	19,0
1893—1896	59,6	48,9
1897—1900	43,7	39,8
1901—1904	58,4	42,6
1905—1908	42,3	28,7
1909—1912	51,9	47,2
1913—1916	58,8	45,6
1917—1920	39,9	25,5
1921—1924	27,4	21,3

Что же мы видим?

Первое четырехлетие (1885—1888 г.) имеет среднюю урожайность ржи в 54,9 пуда и овса—40,4 пуда. Второе четырехлетие имеет уже почти вдвое меньшую урожайность—для ржи 29,5 пуда и для овса 19,0 пуд. Третье четырехлетие опять имеет повышенную урожайность—для ржи в 59,6 пуда и для овса в 48,9 пуд. Четвертое четырехлетие дает уже пониженную урожайность. Такое же явление поочередного чередования повышений и понижений урожайности мы видим и в последующих четырехлетиях. Правильность чередования, как будто, нарушают последния 2 четырехлетия—1917—1920 г.г. и 1921—1924 г. Ведь четырехлетие 1917—1920 г. имеет меньшую урожайность, чем предшествующее четырехлетие 1913—16 г.г., тогда как здесь мы должны были ожидать повышение урожайности. Но здесь нет нарушения установленного нами явления чередования четырехлетних понижений и повышений урожаев в ТР.

Здесь мы видим лишь общее понижение урожайности полей ТР, явившееся последствием общего разрушения сельского хозяйства России, в связи с пережитой нами империалистической войной и революцией. И нужно ожидать, что 4-х летний период 1925—1928 лет даст нам новую волну под'ема в урожайности хлебов ТР.

То же явление периодического под'ема, а затем понижения урожайности хлебов мы увидим, если погодные показания сгруппируются в восьмилетние группы. Действительно, в то время, как в первом восьмилетии мы получили среднюю урожайность ржи в 42,2 пуда с десятины и овса 29,7 пуд., во втором уже больше—51,6 пуда ржи и 44,4 пуда овса, в третьем восьмилетии снова пониженную урожайность—в 50,3 пуд. для ржи и 35,6 пуд. для овса. В четвертом восьмилетии урожайность вновь поднимается—рожь имеет 55,3 пуд. средней урожайности и овес 46,4 пуда. Наконец, пятое восьмилетие вновь понижает урожайность.

Каковы же выводы из приведенных нами здесь цифр и фактов?

Выводы просты, ясны и вместе с тем ужасны, заставляют нас бить тревогу.

Неустойчивость погодных урожаев и поистине чудовищная колеблемость урожаев хлебов ТР, указанная нами, разоряют наше хозяйство, времени от времени приводят его к таким катастрофическим бедствиям, свидетелями которых мы были в 1921 году. И наше крестьянство только тем и занято, что залечивает периодически наносимые его хозяйству голодом раны.

Все это есть прямое следствие агрономического невежества нашего крестьянства, его старых, допотопных дедовских приемов сельского хозяйства. Нужно государству напрячь все свои силы, натолкнуть земледельца на правильные пути в его хозяйственной деятельности, нужно сдвинуть его с той мертвой, проклятой точки, на которой он стоит и, вследствие этого, пребывает в нищете и невежестве. Нужно понять, что в нашей земледельческой стране сельское хозяйство это—все, а потому улучшение его, рационализация есть и будет главнейшей задачей нашего времени. Будет достаток у крестьянства—быстро разовьется промышленность, торговля, скорыми шагами двинется образование и т. д.

Нужно немедленно научить крестьянина правильно хозяйствовать, тогда неурожаи, те ужасные колебания урожаев, о которых мы говорили, отойдут в вечность и засуха не будет страшна.

Но разве уж так приемы хозяйствования наших земледельцев плохи? В чем же заключаются причины нашего бедствия. В этом мы легко убедимся, если посмотрим, какова система и техника земледелия местного края.

Системы и техника земледелия ТР. Господствующая система земледелия в ТР—паровая (зерновая) система, или, как ее большей частью называют, трехпольная система. Характерной чертой этой системы является то, что посевная площадь при ней засевается почти только зерновыми хлебами. Это, как известно, видет к быстрому истощению почвы. Чтобы избежать такого истощения, земледельцы прибегают, к так называемому, пару. Вся пашня земледельцем делится на три поля. Одно из них засевается озимою рожью и озимой пшеницей, другое—яровыми культурами и картофелем. Третье поле отдыхает, или, как говорится, лежит под паром. Обычно у нас в ТР преобладает, так называемый, зеленый пар. Причем паровое поле до середины следующего, после уборки, лета, оставляется без обработки и заростается сорными травами, изсушающими почву. По этой траве обычно пасется крестьянский скот, который сильно утаптывает землю. Само собой разумеется, корму с такого поля получается очень не-

много. Зеленый пар обладает весьма многими недостатками. Он, прежде всего, засоряет землю сорными травами, а главное ведет к изсушению почвы. Крестьяне принуждены ждать для посева хорошего дождя. А т. к. дождь не всегда приходит во время, когда его нужно, то и посевы запаздывают. Поздний же посев в большинстве случаев дает плохие урожаи.

При паровой, зерновой системе земледелец вынужден иметь еще особые постоянные луга и выгоны, необходимые для прокорма рабочего скота. Эта необходимость вызывается тем, что пашня, возделываемая преимущественно под зерновые хлеба, не дает земледельцу кормовых культур. И можно сказать без преувеличения, что именно это трехполье и является началом всех бед не только местного землероба, но и всего русского крестьянства. Именно трехполье издавна раззоряет нашу страну и является бичем крестьянского благополучия. Только благодаря этой системе земледелия, наши почвы истощаются и дают ничтожные урожаи хлебов. При трехполье в наших полях из года в год сеют преимущественно лишь одни хлебные-злаковые растенья—рожь, овес, пшеницу, просо и т. д. Этим самым ежегодно извлекаются из под почвы одни и те же питательные растения, необходимые для жизни растений. Поэтому земля из года в год утомляется и давно уже требует для себя хорошего удобрения, нуждается в пополнении тех питательных веществ, без которых полевые культуры не могут развиваться. Корни хлебных-злаковых растений идут в землю неглубоко и потому истощается только верхний слой почвы. Эти питательные вещества извлекались непрерывно и безвозвратно из наших земель в течение нескольких столетий и будут извлекаться, пока наши крестьяне не бросят губительную «трехполку».

Благодаря тому же трехполью крестьянское хозяйство не имеет кормов для скота. Домашний скот принужден довольствоваться соломой и мякиной, да и то далеко не в достаточном количестве. Говорить о питательности такой пищи, конечно, не приходится. Поэтому местный скот, можно сказать, вырождается. Он, как ниже будет сказано, низкоросел, слабосилен и малопродуктивен. В ход пускаются старые гнилые соломенные крыши, а нередко и, так называемое, древесное сено, состоящее из мелко нарубленных молодых древесных ветвей, заготовляемых с осени. Все с нетерпением ждут теплой погоды, а вместе с ней и первой травки на выгоне и на пару. Не редкость случаи, когда скот от весенней безкормицы так ослабевает, что его буквально вытаскивают на зазеленевший луг или на пар веревками, так как он уже сам стоять или итти не может.

Счастливые исключения составляют местности, обеспеченные сенокосами. Там скот может питаться в достаточной мере сеном.

Само собой разумеется, что при таком питании скота крестьянин не может получить со своего скотного двора достаточного количества навозу, столь необходимого для его истощенных полей.

Среди крестьян существует убеждение в том, что паровое поле, верный спутник трехполья, является чуть ли не главным спасением от бескормицы скота. Вся нелепость этого мнения будет нам ясна, если мы вспомним, что паровое поле дает смехотворное количество травы. Действительно, с десятины пара можно скосить и насушить не более 40 пудов трав для сена. Но это сено на ¾ состоит из ядовитых и, следовательно, вредных для скота трав. Таким образом, скот может выбрать для себя из десятины пара не больше 10 пудов полезного корма. Становится понятным, сколь нерационально целую треть полевой земли нашей ТР оставлять ежегодно под пустырем. Но гибельное влияние трехпольной системы простирается еще и дальше.

Благодаря паровому полю, наши нивы засоряются сорными травами. Как более засухоустойчивые и приспособленные к различным неблагоприятным условиям произрастания, эти сорные травы глушат культурные растения на полях и отнимают у них и без того скудную пищу. Ниже мы укажем, какой огромный вред доставляют сорные травы нашему земледелию.

Далее, паровое поле, служа местом пастбища скота, так утаптывается этим скотом, что на земле появляется довольно толстая корка, а эта корка, как известно, иссушает землю. И несмотря на все только что сказанное, наш землероб не видит, не замечает того величайшего зла, которое ему приносит трехполье. Наш малокультурный крестьянин сам никак не додумается, не поймет, что именно «трехполка» привела не только наш край, но и всю Россию к нищете и голоду. Занимается сельским хозяйством наш крестьянин с детства. Живет в общине. Хозяйствует так, как все, как заведено было их дедами и прадедами. Других способов, приемов хозяйствования не знает. Машин и усовершенствованных орудий не имеет. Всей семьей своей копается целую жизнь в земле. Обрабатывает свою пашню посовести, поливая ее своим потом и кровью. Встает каждый день до солнышка и ложится спать после солнышка. Жалуется на малоземелье, полагая, что только в количестве земли и находится ключ к его богатству. К агрономам за советами почти никогда не обращается, да и не верит им, считая их учеными баричами, ничего не понимающими в земледелии. Поэтому никаких агрономических познаний у него нет. Он невежественен, агрономически неграмотен и бредет по своему жизненному пути, как слепец, с закрытыми глазами. И именно в этом-то невежестве, косности, в этой-то духовной слепоте земледельца

и все наше несчастье, здесь-то, именно, кроется причина нищеты, бедности нашей деревни.

К стыду нашему нужно сказать, что господство трехполья в ТР, как равно и во всей России, не имеет места в других государствах Европы и Америки и осталось, как печальный пережиток старого времени, лишь в нашем отечестве. Лет 100—200 и в Западной Европе царило губительное трехполье и привело тамошних земледельцев к тому же, что мы наблюдаем и у нас—т. е. к голоду. «130 лет тому назад, говорит Д. П. Арцыбашев, Германия, в сельско-хозяйственном отношении, весьма походила на Россию XX-го века, то же общинное землепользование, трехполье, общий выгон, низкая урожайность, частые голодовки, высокий % земледельческого населения, отсутствие крупных городских поселений и промышленных центров, мечтательная интеллигенция и т. д.» Полноту картины дополняют и ужасные случаи голода в различных частях Германии. Так, полтораста лет тому назад, в Саксонии разразился страшный голод, от которого погибло 180.000 человек жителей. Были и случаи людоедства.

«Очень много картин, напоминающих русскую действительность, изображает в своем труде аббат Тер Гильяни, описывая французские порядки конца XVIII-го века в области продовольственных мероприятий, предпринимаемых правительством в сельских местностях,—те же причины и обстоятельства, которые вызывали этого рода работу правительства, те же безконечные разговоры и суждения относительно порядков и способов ведения продовольственной помощи. Имперские и местные продовольственные капиталы, замены капиталов натуральными запасами, введение местных хлебозапасных магазинов, обратный переход от сбора натурой к составлению продовольственных капиталов, составление продовольственных списков и т. д.» (Д. П. Арцыбашев).

И все это давным-давно изжито у наших западно-европейских братьев с переходом к более совершенным системам земледелия.

Наконец, мы не можем пройти мимо еще одного важнейшего вопроса—вопроса о восстановлении плодородия почвы.

Выше мы говорили о том, что наши почвы сильно истощены и земля, не получая обратно взятых у нее питательных веществ, с каждым годом все больше и больше теряет свою производительную силу. Виной сему то обстоятельство, что наши крестьяне мало заботятся об удобрении полей.

На основании данных Опытных Станций ТР, на всех местных почвах наилучшей нормой удобрения навозом является 1200 пудов этого последнего на казенную десятину.

Вот что говорят нам данные Лаишевской и Спасской Опытных Станций по этому вопросу.

	Урожай ржи в пудах на каз. дес. на черноз. землях Спасской Оп. Ст. за 1913—1920 г.г.		Тоже на серых землях Лаишевской О. Ст.	
Без навоза	83,3 п. зерна		80,0	—
От 1200 п. навоза .	107,9 „ „	24,6	105,6	17,6
„ 2400 „ „ .	118,5 „ „	35,2	117,0	29,0
„ 3600 „ „ .	117.6 „ „	34,3	124,4	36,4

Нет сомнения в том, что мероприятия по улучшению обработки земли нашими крестьянами, мероприятия, направленные преимущественно к экономическому и бережливому расходованию влаги атмосферных осадков, выпадающих, как мы только что говорили, далеко не в достаточном количестве в нашем крае. Техника земледелия у крестьян ТР весьма несовершенна и требует коренного переустройства на принципах, выработанных местными Опытными Станциями.

Мертвый сельско-хозяйственный инвентарь. Вожнейшим видом мертвого сельско-хозяйственного инвентаря в нашем краю являются орудия и машины, служащие, с одной стороны, для обработки почвы и вообще для всех работ на полях и лугах, как-то: сохи, плуги, бороны, сеялки, жнеи, косилки, серпы, косы и т. д.; с другой стороны, для обработки и очистки полученного урожая, для чего служат молотилки, веялки, сортировки и т. п. и, наконец, транспортный инвентарь—телеги.

Посмотрим, что из себя представляет количественно и качественно сельско-хозяйственный инвентарь ТР, так как „орудия и машины служат показателем того, насколько данное хозяйство является технически оборудованным, насколько человеческий труд в нем может быть производительным, успешным и доходным".

Крестьяне ТССР до сих пор в массе своей употребляют первобытные сеельско-хозяйственные орудия—сохи, деревянные бороны с деревянными же зубьями, серпы, цепы, косы, каменные катки для молотьбы, лопаты для отвеивания зерна и, сравнительно, мало пользуются усовершенствованными машинами. В этом вопросе русские и татарские крестьяне находятся в одинаковом положении.

Это об'ясняется преимущественно тем, что на приобретение усовершенствованных машин и орудий наш крестьянин, как татарин, так и русский не располагает необходимыми средствами. Ведь цеп, борона и соха и пр. первобытные орудия земледельца так дешевы. Мало того, крестьянин может их и сам смастерить, купив на рынке лишь немногие и недорогие части.

Правда, еще с последнего десятилетия XIX века, вскоре после открытия в 1893 году Московско-Казанской железной дороги, в нашем крае замечалось пробуждение интереса крестьян к новейшим сельскохозяйственным орудиям. Один за другим начали возникать склады и мастерские сельско-хозяйственных машин. Их владельцами были общественные организации: 1) Земство, начавшее отпуск крестьянству плугов, веялок и молотилок с приводами, а затем и других машин в кредит, с разсрочкою платежа на несколько лет, и открывшее с.-хоз. склады в уездах, городах и даже селениях, чем приблизило инвентарь к населению. Это же земство проводило, с помощью своих агентов, широкую пропаганду применения улучшенного инвентаря в крестьянском хозяйстве, равно как и помощью своих прокатных пунктов сельско-хозяйственных машин, молотильных и зерноочистительных обозов и 2) кооперация, сыгравшая в этом деле наименьшую роль, вследствие ее позднего развития в нашем краю. Здесь же следует отметить и работу в этом направлении некоторых частных предпринимателей, среди которых нужно выделить «Т/Д. Рам», бывший, до открытия земских складов, монополистом у нас в Казанском крае по продаже с.-хозяйственного инвентаря и кустарей плужников и веялочников, имевших крупное значение в деле с.-хоз. инвентаризации ТР. Эти склады сбывали в деревню значительное число усовершенствованных земледельческих орудий. Без сомнения, с.-хоз. машины приобретали преимущественно наиболее зажиточные крестьяне, более обеспеченные землею.

В связи с разрухой, вызванной империалистической и гражданской войной, земледельцы принуждены были снова обратиться к первобытным орудиям, всю несостоятельность которых они уже хорошо осознали. Вновь появилась на сцену соха-матушка и деревянная борона, которые, несмотря на все их недостатки, однако, отличаются необычайной дешевизной, доступностью и легкостью ремонта. Мало того, с.-хоз. орудия, приобретенные еще в военно-революционный период, стали быстро выходить из строя, вследствие естественной изношенности, что усугублялось отсутствием своевременного ремонта. Ремонт этот затруднялся также отсутствием металла и неумением в большинстве случаев наших деревенских кузнецов чинить сложные машины. То же отсутствие нужных материалов мешало местному производству даже таких примитивных орудий, как сохи, бороны, серпы и косы. Наконец, разразившийся в 1921 году в Поволжье голод дал новое и резкое понижение количества инвентаря в пределах ТР. Дело в том, что обнищавшее от голода крестьянство принуждено было продавать самое необходимое имущество, а в том числе и с.-хоз. инвентарь. Множество этого инвентаря за последние годы было пере-

правлено в соседние Нижегородскую и Вятскую губернии, на которые не наложил своих ужасных лап Царь-Голод.

Все эти ненормальные условия привели к тому, что уже начиная с 1920 года в ТР ощущается большой недостаток в сельско-хозяйственных орудиях и машинах.

Вот что говорят нам цифры о степени насыщенности ТР главнейшим с.-х. инвентарем.

Изменение количества сельско-хозяйственного инвентаря в крестьянских хозяйствах ТССР с 1920 г. по 1924 г.

ГОДЫ	В абсолютных числах			В 0/00/0		
	Сохи	Плуги	Бороны железн. и дерев. с железн. зубьями	Сохи	Плуги	Бороны железн. и дерев. с железн. зубьями
1920. . .	128681	174717	256885	100	100	100
1921. . .	119478	142788	238202	92,8	81,7	92,7
1922. . .	108084	129152	216383	84,0	73,9	84,2
1923. . .	108640	130168	213202	84,4	74,5	83,0
1924. . .	108214	164695	252960	84,1	94,3	98,5

(Материала по национальному разрезу к сожалению нет).

Прочих сельско-хозяйственных орудий имеется самое незначительное количество, не считая, конечно, кос и серпов.

К сожалению, в нашем распоряжении не имеется цифр, характеризующих количество с.-х инвентаря по ТР в довоенный период и мы можем проследить динамику мертвого инвентаря в пределах нашей области лишь за последние 4 года—1920—23 г.г. Но эти цифры красноречиво говорят нам о катастрофическом положении этой стороны нашего сельского хозяйства. В 1921 и 1922 году, под влиянием неурожайного 1920 и голодного 1921 года, количество, как орудий обработки, так равно и транспортного инвентаря, уменьшилось весьма значительно и лишь 1923 г. дает некоторый сдвиг в сторону увеличения.

Сопоставим только что приведенные цифры количества инвентаря с числом хозяйств в ТР и получим нечто разительное. Оказывается, что на 1 крестьянское хозяйство в ТР в среднем приходилось:

в 1920 г. . . . . 0,2 сохи, 0,3 плуга, 0,5 бороны,
в 1922 г. . . . . 0,2 „ 0,2 „ 0,4 „
в 1923 г. . . . . 0,2 „ 0,3 „ 0,4 „

Нехватка сельско-хозяйственного инвентаря колоссальна.

Животноводство ТССР.

Естественно-исторические условия нашего края (наличие сравнительно больших кормовых площадей—сенокосов и пастбищ, довольно суровый климат, короткий сельско - хозяйственный период, доставляющий земледельцу много свободного времени в течение зимних месяцев), а также экономические многие факторы определяют развитие местного сельского хозяйства не только в сторону полеводства, но также и в сторону животноводства во всех его отраслях: коневодства, крупнорогатого скотоводства, свиноводства, овцеводства и птицеводства.

Но следует оговориться, что скотоводство у крестьянства Татарии не является самодавлеющим, самостоятельным. Нет, оно находится прежде всего в самой тесной связи с полеводством. Действительно, с одной стороны, каждое крестьянское хозяйсто весьма нуждается в средствах производства, в живой рабочей силе для обработки своих полей. Это обстоятельство является стимулом к массовому разведению у нас в деревне рабочих лошадей и прежде всего в разведении рослых, крепких и выносливых лошадей, способных к перевозке грузов. С другой стороны, те же поля нуждаются в навозном удобрении, которое доставляет нашему землеробу крупный рогатый скот и мелкая скотина. Правда, тотчас же нужно оговориться, что в ТР имеется недостаточное число этих животных для производства нужного количества навоза. Наконец, вне зависимости от полеводства, этот же скот является источником молочно-мясных продуктов, идущих как для непосредственного потребления семьи, так и для продажи, На средства, получаемые от этой продажи, крестьянин имеет возможность поддерживать столь малодоходное полеводство.

Нет сомнения, что разведению молочного мясного скота должно способствовать наличие близости двух больших потребительских городских центров—Казани и Москвы, с которою Татария соединена железной дорогой.

Не мало внимания местного крестьянства привлекает овцеводство. И это вполне понятно. Именно эта отрасль скотоводства играет в хозяйственной жизни нашего края большую роль. Уже не говоря о том, что баранина имеет для нашего сельского хозяина большое значение в пищевом отношении, овцы дают возможность землеробам, живущим в условиях довольно сурового холодного климата, широко использовать «зимою кожу и шерсть овцы, в виде шубы, тулупа, валеных сапог, варежек и шапок, одеваясь ими с ног до головы».

Наконец, довольно доходной статьей в местном крестьянском бюджете является птицеводство, в силу огромного спроса со стороны населения на его продукты—мясо, яйца, перья и пух с одной стороны и стремления утилизировать остатки сельско-хозяйственных продуктов, которые иначе никак не могут быть использованы, с другой стороны. Птицеводство казанского края издавна славится и до войны шло по пути развития огромными шагами.

После таких общих соображений, приводим некоторые цифровые данные.

Коневодство ТССР.

Прежде всего посмотрим, каков численный состав конского стада Татарской Республики. Таблица дает нам возможность судить об этом.

Количество лошадей крестьянских хозяйств по кантонам в 1924 году

КАНТОНЫ	ЛОШАДИ				ИТОГО
	Рабочие		Молодняк		
	Старше 4-х лет	До 4-х лет	От 1 г. до рабочего возраста	Жеребят до 1 года	
Арский	35.060	1.791	3.143	3.582	43.576
Бугульминский	32.554	1.451	5.658	5.478	45.141
Буинский	11.808	328	1.561	1.249	14.946
Елабужский	17.213	738	1.870	1.779	21.600
Лаишевский	17.919	659	1.785	2.480	22.843
Мамадышский	16.079	670	1.760	1.732	20.241
Мензелинский	19.556	801	1.822	3.064	25.243
Свияжский	11.055	1.460	593	1.243	14.351
Спасский	12.712	371	1.765	2.881	17.729
Тетюшский	11.715	289	573	1.378	13.955
Челнинский	24 743	1.591	3.210	3.479	33.023
Чистопольский	34.155	1.464	4.869	6.155	46.643
По ТССР	244.569	11.613	28.609	34.500	319.291

Как видно, максимальное количество лошадей имеется в каждом из следующих кантонов: В Чистопольском, Бугульминском и Арском. Затем идут в порядке расходящем: Мензелинский, Лаишев-

ский, Елабужский и Мамадышский. На последнем месте в этом отношении стоят Спасский, Буинский, Свияжский и Тетюшский кантоны.

Каков же возрастный состав конского населения ТР?

Как и следовало ожидать, 80,2% всех лошадей в ТР приходится на лошадей в рабочем возрасте и только 19,8% на молодняк.

Следует отметить, что меньший процент рабочие лошади составляют в Закамских кантонах, где земледельцы, как известно, занимаются выращиванием молодняка не только для удовлетворения нужд своего хозяйства, но и на продажу. Такому коневодству способствует здесь сравнительно большая землеобеспеченность, а следовательно и зажиточность местных крестьян, а с другой стороны наличие значительных луговых пространств, дающих в большом количестве кормовые средства. Максимальный процент рабочих лошадей и, следовательно, минимальный процент молодняка мы видим в Заволжских кантонах, где незначительная обеспеченность крестьянских хозяйств землей и небольшие луговые пространства. Среднее место занимает в этом отношении кантоны Прикамья.

На каждые 100 лошадей в среднем по ТР приходится молодняка до 1 года 10,8 головы и молодняка старше 1 года—9,0 головы.

Для более полной характеристики распространенности лошадей на территории ТР, нам нужно сопоставить количество лошадей отдельных возрастных групп с числом десятин посевов в том или ином кантоне. Результаты такого сопоставления мы видим на таблице.

На 100 десятин посева приходится.

КАНТОНЫ	Лошадей всех возрастов.	Рабочих лошадей	Молодн. от 1 г. рабочего возраста	Молодняка до 1 года
Арский	17,0	14,4	1,2	1,4
Бугульминский	21,8	16,4	2,8	2,6
Буинский	13,7	11,1	1,5	1,1
Елабужский	17,6	14,6	1,6	1,4
Лаишевский	17,3	14,1	1,3	1,9
Мамадышский	15,1	12,5	1,3	1,3
Мензелинский	22,1	17,8	1,6	2,7
Свияжский	13,8	12,0	0,6	1,2
Спасский	19,1	14,1	1,9	3,1
Тетюшский	14,5	12,5	0,6	1,4
Челнинский	18,7	14,9	1,8	2,0
Чистопольский	19,1	14,6	2,0	2,5
По ТР	17,8	14,3	1,6	1,9

Цифры этой таблицы показывают нам, что по количеству лошадей всех возрастов, приходящих на 100 десятин посевов, вся территория ТР делится на три района: Заволжье, имеющее минимальную обеспеченность лошадьми, Прикамье, со средней обеспеченностью и Закамье, где на каждые 100 десятин посевов приходится максимум лошадей.

Что же касается рабочих лошадей, то минимальное количество их падает на 100 десятин посевов в Заволжских кантонах. Кантоны же Прикамья и Закамья имеют почти одинаковую обеспеченность пашни лошадьми—14 с небольшим голов на 100 дес. пашни. Исключение составляют в Закамье Мензелинский и Бугульминский кантоны, где обеспеченность пашни рабочими лошадьми значительно повышается (в первом до 17,8 голов и во втором до 16,4 голов) и в Прикамье—Мамадышский кантон обеспеченностью рабочими лошадьми в 12,5 голов на 100 дес. пашни.

Если же мы вспомним почвенный состав и обеспеченность пашней отдельных кантонов ТР, то придем к тому выводу, что наиболее обеспечены рабочими лошадьми кантоны с черноземной почвой, а также кантоны, имеющие максимальную землеобеспеченность. Кантоны же нечерноземные и притом с минимальной землеобеспеченностью имеют и наименьшую обеспеченность рабочими лошадьми.

При этом интересно указать, только что отмеченная зависимость между обеспеченностью кантонов лошадьми и землеобеспеченностью, а также почвенным составом, существовали и в прежние годы. На это указывает нам вычисления проф. Ф. Т. Дитякина в его работе «Животноводство ТССР» (стр. 19).

Нет сомнения в том, что на степень обеспеченности кантонов рабочими лошадьми влияют также и прочие факторы. Среди них следует указать прежде всего на лесистость того или иного кантона. Леса дают местному населению заработок. Рубка леса, подвозка его к сплавным рекам, самая сплавка—требуют не мало людской силы, а вместе с нею помощь и лошадей. Вот почему крестьяне лесистых местностей стараются при первой же возможности обзавестись рабочей лошадью, верной и необходимой помощницей в их лесных работах.

Близость городов и фабрично-заводских пунктов также порождает неземледельческие конные работы: перевозка грузов, работа в качестве легкового извозчика и т. д.

Что касается молодняка, то большее количество голов его приходится на 100 десятин посевов в Закамских кантонах, где, как мы выше уже говорили, население занимается коневодством. Затем наше внимание обращают Свияжский и Тетюшский кантоны, где имеется

чрезвычайно малое количество молодняка от 1 года до рабочего возраста. Здесь, очевидно, налицо последствия недавнего ужасного голода. Велико количество молодняка до 1 года и в Спасском кантоне—разоренные от голода крестьянские хозяйства стремятся возстановить свое конское стадо.

Еще ярче неравномерность в обеспеченности кантонов ТР конской тягой выявляется, если мы расчитаем, сколько приходится на 1 лошадь посевной площади 1924 г., то-же всей пашни 1924 года и то-же твердой площади. Вот табличка, содержащая подобные расчеты.

На 1 лошадь приходится десятин:

КАНТОНЫ	Посевной площади 1924 г.	Всей пашни (пар, озимь и ярь)	Твердой площади
Арский	7,3	10,9	12,2
Бугульминский	6,36	9,54	12,1
Буинский	9,0	13,5	12,6
Елабужский	7,1	10,6	10,6
Лаишевский	7,3	10,9	14,5
Мамадышский	8,3	12,4	15,0
Мензелинский	5,8	8,7	12,7
Свияжский	9,4	14,1	17,4
Спасский	7,3	10,9	21,2
Челнинский	7,1	10,6	15,2
Тетюшский	8,2	12,3	17,2
Чистопольский	7,1	10,6	14,4
По ТР	7,3	10,98	14,2

Как видно, больше всего нагрузки на каждую рабочую лошадь падает в 1924 году в Свияжском, Буинском, Мамадышском и Тетюшском кантонах. Минимальная же нагрузка наблюдалась в Бугульминском и Мензелинском.

Наконец, только что приведенная табличка указывает нам на то, что во всех кантонах ТР на каждую лошадь должна была бы приходится еще большая нагрузка. Ведь в 1924 году засеяна не вся площадь пашни, и в других кантонах этот недосев имеет различные размеры. Оказывается, на каждую лошадь больше всего падает десятин, так называемой, твердой площади пашни в кантонах: Спасском Тетюшском и Свияжском. Да и в остальных кантонах эта же

площадь пашни на 1 раб. лошадь довольно значительна. Чтобы ликвидировать недосев в своем поле, крестьянин должен или увеличить еще больше работу своей лошади, или же прибегнуть к приобретению новой лошади. Первое в большинстве случаев едва-ли возможно, ко второму же наши землеробы стремятся и в этом им нужно помочь с тем, чтобы ликвидировать недосевы в наших полях и довести посевную площадь до довоенных размеров.

Не менее интересно проследить также, как происходит распределение конского состава среди крестьянских хозяйств ТР.

Распределение крестьянских хозяйств ТР по обеспеченностью лошадьми в %% в 1924 году.

Группы хозяйств по обеспеченности скотом (голов на 1 хозяйство)	Июнь 1924 г.
Без лошадей	43,97
С 1 лошадью	49,03
С 2 лошадьми	6,22
С 3 лошадьми	0,78
Итого	100

Нас поражает необычайно большой % безлошадных хозяйств. Грустное впечатление производит также и % хозяйств, имеющих более 1 лошади. Эти цифры свидетельствуют о крайней необеспеченности крестьянского хозяйства нашего края конской силой.

Таково состояние местного коневодства к 1925 году.

Теперь посмотрим, какие изменения претерпел этот вид животноводства ТР на протяжении ряда лет. Это дает нам возможность осмыслить современное состояние коневодства местного края и сделать прогнозы на будущее.

Движение конского населения Татарской Республики мы можем проследить лишь с 1917 года, т. к. в нашем распоряжении нет достаточно достоверных сведений о количестве скота на территории ТР в довоенные годы.

Таблица приводит нам цифры, показывающие изменения количества лошадей в крестьянских хозяйствах ТССР с 1917 по 1924 год.

Изменение количества лошадей в крестьянских хозяйствах ТССР

с 1917 по 1924 г.

№№ по порядку	ГРУППА СКОТА	В абсолютных числах						В %%%					
		1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.[1]
1	Рабочие: Старше 4-х лет	482.683	387.312	274.398	182.837	183.001	244 569	100	80,2	56,8	37,9	37,9	50,7
	Рабочие: До 4-х лет	39.886	32.221	25.123	18.525	24.302	11.613	—	80,8	63,0	46,4	60,9	29,1
2	От 1 года до рабочего возраста	44.030	36.004	24.277	14.786	8.102	28.609	—	81,8	55,1	33,6	18,4	65,0
3	Жеребята до 1 года	37.581	30.970	19.065	14.523	16 635	34.500	—	82,4	50,7	38,6	44,3	91,8
	Итого	604.180	486 507	342.863	230.671	232.040	319.291	—	80,5	56,7	38,2	38,4	52,8

[1]) Количество лошадей в 1925 году несомненно возросло еще больше, но точных данных еще нет.

Максимальное количество лошадей в ТР мы видим в 1917 году. Затем война и революция в последние 3 года уменьшили конское стадо на 20%. Наступившая затем экономическая разруха и необычайное сокращение посевной площади дает в 1921 году новое, ужасных размеров, сокращение, доведя конское стадо ТР до 56,7% размеров стада 1917 года. Разразившийся в 1921 году небывалый в истории нашего края голод выкосил из и без того малочисленного крестьянского конского стада еще огромное количество животных. В результате—в пределах ТР мы видим, что в 1922 г. осталось лишь 38,2% количества лошадей 1917 года.

В следующем 1923 году ужасная тенденция уменьшения количественного состава конского стада в ТР приостановилась героическими усилиями наших землеробов. Количество лошадей в нашем крае увеличилось и в один год конское стадо достигло почти размеров 1921 г. И если восстановление конского стада пойдет таким же темпом, то в три—четыре года мы будем иметь то же количесто лошадей в ТР, какое было в ее пределах в 1917 г. Только что приведенная таблица дает нам возможность проследить и динамику различных возрастных групп лошадей в ТР.

Оказывается, в 1920 году убыли почти одинаково все возрастные группы лошадей. Но в последующие годы эти группы изменяются различным порядком.

Так в 1921 году, в 1922 году максимум уменьшения мы видим среди жеребят до года и жеребят от года до рабочего возраста, как равно и среди рабочих лошадей старше 4-х лет. И это вполне понятно. Обеднявшему крестьянству легче всего было продать рабочую лошадь на сторону, а жеребенка заколоть на мясо, то-ли на продажу, то-ли для пропитания этим мясом себя и своей семьи. Молодую же лошадь, в возрасте до 4-х лет, старались сохранить для будущего. В 1923 и 1924 годах мы видим уже другую картину—% жеребят в конском стаде необычайно увеличивается, увеличивается % и взрослых рабочих лошадей. Число же лошадей рабочих сравнительно невелико. Очевидно, здесь на-лицо стремление крестьянства к скорейшему возстановлению собственного конского молодняка. Снижение же % наличной группы рабочих лошадей до 4-х лет об'ясняется тем, по мнению агронома В. М. Мансурова, что в состав этой группы подошло ничтожное количесто молодняка до рабочего возраста от 23 года, как последствие голода 1921 года.

Не менее важно проследить динамику конского стада по отдельным кантонам ТР за тот же период времени.

Цифры показывают, что годы экономической разрухи и голода особенно сильно разрушили конское стадо кантонов: Спасского, Чел-

нинского и Тетюшского. Значительна убыль лошадей и в кантонах, Буинском, Мензелинском, Свияжском. Менее других пострадали в этом отношении Арский, Елабужский, Лаишевский и Мамадышский кантоны.

Годы же экономического возрождения ТР, каковыми являются 1923, 1924 и 1925 годы, довели в большинстве кантонов конское стадо до 50% его размеров 1917 года. И только Арский и Елабужский кантоны выделяются в этом отношении. В первом из них конское стадо уже достигло $^3/_4$ размеров стада 1917 года, а во втором—$^2/_3$. Это явление нам вполне понятно—именно эти кантоны являются более зажиточными, находясь вблизи больших фабрично-заводских центров.

Итак, в результате разсмотрения динамики коневодства ТР мы приходим к тому заключению, что разоренное войной и голодом крестьянское конское стадо быстро возстанавливается, но делеко еще не достигает не только довоенных размеров, но даже и размеров 1917 года. Очевидно, героические усилия местных землеробов, использующих все свои скудные средства и ограничивающих даже собственные потребности для покупки кормилицы—лошади, эти условия недостаточны. Нам удалось в 1924 году довести местное конское стадо лишь до 52,8% размеров 1917 года. Увеличение же посевной площади в пределах ТР идет более быстрым темпом. Отсюда само собою напрашивается тот вывод, что, очевидно, в настоящее время крестьянская лошадь работает с горазно большей нагрузкой, чем это было в довоенное время. Действительно, на 1 голову взрослых лошадей падало в ТР десятин пашни: в 1916 году—6,22 в 1920—6,1, в 1921—6,1, в 1922—7,6, в 1923—11, в 1924—10,5.

Очевидно, в 1916 году крестьянское хозяйство ТР по обеспеченности конской силой являлось очень интенсивным хозяйством, тогда как в 1924 году оно уже делается экстенсивным хозяйством [1]).

Ученый агроном И. И. Штуцер делает из этих цифр чрезвычайно важное и вместе с тем печальное заключение. Он говорит: «Если припомнить, что весь успех урожая и вместе с тем страховка урожая от засухи при климатических кон'юктурах ТР зависит от быстроты посева и что наличность лошадей распределена в настоящее время по хозяйствам весьма неравномерно, присутствуя у одних домохозяев и совершенно отсутствуя у других, нам станет ясным, почему при данном состоянии и посевной площади и количестве конской

[1]) Применяем здесь терминологию проф. Людоговского, который говорит, что на 1 лошадь приходится пашни: в очень интенсивных хозяйствах от 5,5 до 7,75 десятин, в средне-интенсивных от 9 до 11 десятин и в экстенсивных от 11 до 16 десятин.

силы получается с 1921 года такой ничтожный урожай. 5,25 десятины вспахать, засеять, крестьянская лошадь может приблизительно в 30-ти дневный срок, в то время, как в 1917 году, при той же норме обработки, посев мог быть закончен в 12 дней или вдвое скорее [1]).

Наконец, весьма важно проследить как изменялось на протяжении лет число безлошадных крестьянских хозяйств ТР.

Таблица дает нам возможность сделать это.

Годы	% безлошадных кр. хозяйств к общему числу хозяйств	% лошадных кр. хозяйств
1882 г.	19,0	81
1891 г.	24,7	75,3
1893 г.	30,3	69,7
1899 г.	24,9	75,1
1917 г.	30,0	70,0
1922 г.	45,9	54,1
1923 г.	45,7	54,3
1924 г.	43,9	56,1

Как видно, война, революция и голод сильно повысили процент безлошадных крестьянских хозяйств. В 1922 и 1923 г.г. этот процент достиг максимума. Но в 1924 г. число безлошадных хозяйств значительно уменьшается и, конечно, будет уменьшаться и в последующие годы. Землеробы ТР всячески стремятся к увеличению своего конского стада и покупкой на стороне взрослых рабочих лошадей и выращиванием своего молодняка. Последним об'ясняется то обстоятельство, что процент молодняка в конском стаде ТР значительно возрос по сравнению с прежними годами. Действительно, в 1916 году процент молодняка в конском стаде равняется 21,5, и 1920 году— 15,9 и в 1924 г.—25,0.

Но наряду с количественным увеличением нашего местного конского стада, нужно позаботиться и об улучшении качественного состава этого же стада.

Дело в том, что наши лошади малорослы и малосильны. В этом убеждают нас и результаты военно-конского переучета 1924 года. Оказывается, что только 31% всех рабочих лошадей признаны годными для обслуживания конских частей. Среди же этих лошадей, признанных годными, мы видим отнесенными к разрядам:

1) Обозных лошадей 58%
2) Кавалерийских 26%
3) Артиллерийских 16%
4) Тяжело-артиллерийских 2,4%

[1]) Статья Ив. Ив. Штуцер «Восстановление сельского хозяйства по ТР и переспективы на будущее», помещенная в № 12 журнала «Труд и Хозяйство» за 1924 год.

Нам становится вполне понятно из этих цифр, что большая масса местных крестьянских лошадей неудовлетворительного качества и слаба по экстерьеру.

Качественное улучшение лошадей ТР является одной из ближайших и неотложнейших задач местного животноводства. За осуществление этой задачи должно приняться как государство, так и само население.

На то же указывает нам и распределение рабочих лошадей старше 4 лет по половым группам. В то время, как в 1924 году на каждые 100 голов лошадей, только что указанного возраста, мы имели: маток—52,2 головы, жеребцов—6,3 гол., а меринов—41,5 гол., в довоенные годы мы видели в Казанском крае такое соотношение:

	Маток	Жеребцов	Меринов
в 1882 году	40,7	4,8	54,5
в 1891 году	40,3	2,5	57,2
в 1899 году	40,4	3,4	56,2

Нам вполне ясно, что крестьянство ТР стремится за последнее время к увеличению количества маток и жеребцов за счет меринов с тем, чтобы получить как можно скорее естественный прирост конского стада.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать заключение о том, что не пройдет и 3—4 лет, как ТР доведет свое конское стадо до довоенных размеров, но, конечно, в том случае, если наш край не постигнет какое нибудь новое стихийное бедствие, вроде голода 1921 года.

Крупно-рогатое скотоводство.

Как мы выше говорили, наши крестьяне не удовлетворяются разведением лишь лошадей, столь необходимых для сельского хозяйства. Довольно распространено в Татарии также и крупно-рогатое скотоводство, которое доставляет землеробу навоз для его полей, а также мясные и молочные продукты. Крупно-рогатое стадо Татарской Республики значительно. К лету 1924 года оно равнялось 601.099 головам.

Распределение этого стада крупного рогатого скота по отдельным кантонам и по возрастным группам можно видеть на следующей таблице.

Количество крупного рогатого скота в крестьянских хозяйствах по кантонам ТССР в 1924 году.

КАНТОНЫ	Волы и быки старше 2-х лет	Коровы		Нетели старше 1½ лет	Быки старше 1½ лет	Подтелки и бычки от 1 до 1½ л.		Телят до 1 года	Итого
		Всего	В том числе ялов.			Всего	В том числе бычк.		
Арский	212	40738	6494	4371	945	8893	1829	28146	83305
Бугульминский.	567	38976	2982	2268	1216	8462	2867	31181	82670
Буинский . . .	138	15256	2076	868	402	2565	763	11633	30863
Елабужский . .	92	20941	1357	1979	276	3036	14866	41866	41239
Лаишевский . .	24	20365	2358	1982	401	4714	1479	14321	41807
Мамадышский. .	112	21206	3348	2288	363	3348	893	15207	42524
Мензелинский. .	278	22199	2921	2231	451	3903	717	18296	47358
Свияжский. . .	169	14545	423	1071	113	790	254	7357	24045
Спасский . . .	158	16706	1069	1341	755	4611	1551	11592	35163
Тетюшский . .	62	15140	1709	680	268	3729	721	10485	30364
Челнинский . .	314	28074	3560	2005	789	6555	1645	24107	61844
Чистопольский.	458	38479	3251	2874	1693	10347	2527	26066	79917
По ТССР. .	2584	292625	31548	23958	7673	61002	16282	213257	601099

Как видно, по общему количеству крупного рогатого скота впереди всех идут кантоны: Арский, Бугульминский, Чистопольский, и Челнинский. Среднее место занимают Мензелинский, Мамадышский, Лаишевский, Елабужский и Спасский. Наконец, на заднем плане стоят Заволжские кантоны: Буинский, Тетюшский и Свияжский. Таким образом, кантоны ТР по количеству голов крупного рогатого скота располагаются почти в том же порядке, в каком они располагаются по величине занимаемой ими территории. Иными словами, чем больше территория кантона, тем больше в нем и голов крупного рогатого скота. Правда, некоторые кантоны составляют исключения из этого правила.

Но одни только что приведенные абсолютные цифры нам еще не дают возможности делать какие-либо заключения. Необходимо

посмотреть, какое число голов крупного рогатого скота приходится на 100 десятин посевов.

Таблица заключает в себе требуемые сведения.

КАНТОНЫ	На 100 десятин посевов приходится голов крупного рогатого скота
Арский	32,6
Бугульминский	39,9
Буинский	28,2
Елабужский	33,5
Лаишевский	31,7
Мамадышский	31,7
Мензелинский	41,4
Свияжский	23,1
Спасский	37,9
Тетюшский	31,5
Челнинский	35,0
Чистопольский	32,8
По ТР	33,6

Из рассмотрения этой таблицы можно легко усмотреть, что на 100 десятин пашни приходится максимальное число голов крупного рогатого скота в Закамских кантонах. Среди этих последних обращает на себя внимание Чистопольский кантон, в котором на 100 десятин пашни приходится несколько меньше число голов кр. рогатого скота, чем в соседящих с ним кантонах. Минимальное число голов рассматриваемого нами рода скота на 100 десятин посевов мы видим в Заволжских кантонах. Срединное место занимают кантоны Прикамья.

Между тем, по свидетельству проф. Ф. Т. Дитякина, в довоенные годы в распределении крупного рогатого скота по кантонам ТР наблюдалось диаметрально противоположная картина. Оказывается, в только что указанные годы, больше всего кр. рог. скота насчитывалось на каждую сотню посевов (озимых и яровых) в нечерноземных кантонах, а в черноземных Закамских кантонах и в Прикамье—минимальное количество. Это об'ясняется тем обстоятельством, что война, в связи с большим требованием на мясо для армии, меньше всего из'яла крупного рогатого скота из многоземельных, богатых кантонов, располагающих сравнительно большими кормовыми площадями, и подействовало разрушающим образом на бедное, малоземельное хозяйство Заволжья. Потребность в деньгах удовлетворялось в хозяй-

ствах Закамья и Прикамья продажей продуктов земледелия, в то время как Заволжские крестьяне были лишены этой возможности, за отсутствием излишек продуктов полеводства и они принуждены были прибегать к продаже скота.

Далее, в довоенное время наблюдалась прямая и определенная зависимость между обеспеченностью крестьян крупным рогатым скотом и между плотностью населения. Чем больше была плотность населения той или иной местности, тем больше были здесь и плотность крупно-рогатого животноводства.

Война нарушила и эту закономерность, столь естественную и понятную, и в 1924 году мы не видим этой закономерности. Но можно смело сказать, что по мере того, как деревня ТР будет приходить в нормальное экономическое состояние, мы, безусловно, вновь обнаружим только что отмеченное явление.

Другим фактором, повышающим плотность крупно-рогатого скотского населения является наличие достаточного количества естественных кормовых площадей.

Что касается распределения крупного рогатого скота по возрастным группам, то об этом нужно сказать следующее. Почти половину всего крупно-рогатого скота—48,7% составляют коровы дойные.

По отдельным кантонам этот процент колеблется в сторону увеличения и в сторону уменьшения.

Наиболее обеспечено дойными коровами кантоны Заволжья. Из них особенно сильно выделяется Свияжский, что вполне понятно, т. к. он очень близко расположен от Казани, этого главнейшего потребителя, в пределах ТР, молочных продуктов. Не малый % составляет дойные коровы в стаде крупно-рогатого скота кантонов Прикамья. Кантоны Закамья имеют уже меньший % дойных коров в своих стадах.

Таким образом, вновь само собою напрашивается зависимость величины % дойных коров в крупно-рогатом стаде от землеобеспеченности кантонов и их почвенного состава. Оказывается, что % дойных коров выше в нечерноземных кантонах, а из черноземных—в кантонах с наименьшей землеобеспеченностью.

Следующую большую часть—35,5%—всего стада крупно-рогатого скота ТР составляют телята до 1 года.

Остальные 15,8% всего стада крупно-рогатого скота ТР приходится на молодняк старше 1 года, к каковому следует отнести подтелков и быков от 1 до $1^1/_2$ лет, а также нетелей и быков старше $1^1/_2$ лет.

Наука доказала, что % молодняка в возрасте до 1 года и молодняка старше года определяет характер направления животновод-

ства края. Оказывается, что чем больше будет молодняка старше одного года, тем в большей степени местное животноводство является мясным и чем больше этого молодняка уничтожается еще на первом году его жизни, тем более крестьянское хозяйство будет приближаться к молочным.

Разберемся, что из себя представляют кантоны ТР в этом отношении.

Кантоны Заволжские оставляют минимальное количество молодняка старше 1 года и имеют резко выраженное молочное направление своего животноводства.

Черноземные, богатые кантоны Закамья выращивают телят старше 1 года максимальное количество. Животноводство здесь носит мясной характер. Кантоны Прикамья занимают в этом отношении срединное место и их животноводство может быть названо молочно-мясным.

Теперь посмотрим, какое количество дойных коров приходится в разных кантонах ТР на каждые 100 душ сельского населения. Таблица позволяет нам рассмотреть эти цифры.

КАНТОНЫ	На 100 душ сельского населения приходится голов дойных коров.
Арский	10
Бугульминский	14
Буинский	10
Елабужский	14
Лаишевский	10
Мамадышский	11
Мензелинский	13
Свияжский	9
Спасский	10
Тетюшский	8
Челнинский	11
Чистопольский	11
По ТССР	11

Таблица показывает, что рост обеспеченности сельского населения кантонов ТР дойными коровами идет, увеличиваясь с запада на восток. Кантоны Свияжский и Тетюшский имеют минимальную обеспеченность, максимальную—Елабужский, Мензелинский и Бу-

гульминский кантоны и все прочие занимают переходную ступень. Иными словами, обеспеченность сельского населения дойными коровами обратно пропорционально плотности этого же населения, как равно и распаханности земель кантонов.

Наш край в настоящее время является «коровьим царством». Крупно-рогатое скотское население превалирует над конским населением во всех кантонах, но, конечно, в разной степени. Максимальный перевес числа коров над числом лошадей мы видим в кантонах—Спасском Тетюшском, Буинском, Мамадышском, отчасти в Елабужском и Бугульминском. В остальных же кантонах число рабочих лошадей приближается к числу дойных коров.

Так дело обстоит в настоящее время.

В довоенный же период, особенно в последнее десятилетие прошлого века, в большинстве кантонов мы видим совершенно противоположную картину. Количество рабочих лошадей на территории кантонов ТР было больше, и значительно больше, чем количество коров.

Ф. Т. Дитякин об'ясняет это следующим путем.

При известном земельном просторе и избытке гуменных и пастбищных кормов, а также при малой рентабельности продуктивного животноводства, имевшего в то время преимущественно потребительский характер, вопросы снабжения хозяйства денежными средствами разрешались путем выращивания и продажи лошадей.

А затем, по мере того, как увеличивалось население, и вследствие этого уменьшалась землеобеспеченность населения, и уменьшалась естественная кормовая площадь, вследствие увеличивающейся распаханности земель, количество лошадей относительно уменьшается и сравнивается постепенно с количеством дойных коров. В 1916 году уже на каждую сотню дойных коров приходится почти такое же число голов рабочих лошадей. Следующие годы вызвали новое сокращение количества лошадей и в результате такой тенденции мы видим в 1924 году факт численного перевеса дойных коров над рабочими лошадьми.

До сих пор мы рассматривали крупно-рогатого животноводства ТР в его современном состоянии.

Теперь нам необходимо проследить, какие изменения претерпела эта отрасль местного животноводства на протяжении ряда лет. В нашем распоряжении имеются нужные цифры за 6 следующих лет: 1917, 1920, 1921, 1922, 1923 и 1924 и на основании их мы можем построить такую интересную таблицу, изучение которой дает нам много материала для соответствующих выводов и заключений.

Изменение количества крупного рогатого скота в крестьянских хозяйствах ТССР с 1917 по 1924 г.

№№ по порядку	ГРУППА СКОТА	В абсолютных числах						В % %					
		1917 г	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
1	Волы: рабочие	143	121	—	—	—	219	100	84,6	—	—	—	153,1
	Волы: третьяки	82	63	—	—	—	42	„	76,8	—	—	—	51,2
2	Быки старше 2-х лет	1.250	905	202	99	1.015	2.323	„	72,4	16,2	7,2	81,2	185,8
3	Коровы	588.070	418.076	312.410	241.538	235 635	292.625	„	71,1	53,1	41,6	40,1	49,8
4	Нетели старше 1½ лет	26.917	18.820	9.366	5.130	8 040	23.958	„	69,9	34,8	19,1	29,9	89,0
5	Быки от 1½ до 2 лет	5.899	4.425	1.654	725	3.259	7 673	„	75,0	28,0	12,3	55,2	130,1
6	Подтелки и бычки от 1 года до 1½ лет	24 076	17.560	8.401	5.318	15 921	61.002	„	72,9	34,9	22,1	66,1	253,4
7	Телята до 1 года	119.957	89.038	46.213	29 278	87.290	213.257	„	74,2	38,5	24,4	72,8	177,8
	ИТОГО	766.394	549.008	378.246	285.074	351.160	601.099	100	71,6	49,4	37,2	45,8	78,4

Рассматривая эту таблицу, мы видим, что картина динамики крупного рогатого скота за период времени с 1917 по 1924 г. приблизительно та же, какую мы нарисовали для конского населения ТР. Война и революция уничтожили с 1917 по 1920 год почти 30% всего крупно-рогатого стада.

Экономическая разруха следующих лет и ужасный голод 1921 года вывели из строя еще не мало скота и в 1922 году мы видим в ТР всего лишь 37,2% стада рогатого скота, бывшего в 1917 году. 1923 год дает перелом в сторону повышения, а 1924 году мы видим гигантский скачек вверх кривой движения крупно-рогатого скота. В этот год стадо уже достигло 78,4% размеров 1917 года.

Если мы будем рассматривать изменения на протяжении тех же лет по различным возрастным группам крупно-рогатого скота, то придем к такому выводу.

В мрачные годины больше всего пострадали нетели старше 1½ лет и быки от 1½ до 2 лет. Оставалось лишь одно воспоминание также и от быков старше 2-х лет. Их погибло под ножем до 93%. Значительно страдали телята до 1 года и подтелки с бычками от 1 года до 1½ лет. Щадила безжалостная рука одних лишь дойных коров. Да разве легко было лишиться кормилицы-буренушки, которая в голодные годы ребятишек хоть молоком поддерживала? Но и этих кормилиц погибло 58%. Цифра ужасная!

Когда же крестьянин немного оправился от постигшего его бедствия, он принялся с лихорадочной поспешностью вновь пополнять свое раззоренное крупно-рогатое стадо. И мы видим, что в 1924 г. необычайно возросло количество подтелков и бычков от 1 года до 1½ лет. Их число возросло по сравнению с 1917 годом на целых 253,4%. 177,8% составляли, по отношению к этому же году, также и телята до 1 года. Быстро пополняются и кадры перебитых в голодную годину быков. Значительно возрасло и число нетелей, старше 1½. Число же коров дойных увеличилось лишь на 8,2%. И это вполне понятно. Пока пополнение стада может итти по преимуществу за счет молодняка, за счет естественного движения скотского населения. Где взять обедневшему крестьянину денег на приобретение взрослой коровы?

Свиноводство.

Не маловажное значение в деле местного скотоводства имеет разведение свиней. Правда, этот вид животных имеется лишь у домохозяев русской национальности. Татары, в силу своих религиозных предразсудков, избегают разведения свиней. И не смотря на это обстоятельство, мы имеем в пределах ТР сравнительно большое количество этих животных. Свиное стадо здесь равняется 178.055 головам.

Как распределяется это количество свиней по отдельным кантонам ТР и как распределяется на различные возрастные группы, можно усмотреть из таблицы.

Количество свиней в крестьянских хозяйствах по кантонам ТССР в 1924 году.

КАНТОНЫ	Свиньи и борова старше 1 г.	Подсвинки от 4 мес. до 1 года	Поросята до 4 месяцев	Итого
Арский	6.400	8.519	12.695	27.614
Бугульминский	5.664	4.747	8.576	18.987
Буинский	1.113	1.281	3.066	5.460
Елабужский	3.398	3.214	5.028	11.640
Лаишевский	4.032	7.413	8.515	19.960
Мамадышский	2 875	3.152	4.838	10.865
Мензелинский	2.655	3.000	3.637	9.292
Свияжский	3.110	2.185	2.690	7.985
Спасский	12.135	3.077	3.789	9.001
Тетюшский	677	876	3.365	4.918
Челнинский	6.344	7.874	9.989	24.207
Чистопольский	56.689	8.295	14.142	28.126
По ТССР	44.092	53.633	80.330	178.055

Чтобы осмыслить цифры только что приведенной таблицы, мы должны произвести некоторые сравнения и вычисления.

Прежде всего посмотрим, какое число голов приходится в разных кантонах на каждые 100 десятин посевной площади свиней с подсвинками. Вот цифры, позволяющие нам судить об этом.

На 100 десятин посева приходится голов свиней и подсвинков.

КАНТОНЫ	Голов свиней и подсвинков
Арский	5,8
Бугульминский	5,0
Буинский	2,2
Елабужский	5,4
Лаишевский	8,7
Мамадышский	4,5
Мензелинский	4,9
Свияжский	5,1
Спасский	5,6
Тетюшский	1,6
Челнинский	8,0
Чистопольский	5,7
По ТР	5,5

Как видно, в наши дни свиноводческими районами являются два кантона—Лаишевский и Н. Челнинский. Минимальное количество голов свиней и подсвинков падает на 100 десятин посева в Буинском и Тетюшском. В остальных кантонах на 100 десятин посева приходится боле или менее одинаковое число голов этого рода скота.

Та же картина распространенности свиноводства по отдельным кантонам ТР получится, если мы высчитаем, сколько свиней и подсвинков приходится на 100 душ сельского населения.

Из всех кантонов ТР выделяется по количеству свиней и подсвинков те же Лаишевский и Н. Челнинский кантоны. Минимальное число голов приходится на сотню жителей в Тетюшском и Буинском кантонах.

Наконец, проследим изменение количества свиней в крестьянских хозяйствах ТССР с 1917 по 1924 г., для чего приведем такую таблицу.

Изменение количества свиней в крестьянских хозяйствах ТССР

с 1917 г. по 1924 г.

№№ по порядку.	ГРУППА СКОТА	В абсолютных числах						В 0/00/0					
		1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
1.	Свиньи и боровы старше 1 года	103.544	67.847	18.533	3.458	3.998	44.092	100	65,5	17,9	3,3	3,9	42,6
2.	Подсвинки от 4 месяцев до 1 года	80.046	49.407	23.960	7.190	9.747	53.633	„	61,7	29,9	9,0	12,2	67,0
3.	Поросята до 4 месяцев . .	119.909	75.466	45.582	13.743	24.239	80.330	„	62,9	38,0	11.5	20,2	67,0
	ИТОГО . .	303.499	192.720	88.075	24.391	37.984	178.055	„	63,5	29,0	8,0	12,5	58,7

Из этой таблицы легко усмотреть, что период времени с 1917 по 1920 год численный состав стада ТР уменьшился почти на 40%. При этом различные возрастные группы свиней уменьшились почти на одинаковый процент.

Следующие годы 1921 и 1922 свели наше местное свиноводство почти на нет. Свиньи первые гибли под ножем голодающего крестьянина. При этом больше щадили поросят и подсвинков, дабы иметь их у себя в резерве, на племя.

В 1923 году замечаем увеличение свиного стада, которое стало расти столь же быстро, как и убывало в тежелые годины голода и экономической разрухи. В 1924 году оно достигло по своим размерам до 58,7% стада 1917 года.

Влияние голода в некоторых кантонах продолжалась до 1923 г. Некоторые же кантоны начали увеличивать свое стадо именно начиная с этого года.

Овцеводство.

В пределах Татарской Республики эта отрасль животноводства развита довольно значительно. Это об'ясняется тем обстоятельством, что местное татарское население, взамен свиньи более привычно к овцеводству. Тому же способствует обилие лугов в ТР с их осенними отавами. В 1924 году мы видим в распоряжении крестьянских хозяйств свыше миллиона голов овец. В 1917 году число овец здесь было гораздо значительнее и равнялось 2.259.737 головам.

По отдельным кантонам в 1924 году было следующее количество овец.

Количество овец в крестьянских хозяйствах по кантонам ТР в 1924 г.

КАНТОНЫ	Овцы валухи и бараны взросл.	Ягнята	Итого
Арский	105.012	77.299	182.311
Бугульминский	83.472	51.068	134.540
Буинский	38.967	30.258	69.225
Елабужский	51.108	35.658	86.766
Лаишевский	43.038	32.214	75.252
Мамадышский	46.689	32.659	79.348
Мензелинский	50.968	32.049	83.017
Свияжский	32.200	23.686	55.886
Спасский	23.949	18.271	42.220
Тетюшский	29.536	19.692	49.228
Челнинский	65.237	44.309	109.546
Чистопольский	72.740	54.148	126.888
По ТССР	642.916	451.311	1.094.227

Если сравнить только что приведенные цифры с цифрами посевной площади того же года, то найдем, что на 100 десятин посева приходится полов овец и ягнят в разных кантонах следующее колич.:

КАНТОНЫ	На 100 дес. посева приходится овец и ягнят
Арский	71,2
Бугульминский	64,9
Буинский	63,3
Елабужский	70,6
Лаишевский	57,1
Мамадышский	59,2
Мензелинский	72,6
Свияжский	53,6
Спасский	45,5
Тетюшский	51,1
Челнинский	62,0
Чистопольский	52,1
По ТССР	61,1

Таким образом, максимальное количество овец мы видим в кантонах: Елабужском, Арском и Мензелинском и минимальное—в Спасском.

Весьма интересно также сопоставить количество овец с числом коров. Ведь овцеводство является естественным конкурентом мясного крупно-рогатого скотоводства. Оказывается, что на 100 дойных коров приходится такое число голов взрослых овец и ягнят.

КАНТОНЫ	Голов взрослых овец	Голов ягнят
Арский	257,8	189,7
Бугульминский	214,2	131,0
Буинский	255,4	198,3
Елабужский	244,1	170,3
Лаишевский	211,3	158,2
Мамадышский	220,2	154,0
Мензелинский	229,6	144,4
Свияжский	221,4	162,8
Спасский	143,4	109,4
Тетюшскмй	195,1	130,1
Челнинский	232,4	157,8
Чистопольский	189,0	140,7
По ТССР	219,7	154,2

Таблица показывает, что на 100 дойных коров приходится взрослых овец, а также и ягнят максимальное количество в Арском и Буинском кантонах, минимальное—в Спасском.

Что же касается динамики местного овцеводства, то она может быть выражена в следующих цифрах.

Изменение количества овец в крестьянских хозяйствах ТССР

с 1917 по 1924 г.

ГРУППА СКОТА	В абсолютных числах						В % %					
	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Овцы:												
Взрослые .	2038645	1057287	556807	287556	314521	642916	100	51,9	27,3	14,1	15,4	31,5
Ягнята . .	221092	111622	67134	27320	293030	451311	—	50,5	30,4	12,4	108,1	187,8
ИТОГО .	2259737	1168909	633941	314876	553551	1094227	—	51,7	23,6	13,9	24,5	48,4

Оказывается, голод и экономическая разруха гибельно отразились и на овцеводстве ТР. К 1922 году в пределах нашего края осталось всего лишь 14% того количества овец, какое мы имели в 1917 году. При этом и здесь в первую очередь гибнул молодняк. Но с него же началось в 1923 году и возрождение местного овцеводства. Так в 1924 году в пределах ТР мы видим, что количество ягнят достигало 187,8% того же количества 1917 года.

Число взрослых овец прибывает не так быстро. Их количество равняется в 1924 году лишь $^1/_3$ того же овечьего стада 1917 года.

Можно установить тот факт, что местное овцеводство восстанавливается не с такою интенсивностью, как местное свиноводство.

В остальных кантонах эта убыль была более или менее одинакова. И темп восстановления овцеводства был далеко не одинаков для различных административных частей ТР. Он был значителен в Арском, Мензелинском, Елабужском и Бугульминском кантонах и весьма невелик в Тетюшском и Спасском, наиболее пострадавших от голода 1921 года. Эти два кантона имеют в настоящее время лишь $^1/_3$ того числа овец, какое в них было в 1917 году. Большинство же

кантонов едва достигло половины своего овечьего стада, бывшего в 1917 году. Близки к такому восстановлению Арский и Елабужский кантоны.

Козоводство.

Наш очерк животноводства был бы неполон, если бы мы не сказали несколько слов о зарождающейся отрасли местного животноводства — козоводстве, «Коза—корова бедняка». И именно бедность, экономическая разруха, вызвали стремление у наших крестьян обзавестись козами. Правда, коза и в нормальный, довоенный период была одним из любимых животных татарского населения.

В 1924 году число коз в пределах ТР равнялось 153.911. По отдельным кантонам это число распределяется таким образом.

Количество мелкого рогатого скота в крестьянских хозяйствах по кантонам ТССР в 1924 году.

КАНТОНЫ	К О З Ы		
	Козы и козлы взрослые	Козлята	Итого
Арский	15.139	11.964	27.103
Бугульминский	10.944	8.975	19.919
Буинский	6.951	7.481	14.432
Елабужский	1.851	1.622	3.473
Лаишевский	8.477	5.869	14.346
Мамадышский	5.859	4.221	10.080
Мензелинский	4.048	2.778	6.826
Свияжский	4.025	1.970	5.995
Спасский	3.347	3.452	6.799
Тетюшский	10.398	6.630	17.799
Челнинский	6.164	5.111	11.275
Чистопольский	8.949	7.686	16.635
По ТССР	86.152	67.759	153.911

Особенное развитие козоводства мы видим в 1924 году. Действительно, число взрослых коз равняется 106,9% количеству голов козьего стада 1917 года, а козлята достигли 629,3% количества того же 1917 года. В этом легко убедиться при рассмотрении следующей таблицы.

Изменение количества мелкого рогатого скота в крестьянских хозяйствах с 1917 по 1924 г.

Группы скота	В абсолютных числах						В % %					
	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1624 г.	19.7 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Козы:												
Взрослые	80.603	47.287	36.697	30.425	38.773	86.152	—	58,7	45,5	37,7	48,10	106,9
Козлята .	10.768	6.584	4.957	3.542	28.976	67.759	—	61,1	46,0	32,9	269,1	629,3
ИТОГО .	91.371	53 871	41.654	33.967	67.749	153.911	—	59,0	45,6	37,2	74,1	168,4

Птицеводство.

В последние годы перед империалистической войной в нашем краю начало сильно развиваться куроводство.

Несмотря на то, что оно было постановлено далеко не рационально, как мы ниже скажем и им серьезно никто не занимался, а так, между прочим, однако, из б. Казанской губернии ежегодно вывозилось до 2 миллионов пудов яиц, а в годы, следующие за урожаями, и выше этого количества (правда часть яиц собиралась из соседних губерний). Кроме того, из той же Казанской губернии вывозилось ежегодно более 500 тысяч пудов живой и битой птицы. Следует заметить, что наша Казанская губерния по вывозу яиц стояла в России на втором месте и со всех железно-дорожных станций отправлялось около 12% всех яичных перевозок по дорогам Европейской России. И главная масса всего этого дорогого продукта сельского хозяйства вывозилось за-границу. Со всей же России вывозилось за-границу более 4-х миллиардов яиц, до 14 миллионов штук живой и битой птицы, весом до 3 миллионов пудов, до 20 тысяч белков и желтков, да еще перо и пух, а всего продуктов птицеводства на 110 миллионов руб. золотом. При этом следует заметить, что вывоз яиц из России за-границу до германской войны рос весьма быстро, что можно усмотреть из следующей таблички:

Вывоз яиц из России (в миллионах штук).

Годы	Милл. штук
1892	983
1900	1.776,7
1902	2.288,9
1904	2.752,7

1906	2.833,1
1909	2.844,7
1911	3.683,0
1913	4.085,0

В настоящее время, под влиянием пережитых нами ужасных месяцев голода, куроводство в нашем краю совершенно разорено. Статистические цифры говорят нам нечто разительное.

Изменение количества домашней птицы по Т. С. С. Р. с 1920 по 1923 г.

№ по пор.	Название птицы	В абсолют. числах					В %/%				
		1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
1	Куры . .	1.909.698	921.667	426.468	519.330	1.669 365	100	48,3	22,3	27,2	87,7
	Гуси . .	286.381	137.061	49 533	55.284	63.876	100	47,9	17,3	19,3	22,3
	Утки . .	31.263	12.658	2.481	2.374	9.89	100	40,5	7,9	7,6	31,6
4	Индейки .	5.625	2.159	921	7 .2	14.230	100	38,4	16,4	12,7	75,2
	ИТОГО .	2 232.967	1.073 545	479.403	577.700	1.747.36	100	48,1	21,5	25,9	78,3

В настоящее время, под влиянием пережитых нами ужасных месяцев голода, куроводство в нашем краю совершенно разорено. Статистические цифры говорят нам нечто разительное. В то время, как по данным переписи 1919 года в Татарской Республике насчитывалось 2,283,000 голов кур, данные статистики 1922 года говорят, что этой птицы осталось лишь 426.000 голов. Убыль поразительная и заставляет нас подумать о судьбе местного птицеводства. Необходимо возродить его и довести до широких размеров. Необходимо дать толчек в этом деле, натолкнуть население и хозяйственников на мысль о необходимости заняться национальным птицеводством и заняться немедленно и всерьез.

Пчеловодство.

Свой обзор животноводства мы должны закончить несколькими словами о местном пчеловодстве.

Всего в пределах ТР насчитывается свыше 4.800 пасек (данные 1922 года) имеющих 76.862 семьи.

Как распространяются и те и другие по кантонам можно видеть на следующей таблице.

Количество пасек и семей пчел по кантонам ТССР в 1922 г.

№№ по пор.	Название кантонов	Колич. пасек	Количество семей пчел Всего	В том числе в рам. ульях.
1.	Арский	1.228	12.647	6.628
2.	Бугульминский	792	10.046	4.217
3.	Буинский	176	1.245	770
4.	Елабужский	237	3.364	1.221
5.	Агрызский			
6.	Лаишевский	354	8.040	4.920
7.	Мамадышский	292	7.975	5.023
8.	Мензелинский	496	13.288	6.488
9.	Челнинский			
10.	Свияжский	177	3.923	1.522
11.	Спасский	328	4.459	1.765
12.	Тетюшский	137	1.957	542
13.	Чистопольский	596	9.918	5.640
	Итого по ТССР	4.813	76.862	38.736

Пчеловодство ТР стоит в культурном отношении не высоко. Более половины всех ульев колодные. Меду собирается довольно много—несколько десятков тысяч пудов.

Голодный год и гражданская война много повредили местному пчеловодству, которое, однако, в настоящее время начинает вновь оживать.

Огородничество.

Огородничество играет не маловажную роль в хозяйственной жизни Татарии. В довоенное время с Казанских пристаней ежегодно экспортировалось до 70 груженых капустой баржей. Не мало отправлялось таким же путем местного лука, огурцов и корнеплодов. Статистические сведения 1909—11 г.г. говорят нам о том, что ежегодно из пределов Казанского края вывозилось 238.000 пудов картофеля, 603.000 пудов капусты и 58.000 пудов лука, огурцов и др. овощей, или по самым скромным расчетам, всего овощей на сумму 225.000 рублей золотом по довоенным ценам.

Но нужно оговориться, что огородничество в ТР развито не повсеместно, но лишь гнездами. Имеется множество селений, в которых об огородничестве, как говорится, даже нет и помину. Этим видом сельского хозяйства меньше всего интересуются татары, которые до сих пор мало усвоили себе приемов культивирования овощей. Да множество и русских крестьян или совсем не «садят огородов» или же разводят овощи лишь для своего хозяйства, для своего обихода, или для лакомства, а не на продажу.

По сведениям Под'отдела Огородничества Нар. Ком. Земледелия ТР в пределах Татарии использовано под огороды крестьянским населением, огородническими пунктами, совхозами и артелями в 1922 году следующее количество десятин земли.

КАНТОНЫ	Десятин	1920 г. на 1 хоз.	1922 г. на 1 хоз.
1. Арский . . .	2.978	26	18,3
2. Буинский . . .	2.208	51	47,8
3. Бугульминский .	1.553	26	13,5
4. Елабужский . .	1.520	32	34,6
5. Лаишевский . .	1.634	23	19,4
6. Мамадышский .	3.457	30	42,1
7. Мензелинский .	303	19	4,1
8. Свияжский . .	2.671	19	39,2
9. Спасский . . .	1.553	22	22,0
10. Тетюшский . .	3.100	39	40,9
11. Чистопольский .	3.986	38	27,2
12. Челнинский . .	1.697	29	15,4
13. По г. Казани .	1.300		
Итого . . .	27.960		

Промышленное же огородничество развито лишь около двух больших городских центров Татарии—Казани и Чистополя, население которых является потребителем продуктов огородничества. Производство продуктов огорода расчитано не только на местные рынки, говорит М. И. Манцевич, но главным образом, на вывоз его по системе реки Волги в северо-восточные окрайны России, где огородничество почти невозможно (огурцы, лук), или на юг, где благодаря жаркому лету не развиваются некоторые огородные культуры, например, капуста, которая вообще не завивает вилков при температуре по С свыше 34°.

Близ Казани промышленным грунтовым огородничеством на своих надельных и усадебных землях занимаются крестьяне целыми селениями и даже волостями. Так, почти все поголовно жители Столбищенской волости, Арского кантона и Астраханской вол., Лаишевского кантона занимаются производством лука. Все крестьяне с. Борискова (Воскресенской волости, Арского кантона) разводят в большом количестве морковь, в селениях Кукушкино, Отары (той же волости)—свеклу и петрушку, в селениях Большие и Малые Клыки, Царицино, Самосырово выращивают капусту и т. д.

В слободах г. Казани: Козьей, Дальне-Архангельской и Суконной имеется и парниковое огородничество. Здесь парниковые огородные хозяйства занимают площадь в 5 десятин 658 кв. саж. и имеют 11.555 штук парниковых рам (сведения 1921 года).

Наконец, специальный вид огородничества возник около Казани за последние годы войны и революции и особенно после неурожайного 1920 г. и голодного 1921 года. Различные предприятия, учреждения, артели и частные лица, с 1917 года начали устраивать свои огороды. Размеры этих последних достигли к 1922 году больших размеров. Так в 1917 году они занимали площадь в 145 десятин, в 1918 г—350 д., в 1919 г.—510 д., в 1920 г.—700 д., в 1921 г.—1200 д. и в 1922 г.—1300 десятин. На этих огородах наиболее распространенной культурой являлся картофель.

Как известно, «огороднику необходимо обладать весьма солидными специальными познаниями, чтобы наверняка провести культуру с выгодой». Каковы же познания крестьян—огородников ТР? Они, к сожалению, не велики. Больше знают по опыту крестьяне пригородные, искони занимающиеся огородничеством. Большинство же наших крестьян незнакомы даже и с элементарными правилами огородничества.

Не упорядочен, не организован у огородников ТР и сбыт их продуктов. «Обычно наши огородники-крестьяне сбывают продукты прямо с возов на местном рынке непосредственно потребителю или перепродавцу. При большом скоплении товара, последний, таким образом, очень обесценивается» (М. И. Манцевич). Нет кооперативных об'единений по сбыту овощей. Не имеется и консервных фабрик по переработке овощей. Правда, в годы войны в Казани существовали овощесушильные заводы, поглощавшие большое количество местных огородных продуктов и снабжавшие сушеными овощами армию. Теперь эти заводы закрыты.

Для обсеменения своих огородов крестьяне ТР пользуются большею частью привозными семенами и мало занимаются, так называемым, огородным семеноводством.

Плодоводство.

Казанский край, как и все Поволжье, издавна славится своим плодоводством, которое имеет важное экономическое значение для местного крестьянского населения.

Фруктовые сады встречаются во всех кантонах ТР. Но выдающееся и, можно сказать, первое место по развитию плодовых насаждений занимает правый, нагорный берег Волги, начиная от села Верхний Услон и деревни Печищи, Свияжского кантона (это село расположено против Казани) и до г. Тетюш. Здесь именно тянется довольно широкая прибрежная, вся изрезанная многочисленными оврагами, полоса земли, на которой густота распределения садов достигает своего максимума. Здесь сады расположены иногда по склонам к Волге или по склонам глубоких, открывающихся на Волгу, оврагов, прорезывающих нагорный берег ее и разветвляющихся на

некотором расстоянии от берега в разных направлениях. Наиболее выдающимися пунктами этой прибрежной линии садов, этого фруктового царства, являются следующие селения Свияжского кантона: Печищи, Верхний Услон, Студенец, Нижний Услон, Воробьевка, Ключищи, Матюшино, Ташевка, Гребени, Шеланга, Лабышки, Теньки, Нижние и Верхние Буртасы, Красновидово; Тетюшского кантона: Антоновка, Богородское, Архангельские Кляры, Каратаи, Карельское, Сюкеево и гор. Тетюши. Большие площади садов мы встречаем и по реке Свияге и ее притокам Суле и Уломе и, вообще, на всей территории Свияжского и Тетюшкого кантонов. Этот район является самым богатым в ТР по размерам плодоводства, что об'ясняется наличием здесь благоприятных для садоводства почв и климата—большое количество осадков и менее суровая зима. Южный сосед Тетюшского кантона—Буинский кантон представляет собою в отношении плодоводства совсем другую картину. В этом кантоне уже сравнительно редко попадаются плодовые сады.

Северо-западная часть ТР—Прикамье—занимает в этом отношении более скромное место, т. к. она имеет менее благоприятные климатические условия для занятия садоводством—более суровые зимы и меньшее количество осадков. Из четырех кантонов, составляющих эту часть Татарии, наибольшее количество садов падает на Елабужский и Лаишевский кантоны, затем идет Мамадышский и на последнем месте стоит Арский. Довольно много фруктовых садов разведено в самом городе Казани и в его слободах.

Что же касается кантонов Закамья, то по степени распространения плодоводства они значительно отличаются друг от друга. Кантоны Спасский и Н. Челнинский отличаются довольно значительным распространением этой отрасли с.-хозяйства. В кантонах же Чистопольском, Мензелинском и Бугульминском ее роль ничтожна.

Приводимые нами выше таблицы дают возможность читателю убедиться в справедливости сказанного о районах распространения плодоводства в пределах ТР.

Хотя, как мы видим, плодоводство в различных районах ТР развито далеко не одинаково, однако и в тех кантонах, где садов мало, и там при наличии благоприятных почвенных условий и условий удобного сбыта продуктов плодоводства, это последнее, без сомнения, могло бы развиваться весьма широко, т. к. климатические условия еще не столь суровы даже в северо-восточной части нашей области, чтобы мешать разведению плодовых деревьев.

Промышленное плодоводство в ТР основано преимущественно на разведении яблонь. Некоторое значение в этом отношении имеет также разведение вишни, малины, красной и черной смородины,

крыжовника и земляники. Очень редко встречаются в наших садах груши и сливы.

Из яблонь первостепенную роль играют сорта: анис алый и серый, пудовщина, скороспелка, хорошавка, боровинка и мальты.

Техническая сторона садоводства у крестьян ТР поставлена плохо. Деревенские садоводы мало пользуются советами науки и «садят сады» так, как их учили деды и прадеды. Очень часто они теряют урожаи садов из-за своего невежества, из-за неуменья обращаться с плодовыми деревьями, а также неуменья бороться с разнообразными вредителями плодовых деревьев. А их не мало! Здесь мы видим морозы, побивающие своими утренниками цвет плодовых растений и таких грызунов, как зайцы и мыши, портящие кору деревьев, самых разнообразных насекомых (яблоневая моль, кольчатый шелкопряд, кучки-слоники, цветоеды и т. д.) и, наконец, различного рода грибные болезни и грибы, наблюдаемые на стволах яблонь и ягодных кустов.

Средний урожай яблок с одного дерева равняется в Свияжском кантоне 1,9 пудам при колебаниях от 0,2 до 5,2 пудам; в Тетюшском же кантоне несколько выше —средний урожай равняется 2,3 пуда с дерева, при колебаниях от 0,4 до 7,2 пуда. В других кантонах, где плодоводство не пустило еще глубоких корней среди местного крестьянского населения, средний урожай яблок значительно меньше, не достигая в среднем и одного пуда с дерева.

Средний же урожай яблок с десятины сада [1]) равняется 587 пудам, причем в самые урожайные годы эта цифра поднимается до 908 пудов и в годы наименьшего урожая достигает лишь 249 пудов.

Зная же среднюю стоимость пуда яблок без всякой сортировки, равную 50 коп. (по довоенным ценам), мы можем определить валовой доход с одной десятины яблочного крестьянского сада приблизительно в 300 рублей. Эта сумма, как доказывают статистические цифры, довольно устойчива на протяжении многих лет.

Таким образом, можно думать, что ТР, при самых скромных подсчетах, имеет валовый доход от всех своих садов на сумму свыше $1^1/_2$ милл. рублей. Цифра, как видно, получается внушительная, если принять притом же во внимание, что издержки на производство садовладельцы при затрате своей работы имеют весьма незначительные, не превышающие одного—двух десятков рублей на десятину плодовых насаждений.

---

[1]) Обычно на десятину сада в ТР приходится приблизительно 300 яблоневых деревьев.

Плодовые сады эксплоатируются хозяевами двояким способом: сдачей в аренду и продажей плодов самостоятельно. Сдача в аренду (продажа урожая)—самый распространенный способ использования урожая. Сбор же плодов собственными силами и самостоятельная продажа практикуется реже. Крестьяне—садоводы, к сожалению, редко умеют производить эту операцию с достаточной аккуратностью, так что плоды не всегда избегают побоев и помятия. Неумело производится и упаковка плодов, с какой целью употребляются лубяные короба. Яблоки, после неумелой упаковки, обычно выходят из коробов с отдавленными боками и от этого быстро подвергаются порче. О деревянных ящиках, весьма удобных для такой операции, нет и помину в пределах ТР.

Ближайшим и главнейшим рынком для сбыта местных плодов является Казань. Сюда свозятся в большом количестве плоды не только из пределов ТР, но также и из соседних с ней северных и южных Приволжских областей и губерний, на пароходах и лодках «дощаниках». Для южных частей Тетюшского кантона местом сбыта является г. Буинск. Города Лаишев, Чистополь и Спасск служат рынками для своих кантонов. Для южной части Спасского кантона местом сбыта служат близко лежащее село Майна, Самарской губернии. Наконец, более отдаленным рынком для сбыта плодов служат Приуралье (Пермь, Екатеринбург и др.) и Сибирь, а также в небольшой части Нижний, Ярославская и Костромская губернии.

Технические производства из плодов в пределах ТР, к сожалению, почти вовсе не развиты.

Таково положение плодоводства в ТР.

Этим заканчивается наш обзор сельско-хозяйственной жизни ТССР.

Неземледельческие промыслы в деревне.

Земледельческие и, вообще, сельско-хозяйственные работы, вследствии климатических, почвенных и прочих условий, не могут производиться сплошь круглый год и потому оставляют для крестьян нашего края продолжительный досуг. Без сомнения, обычные занятия по дому и крестьянскому двору далеко не столь велики, чтобы поглотить собою весь значительный промежуток свободного времени. Мало того, и само-то сельское хозяйство не может занять все свободные рабочие руки—получается излишек.

Фабрично-заводская промышленность ТССР может занять лишь незначительное количество этих рабочих рук, не находящих применения в земледелии. Остальная многочисленная часть крестьян принуждена искать заработка в местных неземледельческих промыслах

не бросая земледелия. Обычно в таких промыслах принимают участие все члены семьи—мужчины, женщины и дети обоего пола. Такое соединение промысла с земледелием особенно важно для малоземельных крестьян. Значительную часть года земледелец употребляет с большою пользою для себя. И зачастую доход от промысла бывает больше дохода от сельского хозяйства.

Как и следовало ожидать, первое место среди неземледельческих занятий сельского населения в Татарской республике занимают лесные промыслы и промысел по обработке дерева. Обилие леса и удобные речные пути сообщения, дающие возможность отправлять изделия этих промыслов в степные низовья Волги и, наконец, благоприятные климатические условия—зимний санный путь в лесах, половодье весною, все это составляет для развития лесного и древообрабатывающего промысла весьма благоприятные условия.

Рубка и пилка леса составляют занятия жителей преимущественно в Арском, Мамадышском, Чистопольском, Лаишевском, Спасском, Мензелинском, Буинском кантонах. Эти работы происходят по зимам. В лестных местностях крестьяне целыми деревнями работают в бору. Лесные промыслы, вследствие прекращения частной лесной торговли и остановки лесопильных заводов, за последнее время заметно уменьшились. Работы по лесному промыслу и раньше производились артелями, теперь же, с переходом лесов в руки государства, среди лесопромышленников все более и более является стремление об'единиться в артели.

Древообрабатывающие промыслы Республики заключаются в тележном, бондарном, столярном, щепном, рогожном и кулеткацком промыслах, основных на механической обработке дерева, и сухой перегонки дерева, углежжения—химической обработке дерева.

Экипажный промысел приготовляет 3 рода телег: русскую, татарскую и немецкую «колымагу» и экипажи. В тесной связи с ними стоит выработка саней—дровней, развальней и обшивней. Казанские сани и тарантасы с давних пор известны в Приволжских, Заволжских и многих центральных губерниях. Эти промыслы распространены главным образом в Бугульминском, Лаишевском, Чистопольском, Тетюшском, Спасском, Свияжском и Арском кантонах.

Выработка телег и саней существует и во всех других кантонах для местных потребностей. Промысел носит характер семейного производства при самой незатейливой обстановке: летом под навесом, зимой или в избе, или в пристрое. Работы производятся с конца марта и до сентября, а иногда и в зимнее время. К этим же промыслам тесно примыкает изготовление салазок, дуг, хомутовых клещей, оглобель.

Дранье корья, лыка, мочала, мха и вязание метел развито в Мамадышском, Спасском, Свияжском, Лаишевском, Арском, Чистопольском кантонах. Работы происходят с весны до осени. Изделия из коры, бересты, лыка и мочала приемущественно производятся в Буинском, Бугульминском, Арском и Мамадышском кантонах. Вырабатываются рогожи, кульки, бураки, пещера. Производство рогож и кульков происходит с осени до весны, в избах или отдельных кулечных домах-фабриках. Рогожи ткут втроем: мастер—ткач и два подростка—щепальщик и игольщик. Щепальщик разделяет мочало на ленты, игольщик просовывает при помощи особой иглы эту ленту через основу, ткач прибивает каждую новую ленту к готовой уже ткани. Этим промыслом занимаются преимущественно татары, чуваши, вотяки, мари. Рогожные изделия идут в низовые города Волги и на Урал, а таке по станциям железных дорог для перевозки зерновых продуктов. К тканью рогож примыкает витье мочаловых веревок, изготовление мочальной упряжи и рыболовных снастей.

Плетение лаптей имеется, конечно, в каждой деревне, но особенно оно развито в Спасском, Тетюшском, Мамадышском, Арском кантонах. Лапти сбывают в низовые губернии.

Выделкой клепки заняты многие кантоны. Отправляется она в Саратов, Царицин, Астрахань, Баку, а лучшую дубовую до войны отправляли даже во Францию для изготовления бочек под виноградные вина.

Корзины, (бельевые, дорожные и для бутылок) гнутая мебель, экипажные плетенки, изготовляются преимущественно в Арском, Чистопольском кантонах. Работы происходят осенью и зимою. Произведения продаются на местных рынках и в Казани, а отсюда отправляются в низовые города.

В нескольких селениях Свияжского кантона работают вагонные брусья и брусья для спиц.

Плотничный промысел развит в Арском, Чистопольском, Спасском, Мамадышском, Тетюшском и Свияжском кантонах. Плотничают русские, чуваши и татары. Занимаются промыслом в свободное от полевых работ время; работают артелями в родных и окружающих кантонах. Сюда же близко относится изготовление барж и лодок, чем заняты некоторые жители Арского, Лаишевского, Спасского и Свияжского кантона. Бондарный промысел—приготовление мелкой посуды и мелких изделий—бочек, кадушек, ведер, ушатов и тому подобного—занимает жителей Мамадышского, Чистопольского, Спасского, Тетюшского, Свияжского, Лаишевского и Арского кантона. Работы идут круглый год и большей частью артелями. Произведения нередко отправляются в Самару и Ульяновск.

Столярно-токарный и паркетный промыслы развиты в Арском, Бугульминском, Мамадышском, Чистопольском, Свияжском, Тетюшском и Спасском кантонах. Выделывают посуду, веретена, простые и складные стулья, оконные рамы, ящики для укупорки товара, вешалки, деревянные могильные кресты, рамочные улья, деревянные трубки, чубуки.

Щепной товар—деревянные чашки, блюда, сита, решета, прядильные гребни, топорища, грабли, лопаты, весла, ведра, смолянки, сапожные колодки, седла, седелки и проч.—приготовляются крестьянами Арского, Мензелинского, Спасского, Мамадышского, Свияжского кантонов, в свободное от земледельческих трудов время.

Смолокурением и сидкою дегтя занимаются в Арском, Мамадышском, Спасском и Чистопольском кантонах. Промысел этот развит преимущественно среди Мари. Гонка смолы производится с сентября по май и ее производят только мужчины, а женщины занимаются лишь подвозкой смолы. Смолокурение требует устройства специального завода и так как это обходится довольно дорого, то для его устройства крестьяне соединяются в артели.

Кроме смолы, добывают скипидар, терепентин, канифоль, галлипот. Продукты эти, кроме России, отправлялись до войны и за-границу. Благодаря значительному истощению лесов и сильно сократившегося за последнее время требования на смому в Приволжских губерниях, вследствие замены смолы более дешевыми нефтяными продуктами, смолокурение падает и это тем более, что вследствие невысокой техники смолокуренных заводов получаются и продукты низкого качества. Немного жителей занято гонкою дегтя.

Уголь жгут в Чистопольском, Мамадышском, Лаишевском и Арском кантонах. Он является отчасти побочным промыслом при смолокурении, отчасти самостоятельным. Им занимаются и русские, и татары, и мари.

В тех местностях, где отсутствует лес, или где его почему-либо нельзя эксплоатировать в целях промышленности, население обращается к добыче и обработке других материалов и, прежде всего, конечно, к обработке растительных веществ, доставляемых земледелием. Так, нередко целые селения (особенно базарные) заняты выпечкой хлеба на продажу. Распространенность культуры волокнистых растений льна и конопли—доставляет материал для веревочного производства, куда следует отнести не только витье веревок, но и изготовление изделий из них, как-то: тяжей, шлей, рыболовных снастей и проч. (Заняты кантоны Бугульминский, Арский, Мамадышский, Чистопольский, Спасский, Лаишевский; промысел преимущественно татарский).

Сюда же следует отнести и такие промыслы, как кружевной, красильно-набивной, ткачество и производство изделий из соломы и камыша.

Кружевным промыслом занимаются в Лаишевском, Мамадышском, Арском и Спасском кантонах. Промысел существует с XVIII века; работают женщины, девицы, подростки. В с. Ныpты, Мамадышсколо кантона существовала даже промышленно-художественная школа по этому ремеслу, которая оказала большие услуги населению. Кроме кружев изготовляются вязанные салфетки, косынки, одеяла, накидки. Изделия наших кружевниц экспонировались на Парижской выставке.

Промысел красильно-набивной—окрашивание пряжи, холста, скатертей и проч.—развит в Лаишевском, Чистопольском, Спасском, Тетюшском, Свияжском, Мамадышском кантонах. Работы производятся месяца 3 весною и осенью. Промысел этот также и отхожий: красильщики разъезжают по Ульяновской, Самарской и Саратовской губерниям.

Ткачество ныне уже теряет значение промысла, фабричное производство тканей заставляет его угасать, но все же есть села, например, в Тетюшском кантоне, где им занимаются на продажу. Главным средоточием ткацкого промысла следует считать Бугульминский кантон. В Мамадышском кантоне изготовляют пряжу, в Арском—ткут салфетки. В Мензелинском кантоне ткут сарпинку.

Производство изделий из соломы и камыша имеется в Арском и Тетюшском кантоне.

Там, где население не может добыть для своих промыслов материалов растительных веществ, оно берется за обработку продуктов других отраслей сельского хозяйства и, прежде всего, конечно, скотоводства. Обработка животных веществ по степени распространенности занимает первое место после обработки дерева. Сюда следует отнести промыслы овчинный, скорняжный, кожевенный, шорный, рукавичный, шерстобитный, валяльный, шитье кожаной обуви, пряденье и тканье шерсти, и, наконец, выделывание изделий из волоса и щетины.

Овчинный промысел обслуживает лишь местное употребление. Им занимаются в Бугульминском, Арском, Свияжском, Тетюшском, Спасском, Чистопольском, Мамадышском кантонах. Овчинники устраивают род небольших заводов, представляющих собою простые избы, где стоят красильные чаны. Некоторые кожевники уходят работать на-сторону.

Кожевенный, шорный и рукавичный промыслы развиты в Чистопольском (крупный центр—село Богородское), Арском, Мамадышском, Свияжском и Бугульминском кантонах.

Товар сбывается в соседние губернии. Промысел существует более 100 лет. Перерабатываются: яловица, полуялок, баранья кожа, выросток, опоек, конина и бычачья кожа. Делают разную сбрую—седла, седелки, хомуты, шлеи, узды и проч.

Шитье *кожаной обуви* имеется в Буинском, Мензелинском, Чистопольском, Мамадышском, Арском, Спасском кантонах. Работают преимущественно сафьяновую азиатскую обувь. Из предметов производства преобладают «*ичеги*»,—обувь из цветного сафьяна, крытая узорами, которые изготовляются в огромном количестве в слободах, близ Казани, снабжавшей в былое время обувью Туркестан, Хиву, Бухару, Сибирь.

Шерстобиты имеются более в Бугульминском, Арском, Чистопольском, Лаишевском, Мамадышском, Тетюшском кантонах. Работают с осени до весны, некоторые уходят на-стороны, переходя с своими инструментами из деревни в деревню. С распространением шерстобитных машин, этот промысел начинает падать.

Шерстоваляльный промысел получил наибольшее развитие в Мамадышском (село Кукморы), Арском, Бугульминском, Мензелинском и Буинском кантонах. Имеется он в незначительных размерах и в других кантонах. Выделываются валенки, шляпы, войлоки, бурки, валяные галоши и туфли. Этот промысел преимущественно *татарский*. Работают не только на местах, но и отходят в соседние губернии.

Пряденье и тканье шерсти производится преимущестренно в Лаишевском, Чистопольскои и Арском кантонах. В Арске была даже ткацкая школа. Сюда же относится изготовление поясов, подпруг, варежек, чулок, что особенно развито в Бугульминском кантоне.

Изделия из волоса и щетины приготовляются преимущественно в Лаишевском и Чистопольском кантонах. Вырабатываются сита и щетки.

В некоторых местностях население прибегает к промыслам, связанным с обработкой металлов. Так, с давних пор некоторые кантоны Татарской Республики славятся кузнечно-слесарным и ювелирным промыслами. Особенным распространением отличался кузнечный промысел. Он не только служил для удовлетворения местных сельских нужд, но находился в прямой и постоянной связи с казанскими экипажными мастерскими, железными лавками, которые являлись главными заказчиками кузнецов.

Промыслом кузнечно-слесарным, кровельным и котельным занимаются преимущественно в кантонах: Арском, Лаишевском Мамадышском, Чистопольском, Спасском, Тетюшском, Буинском и Свияжском. Все кузнецы разделяются на кузнецов промышленников, живущих исключительно этим ремеслом, и кузнецов, посвящающих ремеслу лишь свободное от полевых работ время. Кузнечный промысел заключается главным образом в оковке экипажей. За экипажами стали работать—оконные и дверные петли, крючки, накладки замков, ухваты, топоры, решетки, кровати и проч. скобяной товар. Центром производства является с. Чебакса, Арского кантона. В Тетюшском и Чистопольском кантоне изготовляют сельско-хозяйственные орудия. Котельный промысел существует в деревнях Спасского кантона. Развился он здесь от механического завода пароходного общества «Кавказ и Меркурий» в Спасском затоне.

Слесарей и меднолитейщиков более всего в Мамадышском и Лаишевском кантонах. Работают кумганы, самовары, медную посуду. В селе Кукморах есть и чугунно-литейные мастера.

Холодное кузнечество, т. е. изготовление ведер, труб, печей, леек и самоваров развито в Чистопольском кантоне.

Ювелирный промысел—в с. Рыбной слободе, Лаишевского кантона и в деревнях Мамадышского и Арского кантонов. Он состоит в изготовлении из латуни, серебра и польского серебра, серег, колец, браслеток, цепочек, различных украшений. Изделия до войны проникали в Киргизские степи, и даже в Германию и Лондон. Имелась художественно-промышленная школа.

Не мало дохода извлекает население Республики из добычи и обработки минеральных веществ.

На правом берегу Волги, в Свияжском и в некоторых других кантонах, и на Каме (Мензелинский кантон) жители занимаются ломкой каменных пород, которые частью на месте же подвергаются обделке в плиты. Эти плиты перерабатываются в плиты для полов, подоконников, карнизов и в камни для столбов. Здесь же производится добывание извести и алебастра. Присутствие довольно значительных залежей глины создало в Республике гончарный промысел, занимающий значительное количество рабочих рук Арского, Лаишевского, Свияжского, Спасского, Тетюшского, Чистопольского и Мамадышского кантонов.

Техника пока не высока. На-поливу употребляют свинец и деготь. В с. Пестрецах основана художественно-промышленная школа. Гончары выделывают горшки, корчаги, блюда, чашки и миски. Нередко встречается также выделка черепицы и гончарных труб.

Еще большим распространением пользуется кирпичный промысел, ввиду несложности его и большого спроса на продукты производства. Кирпичный промысел имеется во всех кантонах, сильно развивается за последнее время благодаря увеличевшемуся спросу на кирпич. Работают преимущественно русские и татары летом; выделывают или обыкновенный кирпич, или сырцовый.

Наконец, в нашей Республике распространены портняжный и шапочный промыслы. Они существуют во всех кантонах и служат для удовлетворения крестьян, причем портные и шапочники, в поисках за работой, переходят из одного селения в другое и даже за границы Республики, являясь, таким образом, странствующими ремесленниками.

Но перечисленные виды обрабатывающей, отчасти, добывающей промышленности не могут всецело занять все свободные руки рабочего рынка. Часть населения, не находя дела дома или вблизи его, уходит далеко от родного селения в различные местности, где отыскивает работы по постройке, ремонта зданий, а также—путей сообщения—каменьщики, штукатуры, печники, кровельщики, мостовщики, землекопы, плотники, маляры, стекольщики и т. п. или же ищут исхода в личных промысловых занятий, растекаясь для этого по Волге и ее притокам.

Малоземелье и безхлебица гонят крестьян многих местностей на фабрики и заводы в Казань и промышленные пункты центральной России. В поисках за заработком они часто уходят далеко от родного угла. До войны и революции наших крестьян можно было встретить и на Уральских заводах, и в Архангельской губернии, не мало их работало в угольных шахтах Донецкого бассейна, отдельные партии пробирались даже на Амур и в рудники Сибири.

Не малое число крестьян, ишущих заработка, находят его на реках, обслуживая здесь судоходство и торговлю. Одни из них поступают на службу матросами, и «бегают» на пароходах и баржах с ранней весны и до поздней осени. Другие исполняют разнообразные работы на пристанях. Наиболее сильный народ идет в грузчики.

С наступлением морозов, когда смолкает шум пароходов, и реки, крепко скованные, превращаются в широкие дороги, многие крестьяне снаряжают обозы для перевозки товаров. Не мало их также обращаются и к ямщичеству.

Наконец, среди неземледельческих занятий населения Республики следует отметить охотничий промысел и рыбную ловлю.

Охотою занимаются осенью и зимой в Чистопольском, Спасском, Тетюшском, Лаишевском, Арском кантонах.

Рыболовный промысел, благодаря рекам Волге, Каме, Вятке, Суре, развит значительно. Кроме того, им занимаются по малым рекам и озерам. Рыбная ловля наиболее распространена в Мензелинском, Чистопольском, Спасском, Свияжском, Тетюшком, Мамадышском, Лаишевском и Арском кантонах. Ловлей занимаются с весны и до поздней осени, но бывает и зимний подледный лов. Рыбы становится меньше и промысел падает.

Таковы промыслы и личные промысловые занятия, существующие в пределах Татарской Республики.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1) От редакции 3

2) Проф. *В. Ф. Смолин*—Археологический очерк Татреспублики 5

3) *Г. С. Губайдуллин*—Из прошлого татар 71

4) *В. М. Ермолаев*—Демографический очерк Татарской Республики 113

5) *Н. И. Воробьев*—Казанские татары (Этнографический очерк) 133

6) *Н. В. Никольский*—Чуваши 167

7) *В. Т. Соколов*—Мари 173

8) *И. Е. Евсевьев*—Мордва Татреспублики 179

9) *В. М. Ермолаев*—Сельское хозяйство Татарской Республики. 197

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

3 р 50 к